

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Брестер Александр Александрович

НАЧАЛО, ФОРМА И МЕТОД
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

12.00.09 – Уголовный процесс

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
А.С. Барабаш

Красноярск – 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Начало уголовного процесса и его реализация	12
§ 1. Понятие «начало уголовного процесса»	12
§ 2. Модель и форма уголовного процесса в соотношении с его началом	30
§ 3. Характеристика форм процесса, основанных на разных началах.	45
Глава 2. Метод публичного уголовного процесса	62
§ 1. Уголовный процесс как познавательная деятельность.	62
§ 2. Метод: понятие и место в деятельности.	76
§ 3. Вопрос о методе уголовного процесса в контексте его познавательной цели	87
Глава 3. Объективное, всестороннее и полное исследование как метод уголовного процесса	104
§ 1. Понятие объективности, всесторонности и полноты исследования	104
§ 2. Статус объективности, всесторонности и полноты в уголовном процессе	136
Заключение	162
Список использованных источников и литературы.	169
Приложение 1. Анкета	195
Приложение 2. Таблица обработки результатов анкетирования...	200
Приложение 3. Сводная таблица результатов изучения кассационных определений за период с 1.01.2012 по 31.12.2012	210

Метод - то, что зажигает свет, потом
указывает светом дорогу.
Ф. Бэкон

Гораздо лучше никогда не думать об
отыскании истины какой бы то ни было вещи,
чем делать это без метода.
Р. Декарт

Введение

Актуальность темы исследования. Уголовно-процессуальная деятельность, как и любая другая, зиждется на трех основных элементах: цели, методе и субъекте. Выстраивать её без четкого понимания их содержания чревато неэффективностью такой деятельности и невозможностью с ее помощью удовлетворить те интересы, ради которых она появилась.

Понятия «субъект» и «цель» науке уголовного процесса известны, хотя и остаются предметом дискуссий и разногласий. Однако этого нельзя сказать о понятии «метод». Вопрос о его содержании в науке не ставился, и единичные упоминания о нем скорее интуитивны, спонтанны, нежели осознанны. Но получится ли без этого понятия грамотно построить процесс познания? Можно ли субъекту добиться реализации цели без метода? Ведь именно метод – то, с помощью чего субъект продвигается от цели к результату. Именно с позиций метода можно понять, как должна быть организована уголовно-процессуальная деятельность. Решение же вопроса о методе требует обращения к разработке таких ключевых понятий, как начало уголовного процесса и его форма.

Полагаем, что именно четкого понимания указанных понятий, того, как они соотносятся друг с другом, их системы не хватает науке, чтобы говорить о полноценной основе для корректировки существующего механизма уголовного процесса или нового его построения. Последствия отсутствия определенности основополагающих для уголовно-процессуальной деятельности понятий имеют количественное и качественное выражение. Так, претерпев множество изменений и дополнений, УПК РСФСР, принятый в 1960 году, просуществовал относительно иных основных актов СССР и

РСФСР достаточно долго. За свою десятилетнюю историю действия после распада Советского Союза, с декабря 1991 по июль 2002 года, он изменялся более 40 раз. Что касается нового УПК РФ, то за период его действия было принято более 100 изменяющих или дополняющих его законов. И даже с учетом наличия среди них изменений технического плана эта ситуация в целом не нормальна для акта, регламентирующего одну из важнейших областей юридической деятельности. Качественно же отсутствие единого понимания того, что является началом российского уголовного процесса, какова его форма и метод, проявляется во введении в закон чужеродных, деструктивных элементов, влияющих негативно на уголовно-процессуальную деятельность.

Степень научной разработанности темы исследования. Решение поставленной проблемы невозможно без привлечения философского материала. Основой работы в зависимости от решаемых вопросов стали труды философов разных лет. Среди них: Ф. Бэкон, Г.В.Ф. Гегель, Р. Декарт, Э.В. Ильенков, В.Л. Киссель, Ф. Кумпф, К. Маркс, З. М. Оруджев, А.В. Чайковский, Ф. Энгельс и др.

Исследователи XIX и начала XX века, уделявшие очень много внимания фундаментальным уголовно-процессуальным понятиям, внесли немалый вклад в их разработку в дальнейшем. Среди тех ученых, труды которых оказали наибольшее влияние на подготовку настоящего исследования, Я.И. Баршев, Н.И. Ланге, К. Миттермайер, В.А. Линовский, Н.Н. Полянский, Н.И. Стояновский, И.Я. Фойницкий.

Фундаментальные для уголовно-процессуальной деятельности вопросы, в том числе понятия начала, формы уголовного процесса, а также объективности, всесторонности и полноты исследования, занимали ключевое место в работах А.В. Агутина, В.А. Азарова, А.С. Александрова, А.С. Барабаша, В.С. Балакшина, В.С. Бурдановой, А.А. Давлетова, В.А. Лазаревой, В.З. Лукашевича, Л.Н. Масленниковой, Е.Б. Мизулиной, Ю.К. Орлова, И.Л. Петрухина, Г.А. Печникова, М.К. Свиридова, А.В. Смирнова,

Н.Г. Стойко, М.С. Строговича, Р.А. Хашимова, М.А. Чельцова, С.А. Шейфера, П.С. Элькинд, Ю.К. Якимовича и других.

В то же время нередко указанные понятия рассматривались отдельно друг от друга, без их взаимосвязи, что не позволяет в полной мере понять их сущность и значение для современной уголовно-процессуальной науки.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом настоящего исследования является комплекс общественных отношений, возникающих в уголовном процессе в связи с деятельностью его субъектов по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию. Предмет исследования – российские нормативно-правовые акты; решения судов второй инстанции по уголовным делам; труды ученых, посвященные обозначенной проблеме и отдельным ее аспектам.

Цель и задачи исследования. Основная цель настоящего исследования – выявить содержание понятий «начало уголовного процесса», «форма уголовного процесса» и «метод уголовного процесса», их соотношение между собой, а также определить, какое требование является методом российского уголовного процесса.

Сформулированная цель обусловила необходимость решения следующих задач:

- обосновать необходимость понятия «начало уголовного процесса» и дать ему определение;
- выявить соотношение понятий «начало», «модель» и «форма» уголовного процесса;
- выявить элементы формы, которые основаны непосредственно на начале уголовного процесса;
- обосновать, что уголовный процесс, основанный на публичном начале, есть познавательная деятельность, которая должна опираться на признанные законы диалектики и формальной логики;
- определить познавательную цель уголовного процесса, основанного на публичном начале;

– на основе философских представлений о методе познания и понимания целей публичного уголовного процесса определить понятие «метод уголовного процесса», проследить его связь с понятиями начала и формы уголовного процесса, отграничить исследуемое понятие от понятия «принцип» процесса;

– доказать или опровергнуть гипотезу о том, что методом уголовного процесса, основанного на публичном начале, является объективное, всестороннее и полное исследование;

– на основе положений философии и уголовно-процессуальной науки выявить содержание объективности, всесторонности и полноты исследования в уголовном процессе.

В приведенном ряду указаны лишь наиболее значимые задачи, которые решались при исследовании. В ходе исследования были поставлены и решены и другие, более частные задачи в рамках основных.

Методологической базой диссертационного исследования служит диалектический метод познания, посредством которого было произведено исследование основных представлений о начале, форме и методе уголовного процесса, выявлена их взаимосвязь.

Широкое применение в работе нашел историко-правовой метод, который позволил проследить становление следственного процесса в России и понять исторические предпосылки формирования публичного начала российского уголовного процесса. Формально-юридический метод позволил соотнести нормативное описание основных элементов уголовно-процессуальной деятельности с выявленным ранее содержанием основных уголовно-процессуальных понятий. В работе для решения частных задач также применялись такие методы, как лингвистический, социологический, интервьюирования и другие.

Особое место в методологии представленного исследования занимает деятельностный подход, согласно которому уголовный процесс рассматривается как деятельность со всей присущей ей структурой.

Нормативную базу диссертации составили Конституция Российской Федерации; Уголовно-процессуальный кодекс России; нормативно-правовые акты, действовавшие в различные периоды развития российского уголовного процесса; постановления Конституционного Суда РФ; постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также приказы, инструкции Генпрокуратуры РФ и Следственного комитета РФ.

Теоретической основой работы выступают работы отечественных и зарубежных ученых в области уголовного процесса, изданные с первой половины XIX века по настоящий момент. Основанием для большинства выводов в работе явились философские труды в области гносеологии и диалектики. Привлекались также труды по истории, филологии, психологии, теории права и т.д.

Эмпирическую базу исследования составляет опубликованная практика Красноярского краевого суда и Томского областного суда. Изучено более 2000 судебных решений кассационной инстанции за период с 01.01.2012 по 31.12.2012, из которых выделено и проанализировано более 400 решений, содержащих указание на всесторонность, полноту и объективность исследования. В работе использована статистика, характеризующая деятельность указанных судов. Проанализированы и использованы в работе также ряд решений Верховного Суда РФ.

Кроме того, в рамках исследования было изучено 213 постановлений прокуроров о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия или дознания за 2008–2011 годы, вынесенных на территории Красноярского края.

Также по специально разработанной анкете был проведен опрос практических работников. Всего было опрошено 163 человека. Из них следователей/дознателей – 78, прокуроров – 27, судей – 30, адвокатов – 28. Опрос проводился на территории Красноярского края (93 респондента), Томской области, Омской области, Республики Хакасия и других регионов России (70 респондентов). Анкетирование проводилось таким образом,

чтобы количество респондентов в Красноярском крае было примерно равным общему количеству респондентов в других регионах.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в обосновании значимости и определении понятий, которые в своей совокупности позволяют системно подходить к построению и анализу уголовно-процессуальной деятельности. Центральным и связующим звеном среди этих понятий выступает метод, который нашел свое выражение в триаде «объективность, всесторонность и полнота исследования», что позволяет по-новому взглянуть на данное требование, определить его истинный смысл и потенциал.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Под «началом уголовного процесса» понимается такое соотношение частных и общественных интересов, при котором одни преобладают над другими и которое сложилось в обществе (конкретном социуме) под влиянием объективных факторов на протяжении всего его развития. Это соотношение обуславливает построение уголовно-процессуальной деятельности.

2. В истории существуют только два начала уголовного процесса – состязательное (характеризующее преобладание частных интересов над общественными) и публичное (характеризующее преобладание общественных интересов над частными). Такое противопоставление приводит к однозначному выводу о невозможности одновременного сосуществования двух начал уголовного процесса в рамках одного социума.

3. Модель уголовного процесса есть инструмент исследования в рамках научной деятельности, который не может существовать вне исследования. Ее построение субъективно и зависит от конкретных целей и задач научной работы. В связи с этим вне того или иного исследования некорректно использовать относительно уголовного процесса такие словосочетания, как «состязательная модель», «англо-саксонская модель», «смешанная модель» и им подобные. Такое использование данного понятия приводит к ошибочному переносу философских положений о моделях и

моделировании при описании конкретной уголовно-процессуальной деятельности.

4. Начало уголовного процесса реализуется не в его модели, а в соответствующей форме. Нельзя допускать существование такой формы, которая не соответствует выявленному началу уголовного процесса. Такое несоответствие ведет к неэффективности уголовно-процессуальной деятельности.

5. Начало уголовного процесса предъявляет следующие требования к его организации: в части целей – чтобы они соответствовали назначению уголовного процесса, «социальному заказу» на него; в части надлежащего субъекта – чтобы он был способен реализовать преобладающий интерес; в части познавательной схемы – чтобы она позволяла субъекту в полной мере реализовать преобладающие и не противоречащие ему иные интересы и достичь поставленных целей.

6. В силу того, что публичный уголовный процесс в своей сущности есть познавательная деятельность, у него, как и у любой деятельности, есть свой метод. Метод познавательной деятельности играет ключевую роль в ее построении и осуществлении и обусловлен целью деятельности.

7. Исходя из общей характеристики познавательного метода, метод уголовного процесса является основой системы принципов уголовного процесса и выполняет также роль самостоятельного требования к субъектам уголовно-процессуальной деятельности (в тех случаях, когда не сформулирован тот или иной принцип) на всех стадиях уголовного процесса, где осуществляется доказывание. Без реализации метода уголовного процесса невозможно достижение его познавательной цели.

8. Метод правового регулирования уголовно-процессуального права и метод уголовного процесса – различные понятия. Если при помощи одного мы создаем необходимую правовую оболочку и корректируем ее, то при помощи другого осуществляем деятельность в рамках этой правовой оболочки.

9. Исходя из такой познавательной цели публичного уголовного процесса, как достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, методом его может быть только объективное, всестороннее и полное исследование, что является сущностью диалектического метода познания.

10. Объективность, всесторонность и полнота исследования – требование на основании объективных законов познания (объективность) установить все необходимые связи между доказательствами, фактическими данными (всесторонность), которые позволяют сделать обоснованный вывод (полнота) об отдельном обстоятельстве, подлежащем доказыванию, или обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в системе.

11. Объективность, всесторонность и полнота исследования как познавательная основа должна быть закреплена в уголовно-процессуальном законе. Место такому нормативному закреплению – перед главой о принципах уголовного процесса и после главы о целях и задачах уголовно-процессуальной деятельности. Действующий закон не содержит части именно с таким наполнением, хотя описание деятельности без указания на ее цели, задачи и метод влечет проблемы в правоприменении. Именно с главы о целях, задачах и методе должен начинаться новый уголовно-процессуальный закон.

Теоретическая значимость диссертации состоит в раскрытии содержания понятия метода уголовного процесса и его конкретном наполнении в виде указания на объективность, всесторонность и полноту исследования. На основе данного исследования можно перейти к решению вопросов о соответствии методу уголовного процесса системы принципов, положения субъектов, видов производств, а также более частных институтов, отраженных в уголовно-процессуальном кодексе.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что совокупность сформулированных положений можно рассматривать в качестве основы как для корректировки уже существующего нормативного

описания уголовно-процессуальной деятельности, так и для создания нового уголовно-процессуального кодекса России, в котором будет последовательно реализовано публичное начало.

Для понимания объективного, всестороннего и полного исследования как метода публичного процесса и до его полноценного нормативного закрепления в законе возможно описание этого метода в подзаконных нормативных актах, регулирующих процессуальную и контрольно-надзорную деятельность. При этом такое описание не будет противоречить действующему УПК РФ.

Содержащиеся в диссертации научные положения и выработанные на их основе рекомендации могут использоваться при подготовке учебных пособий по уголовному процессу и спецкурсу «Теория и практика доказывания по уголовным делам», а также при повышении квалификации следователей, работников прокуратуры и судей.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование выполнено на кафедре уголовного процесса Юридического института Сибирского федерального университета, где проведены его обсуждение и рецензирование. Основные положения диссертации были представлены на 6 научно-практических конференциях, проходивших в 2009–2013 годах в Томске, Красноярске, Тюмени. Автором опубликовано 2 монографии и 12 научных статей по исследованным в диссертации вопросам, в том числе 7 из них – в журналах, которые включены в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций. Общий объем публикаций – 42,6 п.л., авторский вклад – 12,5 п.л.

Глава 1. Начало уголовного процесса и его реализация

§ 1. Понятие «начало уголовного процесса»

Профессор Санкт-Петербургского Университета Я.И. Баршев в одной из первых отечественных работ по уголовному процессу, вышедшей в 1841 году, размышлял так: «Предмет теории уголовного судопроизводства как науки составляет: 1) раскрытие и вывод высшего коренного начала, которым должен руководствоваться законодатель и судья и 2) изложение главных и существенных частей уголовного судопроизводства относительно их начал...»¹

Именно к «началу», следуя призывам Я.И. Баршева, мы и обратились в поисках тех понятий, которые помогут нам проникнуть в сущность уголовного процесса и понять, как он должен быть устроен. Причем к началу как в прямом, так и в переносном смысле.

Такие выводы как: «частное начало в уголовном судопроизводстве приобретает значение одной из форм реализации свободы личности в уголовном процессе»²; «на началах состязательности необходимо перекраивать не только судебную, но и досудебную часть уголовного процесса»³; «публичное начало здесь необоснованно расширено»⁴ и т.п. стали неотъемлемой частью многих научных текстов. Между тем, не ясно что такое это самое «начало», и как оно может что-то определять, быть расширенным и т.д. Использование данного понятия обладает всеми признаками так называемой остенсивности⁵, что не позволяет понять, есть ли

¹ Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. С. 51.

² Седаш Е.А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С.12.

³ Давлетов А.А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно // Российская юстиция. 2003. № 8. С. 25.

⁴ Буянский С.Г. Прокуратура и судебная власть: статус и соотношение компетенции // "Российский судья", 2005, № 5 // КонсультантПлюс.

⁵ В обыденном мышлении основную роль играют остенсивные определения значения (т.е. объема) терминов, которые даются на базе чувственных восприятий, в частности, с помощью примеров. В научном понимании

у него потенциал и каково его значение для теории уголовного процесса, а также не позволяет употреблять его в научном языке.

Однако частое упоминание в уголовно-процессуальной науке и те лексические значения, которые признаны за словом «начало» в русском языке (в частности, такие как первоисточник, основа, основная причина; основные положения, принципы какой-либо науки, учения)⁶, позволяют предположить, что есть смысл в детальной разработке того, что скрывается за термином «начало» применительно к уголовному процессу. Тем более что появились авторы, которые ставят «начало уголовного процесса» в основание своих исследований⁷.

Серьезное отношение к содержанию рассматриваемого понятия наметилось в научных кругах относительно недавно. В 1989 году в одной из работ А.В. Смирнова была высказана следующая мысль: «...известные исторические формы уголовного процесса складывались в зависимости от того, что принималось за ведущее формообразующее начало: отношения интеграции, единства и упорядочения элементов процессуальной системы либо отношения дезинтеграции, соперничества противоборствующих сторон»⁸. То есть автор говорит о начале как о том, что образует форму уголовного процесса. Этот подход не получил, на наш взгляд, должного внимания и впоследствии никем не прорабатывался – в том числе и самим автором.

Более чем через десять лет после выхода процитированной статьи А.В. Смирнова появилось первое глубокое исследование, посвященное

главную роль играют вербальные определения смысла терминов, которые весьма часто именуют просто определениями. Вербальные определения определяемого смысла термина (т.е. понятия, выражаемого данным термином) есть определения через указания смыслов определяющих терминов, уже известных и представляющих смысл определяемого термина (Петров Ю.А. Наука и методология. 2005 // <http://www.philosophy.ru/library/petrov/petrov.html>). Вывод об остенсивности понятия «начало уголовного процесса» делает и Л.Н. Масленникова, указывая, что оно используется повсеместно и без раскрытия сущности. См.: Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 21.

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 328.

⁷ См., например: Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000; Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2006.

⁸ Смирнов А.В. Об исторической форме советского уголовного процесса // Правоведение. 1989. № 5. С. 56.

публичному и иным началам в уголовном процессе, вышедшее из-под пера Л.Н. Масленниковой. Автор указывает, что ею впервые определено понятие «начало уголовного процесса»⁹, и выводит его дефиницию: «теоретическая модель основы уголовного судопроизводства, системообразующими элементами которой являются интересы, их характер, носители, средства защиты»¹⁰. Определяя далее публичное начало, автор, основываясь на данной дефиниции, добавляет к словам: интересы, характер, средства защиты – термин «публичный»¹¹. То есть начало – это только модель основы, а что тогда основа? Тут мы находим противоречие, так как далее в работе указано, что основой уголовного судопроизводства является именно начало¹². Так что же есть начало – модель основы или сама основа?

По ходу работы автор неоднократно допускает смешение выделяемых ею публичного и частного начал, которые в итоге сливаются в третьем, особенном начале – диспозитивном. Именно оно определяет содержание публичного и частного начал в уголовном судопроизводстве¹³. То есть получается, что две противоположных друг другу основы судопроизводства (публичное и частное начала) сочетаются в третьем? Может ли вообще быть несколько основ, если понимать основу как главное, на чем строится что-нибудь, сущность явления¹⁴? Кроме того, автор, называя публичность началом, в дальнейшем ее же именует принципом уголовного процесса¹⁵ или моделью принципа¹⁶. Подобные противоречия не позволяют нам принять дефиницию начала, предложенную Л.Н. Масленниковой.

Но что, на наш взгляд, действительно обосновано и может быть принято, так это то, что содержанием начала является интерес, как следует из

⁹ Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное....: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Там же. С. 13.

¹² Там же. С. 104.

¹³ Там же. С. 14.

¹⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 379.

¹⁵ Что интересно, не обычным принципом, а «принципом организации уголовного процесса». Публичность как принцип у Л.Н. Масленниковой выражает построение уголовного процесса, то есть содержание принципа и начала четко не разведены. (Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное....: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 136–137.)

¹⁶ Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное....: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 14.

определения, приведенного выше. Интерес, – пишет ученая, – выступает как побудительная сила, приводящая в движение всю систему уголовного судопроизводства, он есть первооснова, составляющая качественную определенность публичного и диспозитивного начал¹⁷. Непонятно, почему упущено частное начало, но, тем не менее, отмечаем главное – суть начала как основы может быть выражена через категорию интерес: «... суть публичного начала – через категорию публичный интерес, суть частного начала – через частный интерес»¹⁸.

Критикуя Л. Н. Масленникову за непоследовательность в удерживании понимания начала как основы процесса¹⁹, А.С. Барабаш приводит свое представление о начале уголовного процесса, правда без определения, но с выделением, как нам кажется, существенных признаков.

Рассуждая о том, являются ли состязательность и публичность принципами уголовного процесса или чем-то иным, автор приходит к выводу, что публичность есть не что иное, как начало уголовного процесса, так же как и состязательность. Начало и принцип последовательно разграничиваются. Принципы – требования к уголовно-процессуальной деятельности, реализация которых гарантирует достижение целей уголовно-процессуальной деятельности, начало – то, от чего зависит модель процесса, система его принципов и познавательная схема уголовно-процессуальной деятельности.

Автор напрямую связывает начало уголовного процесса с его сущностью. «Начала публичности и состязательности, – пишет он, – обозначение сущности соответствующего процесса, а ей, в свою очередь, чтобы сущность сделалась действительностью, в рамках модели, должна соответствовать определенная система принципов»²⁰. Начало задает границы действия принципов.

¹⁷ Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное....: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 193.

¹⁸ Там же. С. 116.

¹⁹ Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. С.133.

²⁰ Там же. С. 55.

«Начало – понятая суть общественных отношений, которая сложились в рамках социума под влиянием объективных факторов. У каждого начала своя познавательная схема реализации»²¹. Смещение начал автор не допускает.

Помогает окончательно понять, что же скрывается за термином «начало» в рассматриваемых рассуждениях, следующий тезис: начало – «это квинтэссенция сути общественных отношений, которые сложились в рамках социума под влиянием объективных факторов. В одних случаях эти факторы привели к превалированию общих интересов (публичное начало), в других – частных (состязательное начало)»²².

Таким образом, в начале уголовного процесса, по мнению автора, лежит интерес. И если мы имеем в социуме преобладающий общественный интерес, средством удовлетворения которого является уголовный процесс, нежели частный, тогда у процесса публичное, общественное начало, а наоборот – состязательное, частное начало. Преобладание общих интересов над частными же или частных над общими зависит от того, как развивался социум, какие объективные факторы влияли на его развитие.

Когда будет понято начало, тогда должна выстроиться и соответствующая познавательная схема, необходимая для реализации того или иного интереса. В любом случае начало требует индивидуального подхода к организации уголовно-процессуальной деятельности, и смешать их значит нарушить единство процесса. Между тем реализация публичного начала предполагает реализацию и частного интереса²³. Такова позиция А.С. Барабаша.

Разделяя обозначенное понимание начала уголовного процесса как интереса, лежащего в основе уголовного процесса как явления, считаем необходимым наполнить его более конкретным содержанием.

²¹ Барабаш А.С. Указ.соч. С. 16.

²² Там же. С. 14.

²³ Подобный вывод делает и Л.Н. Масленникова. См.: Публичное и диспозитивное...: дис. д-ра юрид. наук. С. 218–219.

Интерес лежит в основе любого деятельностного явления. Объяснить общественную жизнь через интерес впервые наиболее масштабно попытались французские материалисты XVIII века К. Гельвеций, П. Гольбах, Д. Дидро²⁴. Так, К. Гельвеций писал: ««Если мир физический, подчинен закону движения, то мир духовный не менее подчинен закону интереса. На земле интерес есть всесильный волшебник, изменяющий в глазах всех существ вид всякого предмета»²⁵. «Интерес – есть начало всех наших мыслей и всех наших поступков»²⁶.

Д. Дидро отмечал: «Когда говорят об интересе индивида, сословия, нации – «мой интерес», «интерес государства», «его интерес», «их интерес» – это слово означает нечто нужное или полезное для государства, для лица, для меня и т.п.»²⁷. В интересе указанная группа мыслителей усматривала реальное основание нравственности, политики, общественного строя в целом.

Если исходить из написанного выше, то интерес есть начало всего, что связано с организацией деятельности людьми, а значит, и с уголовным процессом.

Продолжая эти рассуждения, обратимся к Г.В.Ф. Гегелю, который, развивая мысли о мировом разуме и абсолютной идее, писал: «Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов... и лишь они играют главную роль»²⁸. Люди «добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения»²⁹. Интерес, по Гегелю, есть нечто большее, чем содержание намерения и сознания, и этот «остаток», проявляющийся в конечных результатах

²⁴ Большая советская энциклопедия. Т.10. М., 1972. С. 386.

²⁵ Гельвеций К. Об уме. М., 1938. С. 34.

²⁶ Гельвеций К. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938. С. 346.

²⁷ Дидро Д. Избранные произведения. М.-Л., 1951. С. 352.

²⁸ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1972. С. 20.

²⁹ Там же. С. 27.

человеческих деяний, связан у него с хитростью мирового разума, с абсолютной идеей, осуществляющей себя в истории через бесконечное многообразие потребностей и интересов.

Многообразие интересов и противоречия между ними Г.В.Ф. Гегель объясняет многообразием форм и способов проявления абсолютной идеи. Интерес идеи не присутствует в сознании отдельных индивидуумов, он действует «через естественную необходимость... и произвол потребностей»³⁰.

Все изложенное выше, по сути, свидетельствует, об одном – об объективном характере общественного интереса. Хотя в науке тезис об объективности интереса ставится под сомнения и некоторыми авторами подчеркивается объективно-субъективный характер интереса³¹. Однако эти рассуждения ближе к уровню единичного интереса, личного интереса конкретного индивида и трудно их применить к интересу, ставшему более или менее общим, поскольку о субъективности в этом случае говорить не приходится. Интерес можно неправильно понять, истолковать, реализовать – это моменты субъективного, но они не касаются возникновения, формирования интереса, они касаются его реализации. А потому мы будем исходить из понимания общественного интереса как явления объективного³², соглашаясь с представителями французской просветительской и немецкой классической философии.

Интересы, лежащие в основе уголовного процесса, в разных общностях имеют разную степень обобществления. В некоторых социумах может наблюдаться минимальное обобществление таких интересов и наоборот. Выделение общего интереса выводит общество на новый уровень развития, появляются новые потребности и новые интересы³³. Те же интересы, которые

³⁰ Там же. С. 22.

³¹ Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964. С. 6–7.

³² Об объективности интереса, лежащего в основе уголовного процесса см. также : Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное...: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 26.

³³ Гончарова А.Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества. Красноярск, 2001. С. 14.

присущи меньшинству или отдельной личности, а также в случае если их общность просто не обнаружилась, – остаются на уровне, что называется, частном³⁴.

Этим легко можно объяснить и различие в построении уголовного процесса. Так, публичное начало можно отметить там, где интерес, на удовлетворение которого направлен уголовный процесс, стал общим. Состязательность же развита в социумах, в которых эти интересы долгое время имели небольшую степень обобществления. Безусловно, степень преобладания может быть различной, и общие интересы могут лишь ненамного преобладать над частными. Но это уже вопросы национальные, того социума, который решает для себя вопрос построения уголовно-процессуальной деятельности с учетом своей национальной специфики.

Из сказанного вытекает, что начало уголовного процесса это – не просто интерес, а **обуславливающее построение уголовно-процессуальной деятельности соотношение частных и общественных интересов, при котором одни преобладают над другими и которое сложилось в обществе (конкретном социуме) под влиянием объективных факторов на протяжении всего его развития.** Давая указанное определение, мы, по сути, лишь возрождаем для современной науки представление о двух началах и основы для их разделения, которые зафиксировал в свое время И.Я. Фойницкий, выделив два противоположных начала уголовного процесса – публичное (или общественное) и личное³⁵.

При этом общественный интерес «не является простой суммой интересов личных, а представляет собой их сложно организованную целостность (систему). Главным же интегрирующим фактором интересов личных в интерес общественный выступает совместная практическая

³⁴ Подобное понимание начала как интереса обнаруживал еще упоминаемый нами ранее Я.И. Баршев. Он писал о процессе, рассказывая кратко, какие потребности привели к его появлению, о недостаточности самоуправления и т.п. как средств реагирования на преступления, о необходимости государства ради общественных интересов учредить суд, который будет заниматься исследованием преступления. То есть выходил на потребности и интересы как на основу организации уголовно-процессуальной деятельности. См. : Баршев Я. И. Указ. соч. С. 3–4.

³⁵ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб., 1902. С.14.

деятельность (или, другими словами, общественно-практическая деятельность) как потребность, присущая каждому отдельно взятому человеку»³⁶.

Все сказанное позволяет не согласиться с выводом М.Т. Аширбековой о том, что не выявлены признаки, позволяющие выделить понятийную автономию категории «начало»³⁷. Как мы видим, выявленное нами вполне позволяет отграничить понятие «начало уголовного процесса» от любых других.

Итак, получается, что на протяжении долгого времени и под влиянием объективных факторов в той или иной общности происходит или не происходит обобществление интересов, связанных с реакцией государства на преступления, с защитой граждан от произвола властей при такой реакции. Складывается соотношение интересов общества и личности в процессе различной общественно-практической деятельности. Средством для реализации этих интересов и является уголовно-процессуальная деятельность.

Это самое соотношение интересов и должно «диктовать» требования к построению уголовного процесса. «Начало, – пишет Гегель, – продолжает лежать в основе всего последующего и не исчезает из него»³⁸. Это – ключевая для нас мысль. Начало проявляет себя везде в том бытии, которое породило. «Движение вперед есть возвращение назад в основание, к первоначальному и истинному, от которого зависит то, с чего начинают...»³⁹. Из слов философа мы видим, что начало для него – это нечто единое. Начал не может быть много. Интерес как то, что заложено в основу самого явления «уголовный процесс», прослеживается на каждом этапе деятельности, и каждый новый шаг обусловлен именно реализацией общественного или частного интереса и требует ответа на вопрос «зачем?». Ответ же этот

³⁶ Гончарова А.Н. Указ. соч. С. 28.

³⁷ Аширбекова М.Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : дисс. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2009. С. 46.

³⁸ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 5. Наука логики. Т. I. М., 1937. С. 55

³⁹ Там же. С. 54

заложен в самом начале явления, и сознательно или нет, но мы возвращаемся к тому, что легло в основу всей деятельности.

Из приведенных выше и ряда других цитат Гегеля у Е.А. Доля сложилось иное понимание начала уголовного процесса. Приведем эту позицию, дабы не быть обвиненными в односторонности исследования. В своей статье «Проблема начала в теории уголовного процесса (постановка вопроса)»⁴⁰ автор называет началом уголовного процесса – доказательство.

Доказательство, считает Е.А. Доля, – начало уголовного процесса, так как представляет собой «первое и наиболее простое для всей уголовно-процессуальной деятельности отношение»⁴¹. Именно на базе отношений между субъектом и объектом познания по формированию доказательств зарождаются, по мнению автора, новые и наиболее сложные формы уголовно-процессуальных отношений. Хотя рассуждая чисто логически, если перед доказательством складываются отношения по их формированию, то это уже не начало, а один из результатов уголовно-процессуальной деятельности.

Доказательство ничем не опосредуется в уголовном процессе (здесь ученый не учел наличие помимо информационных еще и логических доказательств⁴²), что, в свою очередь, означает, что оно – начало уголовного процесса, так как все остальное опосредованно⁴³, пишет автор.

О чем все это? Нам представляется, что автор говорит о центральном правоотношении в уголовном процессе – по формированию доказательств, а также о центральном для уголовного процесса понятии доказательства. Но можно ли называть это началом? Во вступлении рассматриваемой работы ученый говорит о значении решения вопроса о «начале». Речь идет о

⁴⁰ Доля Е.А. Проблема начала в теории уголовного процесса (постановка вопроса) // Государство и право. № 10. 1996. С. 54.

⁴¹ Там же. С. 55.

⁴² О логических доказательствах, под которыми понимаются любые фактические данные, получаемые на основе выявляемой связи между информационными, см. подробнее : Орлов Ю.К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 28. М., 1978. С. 97–101; Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2000. С.15–16; Барабаш А.С. Указ. соч. С. 253, 291, 305–306 и др.

⁴³ Доля Е.А. Указ. соч. С. 56.

методологической проблеме – с чего начинать исследование уголовного процесса⁴⁴. И начинать это исследование нужно, по мнению автора, с исследования правоотношений, связанных с формированием доказательств. Доказательство автор сравнивает с такими центральными понятиями, как товар в политэкономии, органическая клетка – в биологии, углевод – в химии. Таким образом, по всему видно, что автор старается найти центральное понятие в уголовном процессе. То простейшее, без которого невозможно двигаться в науке. Между тем уголовный процесс есть деятельность, а возможно ли изучение деятельности с середины? Появлению доказательства предшествует целая совокупность действий в рамках уголовного процесса, и формирование доказательства – это лишь завершающий этап перед его появлением в процессе доказывания. Однако не будем заострять внимание на обозначенной автором проблеме. Отметим главное: начало уголовного процесса для Е.А. Доля – это наиболее простое, центральное явление, на котором все «завязано» в этой деятельности, и именно с этого стоит начинать изложение и систематизацию науки российского уголовного процесса⁴⁵. Однако и в этом случае (по причинам, обозначенным выше), о начале все же говорить не корректно. О центральном понятии – да, но не о начале. Сама попытка нащупать понятие начала делалась в плоскости того, с чего стоит начинать изложение и систематизацию, но не в плоскости основы явления.

Есть и более привычное использование термина «начало» – в качестве указаний на принципы уголовного процесса. Если говорить точнее, то принципы уголовного процесса отождествляют с основными началами уголовного процесса. Данное отождествление порождено переносом содержания понятия «принцип» из общей теории права⁴⁶ в сферу уголовного процесса без применения деятельностного подхода, то есть без учета того, что уголовный процесс по своей сути есть деятельность.

⁴⁴ Доля Е.А. Указ. соч. С. 54.

⁴⁵ Там же. С. 55.

⁴⁶ См., например : Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С.151.

«Ныне они (принципы. – А.Б.) выделены в качестве самостоятельной (второй) главы, что позволяет более предметно оценить их значимость, осознать как целостную систему фундаментальных начал уголовного процесса»⁴⁷, – пишет А.Я. Сухарев, отождествляя принципы и начала уголовного процесса. Понимание принципов как начал можно встретить как в учебниках по уголовному процессу⁴⁸, так и в научной литературе⁴⁹.

В общем-то авторов, которые, говоря о принципах уголовного процесса, ни разу не назвали их началами, не так уж много. У остальных же каждый принцип – это отдельное начало. Так, перечисляя «начала», В.С. Балакшин указывает на «законность, публичность, независимость судей и подчинение их только закону, равенство граждан перед законом и судом, охрану прав, свобод, чести и достоинства гражданина, непосредственность, устность, непрерывность судебного разбирательства, всесторонность, полноту и объективность исследования обстоятельств дела»⁵⁰.

Как мы видим, начало уголовного процесса – многозначное, не определенное для науки понятие. А допустимо ли в науке использование понятий, содержание которых четко не определено? – Нет. «Это не только затрудняет понимание учеными друг друга, но и мешает формированию правильных представлений о действительности в целом. Современное наукоучение как общая теория научного познания исключает двусмысленность представлений благодаря единству методологии познания бытия и логики отражения (в понятиях) знания о бытии»⁵¹. Ученые, прежде чем приступить к исследованию и вести между собой диалог, должны

⁴⁷ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации /под ред. А.Я. Сухарева. М., 2004. С. 4.

⁴⁸ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М., 2005. С. 6; Уголовный процесс / под ред. В.И. Радченко. М., 2006. С. 21.

⁴⁹ См., например: Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. СПб., 2003. С. 454–455; Стойко Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб., 2006. С. 63; Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное...: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С.9; Тертышник В., Щерба С. Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения // Уголовное право. 2001. № 4. С.73-76; Алиев Т.Т., Громов Н.А. Основные начала уголовного судопроизводства. М., 2002. С. 144 и др.

⁵⁰ Балакшин В.С. Состязательность или оптико-акустический обман? // Законность. 2001. № 12. С.13.

⁵¹ Киссель В.Л. О сущности научных понятий // Вестник Рос. философского общества. 2003. Вып. 4. С.105.

добиться чистоты содержания понятий, ключевых для исследования определенного явления, иначе многозначность может повлечь за собой катастрофические последствия, так как, «отображая фактическую неопределенность исходного знания, ведет к неопределенности и последующего знания, и в целом определяет бытие «неопределенного знания», т.е. неорганизованного как правильное, или научное знание определенного бытия»⁵². Подобная ситуация может привести к формированию так называемых «квазиопределений», что, в свою очередь, ведет, по меткому замечанию Ю.А. Петрова, к «квазинауке или просто тарабарщине»⁵³.

Уголовный процесс, как и любая гуманитарная наука, особенно сильно подвержен появлению многозначных понятий, что затрудняет возможность их раскрытия. Добиться устранения этого недостатка важно в данном случае не только с теоретических позиций философии науки, но и с точки зрения того, что положения науки уголовного процесса составляют и должны составлять основу уголовно-процессуального законодательства. Неопределенность в науке ведет к неопределенности в законе, что недопустимо, так как именно в сфере уголовного судопроизводства «затрагиваются и ограничиваются, как ни в какой другой области, права и свободы (прежде всего конституционные) человека и гражданина»⁵⁴.

И в этом плане обозначение принципов через начало может быть оправдано только тем, что, как мы упоминали выше, среди современных лексических значений слова «начало»⁵⁵ есть и такое: основные положения,

⁵² Киссель В.Л. Наукоучение. Общие принципы логики и методологии научного познания. Семиотика науки // Философские исследования. 2002. № 2. С. 115.

⁵³ Петров Ю.А. Указ. соч.

⁵⁴ Хитрова О.В. О некоторых понятиях уголовно-процессуального закона // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ). Ч. 2. Екатеринбург, 2005. С. 53. Подробное исследование соотношения уголовно-процессуальной деятельности и прав и свобод личности см. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2007.

⁵⁵ Здесь мы могли бы использовать этимологию слова для выявления изначального лексического значения слова. Однако это нам вряд ли поможет понять, что есть начало вообще, так как латинский корень «се» в слове «пасело» (начало) произведен от корня «кон» – выросшего на Руси в слово «конец». А корень «чал» в слове «начало» имеет смысл слова «конец». Между тем, как пишет Д.Н. Шмелев, «...пройденный словом

принципы какой-либо науки, учения. Однако для определения принципа есть более серьезные и четкие термины, которые позволяют принципу не остаться аморфным, непонятным для деятельности началом, а быть определенным и имеющим возможность быть воспринятым и встроенным в конкретную деятельность императивным требованием к субъекту, выполнение которого гарантирует достижение уголовно-процессуальных целей. В связи с этим считаем недопустимым определение принципов через начала, так как это порождает неопределенность в науке при наличии собственного содержания понятия «начало уголовного процесса», которое есть и, как будет показано ниже, было и ранее. Пусть принципы все же останутся принципами. В ином случае нерешенным остается вопрос, а что есть основа самих принципов, их начало? И как эту основу назвать? Началом начал?

В частности, этот вопрос как раз можно поставить после анализа работы М.Т. Аширбековой, которая, описывая публичность, указывает на всеобщность и универсальность этого понятия. «Публичность как начало – категория общая и для государства, и для права в целом, и для любого вида юрисдикционного правоприменительного процесса. Независимо от того, понимать ли публичность как начало, то есть категорию общего порядка, или же, как принцип, она все равно характеризует сущность уголовного судопроизводства»⁵⁶. То есть не важно, что по своей сути есть сама публичность, главное, что за ней скрывается. Но как тогда оценивать содержание публичности, если не ясно, начало это или принцип, при абсолютно четком, как было показано ранее, разведении этих понятий?

Если продолжить разговор о лексическом значении слова начало, для того содержания, которое обосновали мы, также есть свое место –

путь не может иметь значения для установления места и функций слова в современном языке». Он указывает, в частности, что «...общность происхождения слов "начало" и "конец" никак не влияет на их противопоставленность в современном языке». Таким образом, опираться следует на современное лексическое понимание слова. См. : Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т.1. М., 1993. С. 563; Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 2003. С. 4; Там же. С. 5.

⁵⁶ Аширбекова М.Т. Указ. соч. С. 46–47.

первоисточник, основа, основная причина⁵⁷ или, как указано в словаре Даля, первый источник или причина бытия⁵⁸.

Начало уголовного процесса, понимаемое как соотношение частных и общественных интересов, есть требование к организации деятельности, принципы же – требования к осуществлению самой деятельности. Начало указывает законотворцу о том, какие условия должны быть для реализации преобладающего интереса, принцип указывает субъекту, как нужно выстроить свою деятельность, чтобы цели уголовного процесса были достигнуты. В этом смысле началу уголовного процесса соответствует своя система принципов, которая в полной мере позволяет реализовать преобладающий интерес в социуме.

Итак, под началом уголовного процесса следует понимать обуславливающее построение уголовно-процессуальной деятельности соотношение частных и общественных интересов, при котором одни преобладают над другими и которое сложилось в обществе (конкретном социуме) под влиянием объективных факторов на протяжении всего его развития.

Указанное определение выдерживает критику как со стороны современной лексики, философии, так и с процессуальной точки зрения. Но были ли исторические примеры, подтверждающие наше понимание начала уголовного процесса? Да, были. И один из самых ярких таких примеров как раз обнаруживается в истории Российского государства.

В XV-XVI вв., когда период феодальной раздробленности был практически преодолен как раз и сложилась ситуация преобладания общественных интересов над частными, результатом которой стало закрепление публичного процесса на долгие века в истории России. В этот период страна вошла в новое состояние, появились новые вызовы, которые требовали внутреннего единства общества и власти.

⁵⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 328. Это же лексическое значение берет за основу Л. Н. Масленникова в указанном сочинении.

⁵⁸ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. СПб-М., 1912.

До конца XV века порядок уголовного судопроизводства на территориях будущего российского государства был преимущественно таким, который принято именовать обвинительным – когда движение дела зависело в первую очередь от самого «обвинителя» и сам процесс был направлен на «частное удовлетворение» обратившегося с иском.

Объединение земель требовало выстраивания жесткой системы руководства и поддержания порядка. Если последнюю четверть XV века российское государство по сути «наслаждалось» своим новым единым и богатым состоянием, то в начале XVI века ситуация начала резко меняться.

В.А. Рогов пишет по этому поводу: «завоевание национальной независимости создало возможности активизации товарно-денежных отношений и внутреннего рынка. Возросли возможности обогащения, в обществе почувствовали «вкус к богатству». Ширилось стремление овладеть собственностью любыми путями. Росли шайки разбойников и грабителей. Происходил довольно резкий перелом в мышлении, к концу XV века ослабевала идейная сопричастность к борьбе за освобождение. Материальный аскетизм сменялся у части населения жадой обогащения... Окруженное недругами, независимое Русское государство постоянно нуждалось в денежных средствах. Складывалась парадоксальная ситуация: его усиление противоречило народному благосостоянию. Духовные и материальные возможности населения истощались, в психологии всех сословий утверждалось желание увеличивать собственность любыми путями»⁵⁹.

В этот период растет не просто преступность, а профессиональная преступность. Представители последней попадают в разряд «лихих людей» или «ведомых лихих людей», то есть профессионально занимающиеся разбоем и иной преступной деятельностью, неоднократно совершившие преступление. Н.В. Власьев отмечал, что это новое понятие для российского

⁵⁹ Рогов В.А. Проблемы истории русского уголовного права, XV - середина XVII вв. Дис ... д-ра юрид. наук : М., 2003, С.82-85

уголовного права и ранее конца XV века ни в одном источнике его следов не обнаружено. Автор указывает, что появление такой категории преступников - результат особенных общественных отношений, сложившихся в Московском государстве.⁶⁰ Тем не менее, в конце XV и начале XVI века лихие люди были не более чем негативной частью общественной жизни. Ближе к 1530-1540 годам, с увеличением бедности и ухудшением социально-экономического положения в стране⁶¹, лихие люди стали огромной проблемой для страны.

В качестве иллюстрации роста преступности обычно приводят Белозерскую губную грамоту (1539). В тексте этого исторического документа находим: «Били естя нам челом о том, что у вас в тех ваших волостях многие села и деревни разбойники разбивают и животы ваши грабят, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят и разбивают, и убивают многих людей до смерти. А иные многие люди у Вас в волостях разбойников у себя держат, а к иным людям разбойники с разбоем приезжают и разбойную рухлядь к ним привозят».⁶² Собственно, это первый известный документ так называемой губной реформы, которая послужила отправной точкой к оформлению публичного процесса в России. Подобный текст с указанием на причины введения губного самоуправления мы находим и в других грамотах - Каргопольской губной грамоте (1539), обнаруженной относительно недавно Устюжской губной грамоте (1540)⁶³ и многих других⁶⁴.

Происходят серьезные социальные изменения в обществе и, как следствие в отношении к преступлениям и преступникам. В.О. Ключевский писал, что губные учреждения являются плодом мысли, что «преступление не есть частное дело, а касается всего общества, затрагивает общее благо, а потому и преследовать его есть обязанность государства и требует особых

⁶⁰ Власьев Н.С. О вменении по началам теории и древнего русского права : Рассуждение Н. Власьева Москва : Унив. тип., 1860 С. 196

⁶¹ О материальном неблагополучии как факторе роста преступности в XV-XVI вв. см. также Кошельков Ю. В. Становление розыскного процесса в России в конце XV-начале XVI в. // Проблемы истории России. — Екатеринбург : Волот, 2003. — Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций. — С. 149-157.

⁶² Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. Вып. 4, М., 1956 С.176

⁶³ Леонтьев А. К. Устюжская губная грамота 1540 г. // Исторический архив, № 4. 1960. С. 218-222.

⁶⁴ Подробнее см. Шумаков С. А. Губные и земские грамоты Московского государства Москва: В Унив. тип., 1895 С.11, 19-20

органов и приемов управления»⁶⁵. Это точное описание ситуации публичного начала уголовного процесса, о которой мы писали ранее. В едином и большом Российском государстве преобладает интерес общественный и именно это становится основой для изменений во всех сферах жизни, в том числе в сфере борьбы с преступностью⁶⁶.

Таким образом, предложенное нами понимание начала уголовного процесса не просто абстрактная конструкция, а имеющее свое историческое подтверждение понимание того, что является основой для формирования уголовного процесса. Подобное понимание начала уголовного процесса служило отправной точкой для многих исследований XIX века, посвященных уголовному процессу в целом и в частностях. К сожалению, в XX веке исследования этого понятия не были продолжены, и только сейчас оно вновь стало появляться в научном обиходе в его изначальном значении.

Изложенное ведет нас к еще одному очень важному выводу. В ситуации, когда два начала противопоставлены друг другу как взаимоисключающие, их смешение недопустимо. Не может быть такого соотношения интересов, где одновременно на равных представлены и публичные, и частные интересы. В дальнейшем это поможет нам разобраться, что же все-таки можно смешивать при организации процесса, а что нет.

Обоснование же приведенного понимания начала уголовного процесса является новым для современной уголовно-процессуальной науки. Если будет решена задача по выявлению общих элементов публичного или состязательного начала, то трудно будет переоценить значение этого понятия. Из одного только обозначения как состязательного или как публичного можно будет увидеть уголовный процесс, словно на рентгеновском снимке, и понять, что в нем не соответствует началу и какое влияние это оказывает на всю деятельность. Однако раньше еще нужно

⁶⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории Ч.2 М., 1916 С.463

⁶⁶ Подробнее см. Брестер А.А., Пономарева В.В. Становление следственного процесса в России // Вестник Омского государственного университета, Серия: Право № 3, 2012 С.250-257

понять, в чем именно начало уголовного процесса воплощается, посредством чего реализуется.

§ 2. Модель и форма уголовного процесса в соотношении с его началом

Решив вопрос об основе явления «уголовный процесс», перейдем к тому, в чем эта основа выражается, в чем реализуется. А.С. Барабаш – исследователь, чьи рассуждения о начале уголовного процесса нам кажутся наиболее убедительными, – пишет: «В публичности, впрочем, как и в состязательности, нужно видеть начало, лежащее в основе соответствующей модели, которая, в свою очередь, предполагает свойственную только ей систему принципов»⁶⁷. Из этих и других рассуждений автора следует, что начало уголовного процесса реализуется именно в соответствующей модели⁶⁸. Однако так ли это и, вообще, может ли модель уголовного процесса быть чем-то объективно существующим?

Как отмечает в своей работе Н.Г. Стойко, практически никто в процессуальной литературе не пытался дать определение модели уголовного процесса, хотя этот термин в научных трудах по уголовному процессу достаточно распространен⁶⁹. Сочетание «модель уголовного процесса» кочует из одного научного труда в другой, и это напоминает ситуацию с понятием «начало уголовного процесса», которая была описана в предыдущем параграфе, когда каждый что-то под моделью понимает, но что конкретно и почему с этим понятием автор работает именно так, остается только догадываться.

Причем все чаще и чаще по умолчанию модель уголовного процесса воспринимается как нечто объективно существующее, как отдельное явление. Например, в 2000 году вышел труд А.В. Смирнова, который так и называется «Модели уголовного процесса». В нем автор хотя и указывает на

⁶⁷ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 16.

⁶⁸ Там же. С.16.

⁶⁹ Стойко Н.Г. Указ. соч. С. 51

значение подразумеваемого им понятия «модель» как инструмента научного исследования (метода, средства познания объекта)⁷⁰, однако по сути у него получаются объективно существовавшие или существующие конструкции. Позднее в своих статьях и книгах указанный автор смело использует понятие модели уголовного процесса как нечто объективного⁷¹.

«Состязательная модель», «смешанная модель», «модель уголовного процесса» и тому подобные словосочетания используются также П.А. Лупинской⁷², Е.Б. Мизулиной⁷³, Л.М. Володиной⁷⁴, Е.Г. Мартынчиком⁷⁵, С.П. Гришиным⁷⁶, М.П. Поляковым⁷⁷ и многими другими. Причем модели уголовного процесса традиционно придается значение некой основы, чего-то определяющего. Это заставляет нас обратиться к определению данного понятия, что поможет уяснить, как с ним работать дальше.

В самом общем современном лексическом понимании модель есть образец, схема явления, пример, эталон, прообраз⁷⁸. Все эти слова в русском языке являются синонимами. В науке модель определяется более глубоко, особенно в естественных и технических науках, где роль моделирования в процессе исследования очень велика. Однако приводить эти определения мы не видим смысла в силу их терминологической специфики. В широком же научном понимании модель - образ (в том числе условный или мысленный — изображение, описание, схема, чертеж, график, план, карта и т. п.) или прообраз (образец) какого-либо объекта или системы объектов («оригинала» данной модели), используемый при определенных условиях в качестве их

⁷⁰ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2002. С. 5–18.

⁷¹ См., например: Смирнов А.В. Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность // Журнал рос. права. 2001. № 12; Смирнов А.В. Состязательный процесс. СПб., 2001 и др.

⁷² Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. С. 6,18.

⁷³ См.: Мизулина Е.Б. О модели уголовного процесса // Правоведение. 1989. № 5. С. 49.

⁷⁴ Володина Л.М. Проблемы организации и функционирования судебной власти // Мировой судья. 2006. № 6. С. 18.

⁷⁵ Мартынчик Е.Г. Адвокатское расследование: понятие, природа, особенности и сущность (к разработке модели) // Адвокатская практика. 2005. №1. С.16.

⁷⁶ Гришин С.П. Активность суда и состязательность уголовного процесса // Российский судья. 2006. № 1. С. 23.

⁷⁷ Поляков М.П., Шайхулов Р.Р. О принципиальном подходе к понятию общих условий стадий досудебного и судебного производства // Уголовное судопроизводство. 2007. №1. С. 7.

⁷⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2011. С. 298.

«заместителя» или «представителя»⁷⁹. Стоит обратить внимание вот на что: модель – это то, что используется при определенных условиях. Условия эти диктуются характером и целью исследования, в котором применяется моделирование. То есть сама по себе, как нечто объективное, модель в науке существовать не может.

Основанное на общенаучном определении, существует и принимаемое по умолчанию определение модели для так называемых общественных наук. Под моделью в этом случае понимается «целостная система представлений о сущностных признаках и характеристиках некоторой другой системы, называемой оригиналом, воплощенная в информационных композициях, выделенная в соответствии с целями и задачами исследования, способная дать новое знание о системе оригинала и (или) помочь преобразованию (совершенствованию) оригинала»⁸⁰. Здесь отмечаем еще один важный момент. Модель – система представлений о сущностных признаках явления. Именно **представлений** (выделено мною. – А.Б.). То есть мы еще не познали то явление, тот объект, которые моделируем, а выделяем эти самые представления в модель, чтобы получить новое знание. В ином случае, если модель воспринимать как систему специально выделенных сущностных (не путать с существенными) признаков, – пришлось бы признать тождество знания как такового и модели, чего быть не может.

В философии модель – объект-заместитель, который в определенных условиях может заменять объект-оригинал, воспроизводя интересующие свойства и характеристики оригинала. Воспроизведение осуществляется как в предметной (макет, устройство, образец), так и в знаковой формах (график, схема, программа, теория)⁸¹. Под моделированием в философской литературе понимают такой метод научного познания, при котором исследование осуществляется не на самом интересующем нас объекте (оригинале), а на его “заместителе”, сходном с ним в определенных отношениях. Знания,

⁷⁹ Гастаев Ю.А. Модель // <http://victor-safronov.narod.ru/systems-analysis/glossary/model.html>

⁸⁰ См.: Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1986. С. 49.

⁸¹ Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. С. 435.

полученные при исследовании модели, переносятся на оригинал на основании аналогии⁸². Философское определение аккумулирует все те особенности, что мы выделили ранее, и подтверждает наши доводы о том, что модель есть только там, где есть моделирование. Сама по себе она существовать не может.

Отображая существенные свойства оригинала и отвлекаясь от несущественного, модель выступает как специфическая форма реализации абстракции, то есть как некоторый абстрактный идеализированный объект⁸³,

Модель, дабы она могла принести пользу при исследовании, должна отвечать ряду общенаучных требований. В частности, гносеология требует, чтобы модель соответствовала следующим критериям:

- модель должна быть репрезентативной, представительной, то есть адекватно замещать изучаемый объект в интересующих нас отношениях;
- между моделью и объектом должно быть отношение подобия (опять же в интересующих нас отношениях);
- изучение модели должно давать нам такую информацию, которую возможно переносить (экстраполировать) на оригинал⁸⁴.

Изложенное позволяет нам сделать один очень важный вывод, который красной нитью проходит через все приведенные здесь мысли и рассуждения: **нет модели, пока нет исследования**. Модель – это именно инструмент познания, инструмент для исследователя. Мы можем моделировать сколько угодно, но, как только мы получили знание об объекте, – в модели, его замещающей, смысла уже нет. Есть знание об объекте, оформленное в том или ином виде.

Моделирование, конструирование моделей – все это необходимо только для того, чтобы достичь цели исследования. И в этом смысле модель уголовного процесса – это система представлений о его сущностных

⁸² Крапивенский С.Э. Общий курс философии. М., 2001. С. 267.

⁸³ Гастаев Ю.А. Указ. соч.

⁸⁴ Крапивенский С.Э. Указ. соч. С. 268; См. также: Стакун Г.А. Место и роль моделирования в системе научного и художественного познания : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2010. С. 12.

признаках, выделенная в соответствии с целями и задачами исследования. Это значит, что модель уголовного процесса – крайне нестабильное, субъективное явление, как и любая модель, поскольку ее построение зависит исключительно от целей исследования. При получении знаний, в ходе исследования модель видоизменяется до тех пор, пока не будет получено итоговое знание об объекте и она (модель) не исчезнет совсем.

На подобное понимание как самой модели, так и невозможности принимать её как то, что существует объективно и развивается по объективным законам, указывалось и ранее. Мы уже упоминали А.В. Смирнова, правда, в этом аспекте мы обнаруживали его непоследовательность. Н.Г. Стойко также связывает отсутствие в науке четкого понимания того, что такое модель уголовного процесса, в связи с тем, что модель воспринимается и воспринималась больше как средство научного познания, нежели понятие, отражающее сущность явления⁸⁵. В этой связи нельзя считать правильным использование понятия «модель уголовного процесса» для обозначения, например, «уголовного процесса, существующего в определенный период в конкретном государстве»⁸⁶, то есть в статике, там, где нет исследования.

Таким образом, модель уголовного процесса – есть инструмент исследования и, безусловно, важнейший инструмент. Модели без моделирования и исследования нет, она конструируется тем, кто проводит исследование, и соответствует целям этого исследования. Словосочетания «состязательная модель», «англо-саксонская модель», «смешанная модель» и другие подобные относительно уголовного процесса не должны употребляться в науке как обозначения чего-то объективного в той мере, в

⁸⁵ Стойко Н.Г. Указ. соч. С. 51; Подобное понимание модели как инструмента выявления оптимального механизма предварительного расследования см. также : Оболкина А.Л. Модели предварительного (досудебного) производства по уголовным делам: Сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005.

⁸⁶ Рыбинская Е.Т. Состязательность российского уголовного судопроизводства при рассмотрении дел в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 7, 23.

которой они употребляются вне какого-либо исследования, и без указания на те признаки, которые конструируют модель.

Но тогда, если возвращаться к первому абзацу этого параграфа, получается, что начало уголовного процесса реализуется не в соответствующей модели, как писал А.С. Барабаш. Кроме того, неточен его тезис о том, что «модель уголовного процесса формируется историей и идеологией и многими другими факторами»⁸⁷, ибо модель формируется исключительно исследователем того или иного явления. На этом фоне также неверен тезис, что выбор модели уголовного процесса может предопределять путь решения тех или иных проблем в уголовном судопроизводстве⁸⁸.

В чем же тогда реализуется начало уголовного процесса? Наш ответ – **в уголовно-процессуальной форме**, которая действительно выражена объективно. Она-то как раз и формируется под влиянием истории, идеологии и т.п. Такой же вывод делает в своей работе и Л.Н. Масленникова по итогам обзора суждений ученых XIX века о соотношении начала и формы уголовного процесса⁸⁹.

Тут следует сделать уточнение. Конечно же, формы без содержания, как и неоформленного содержания не бывает. Эти категории находятся в диалектическом единстве, и корректней было бы говорить, что начало реализуется в уголовно-процессуальной деятельности, оформленной, имеющей форму. Поэтому, когда мы говорим, что начало реализуется в форме, мы имеем в виду, что судить о том, какое начало присуще тому или иному процессу, можно и нужно по тому, как он оформлен. И, по сути, в данной ситуации под формой понимается единство формы и содержания.

Получается, нет связки начало-модель-форма. Модель в данном случае понятие другого уровня и имеет другое целевое назначение (хотя встречаются примеры и прямого отождествления этих понятий в уголовном

⁸⁷ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 16.

⁸⁸ См., например: Колоколов Н.А. Не ограничится ли реформа предварительного следствия очередной сменой руководства? // Уголовное судопроизводство. 2007. № 4. С. 23.

⁸⁹ Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное...: дис. ... д-ра юрид. наук. С.136–137.

процессе⁹⁰). Есть связка начала уголовного процесса и формы. А форму уголовного процесса можно смоделировать, если этого требует исследование. Главное, чтобы такая модель соответствовала требованиям, которые предъявляет к модели наука.

Мы не будем глубоко исследовать понятие формы уголовного процесса, оно, на наш взгляд, не носит дискуссионного характера и имеет более или менее устоявшееся в науке понимание. Под формой мы будем подразумевать регламентированные правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности, установленные для достижения целей уголовного процесса. То есть выражением формы уголовного процесса как деятельности является уголовно-процессуальное право. И именно право, а в нашем случае в первую очередь Уголовно-процессуальный кодекс, нужно изучать, дабы понять, какая она, форма конкретного процесса. Именно из права следует извлекать те признаки уголовно-процессуальной формы, которые могут стать основой ее модели.

В частности, в данном исследовании нас интересует ее соотношение с началом уголовного процесса. Попробуем как можно чётче отобразить эту связь.

Сложившееся в обществе начало уголовного процесса говорит нам о том, как должна быть правильно организована уголовно-процессуальная деятельность, чтобы, не порождая конфликтов разного уровня, она могла обеспечить достижение уголовно-процессуальных целей.

Начало уголовного процесса, таким образом, это своего рода фундамент конкретной формы. Это то, что определяет характер содержания, а содержание играет определяющую по отношению к форме роль, согласно общеизвестному диалектическому закону⁹¹. При этом стоит специально

⁹⁰ Так, например, в работе под авторством З.Х. Шагиевой за словом форма, по отношению к уголовному процессу, в скобках следует слово модель. В частности, одну из задач своей работы автор видит в «определении современной модели (формы) российского уголовного процесса», а один из параграфов называется «Современная модель (форма) российского уголовного процесса и уголовно-процессуальные функции». Подробнее см. : Шагиева З.Х. Функция обвинения в современной модели российского уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. С. 8.

⁹¹ Крапивенский С.Э. Указ. соч. С. 269.

отметить, что начало не есть содержание, ибо содержание – это совокупность всех составных элементов, образующих данный предмет, и всех взаимодействий, всех процессов, происходящих между этими элементами, а также взаимодействие этих элементов с внешней средой⁹². Начало уголовного процесса – это такой баланс интересов в обществе, который задает направление развития содержания, а значит, и формы уголовного процесса. Отсюда вывод: **нельзя допускать ту форму процесса, которая не соответствует выявленному началу уголовного процесса.**

И вот когда мы соотносим начало и форму уголовного процесса, мы прибегаем к моделированию, сравнивая с помощью моделей, что есть в действительности и что должно быть, если последовательно реализовывать начало уголовного процесса.

Несоответствие начала и формы уголовного процесса ведет к неэффективности деятельности. «История народа вырабатывает особенности его мировоззрения, психологии, ценностных предпочтений, стереотипов поведения, отражая эти моменты, уголовно-процессуальная форма выражает душу народа. Если в силу каких-либо причин вводится уголовно-процессуальная форма, являющаяся продуктом развития истории другого народа, то у нее нет шансов на будущее, так же как их нет у субтропического растения, пересаженного из своей родной почвы в тундру»⁹³. То есть по сути, когда мы говорим о начале как о том, что сложилось под влиянием множества факторов, и о форме, как о том, что есть здесь и сейчас, – речь идет об исторической преемственности, о связи истории народа и уголовного процесса. Увы, эта связь в последнее время стала уходить, по нашему мнению, на второй план, о чем свидетельствует и утрата понятия «начало уголовного процесса». На передней линии идей построения процесса – догматизм и представления о процессе, основанные на политике, опыте других стран и т.п.

⁹² Там же. С. 270.

⁹³ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 10.

Об опасности возможной утраты связи между началом и формой находим очень выразительный фрагмент у Н.И. Ланге. «Всякое... уголовное судопроизводство, какого бы то ни было народа, всегда носит в себе следы племенной особенности этого народа... Устанавливая положительные, иногда строго определенные, правила относительно вменения преступлений и изобличения виновных на суде, уголовное судопроизводство давно минувших столетий, в самой сущности этих правил, необходимо обнаруживает, хотя отчасти, характер того народа, у которого оно возникло, его практический смысл и понятия его о правде и справедливости»⁹⁴. И далее, о просчетах, которые следуют, если не учитывать связи истории народа и правил, определяющих его жизнь. «Нельзя отрицать, что источником печальных законодательных ошибок нередко бывает незнание народного духа. Оно порождает, кроме того, шаткость в правительственных мероприятиях, стремление к введению новизны во что бы то ни стало, и презрение к старому государственному строю жизни, будто бы вовсе несоответствующему началам современной цивилизации... Искони существовавшее составляет иногда важную органическую основу в быту данного народа, и произвольное разрушение ее не всегда бывает безопасно»⁹⁵.

Таким образом, встает вопрос об определении соответствия начала и формы. Но для того, чтобы его было возможно установить, мы должны найти то основное в содержании уголовного процесса, изменение чего неминуемо влечет искажение формы. В первом параграфе говорилось, что начало есть требование к организации деятельности. Давайте обозначим, какие требования, в свою очередь, порождает начало.

Начало уголовного процесса проявляет себя в том назначении, которое есть у процесса в конкретном социуме. Назначение уголовного процесса мы понимаем как то, для чего обществу нужен уголовный процесс,

⁹⁴Ланге Н.И. Древнее русское уголовное судопроизводство 14-17 вв. СПб., 1884. С. 1–2.

⁹⁵Ланге Н.И. Указ. соч. С. 2.

своеобразный «социальный заказ» на уголовный процесс. И в этом смысле публичное начало уголовного процесса выражается, например, в таких назначениях, как быть средством реагирования на преступления и средством защиты граждан от произвола уполномоченных органов при расследовании преступлений и т.п.⁹⁶ Там, где у процесса состязательное начало, обществу он нужен лишь как единая, понятная форма для реализации собственного интереса с внешним субъектом для разрешения дела, и форма эта не должна мешать реализации частного интереса его участника.

Если назначение есть выражение социального заказа, то очевидно, что назначение уголовного процесса должно быть сопряжено с целями уголовно-процессуальной деятельности. Содержание же конкретных целей деятельности обусловлено ее назначением и формулировать их нужно исходя из понимания этого. В итоге получаем, что начало уголовного процесса предъявляет требование к определению назначения уголовного процесса и в соответствии с ним – к определению целей уголовно-процессуальной деятельности, то есть начало через назначение влияет и на цель деятельности. Иными словами, цели уголовного процесса должны соответствовать его назначению, которое есть выражение начала уголовного процесса.

Если понимать начало как такое соотношение интересов, где есть преобладание общественного или частного интереса, то второе⁹⁷ требование к построению уголовного процесса будет заключаться в особом субъекте такой деятельности. Действительно, общественный интерес может реализовать в полной мере только субъект «от общества», то есть в современном мире – институт публичной власти, государственный орган. Если преобладает интерес частный, то государству незачем брать на себя заботу о его удовлетворении. В этом плане на первое место выходит интерес другого уровня – создать условия для реализации частного интереса. Схожие

⁹⁶ Подробнее о понятии назначения уголовного процесса и о назначении публичного уголовного процесса см.: Барабаш А.С. Указ. соч. С.152–164.

⁹⁷ Второе – в нашей структуре изложения, но не второе по порядку проявления.

мысли можно найти, например, у Е.Б. Мизулиной, которая указывала, что именно познающий субъект и различия в нем есть критерий для разграничения моделей уголовного процесса⁹⁸, при этом моделью она называла то, что нами понимается как форма уголовного процесса.

В подтверждение сказанных слов, о необходимости особого субъекта от государства при публичном начале уголовного процесса, продолжим исторический пример, начатый в предыдущем параграфе и связанный с формированием публичного начала уголовного процесса в Российском государстве в XVI веке. Когда преступление перестало быть делом частным, государство вводит новую фигуру, ответственную за преследование лихих людей – губного старосту.

Именно с появления губных старост «положено начало прочного существования следственного судопроизводства» в России⁹⁹. На них возлагалась ответственность за борьбу с «лихими людьми» и преступлениями ими совершёнными – в первую очередь разбоями. Позже губные старосты стали ведать и дела тятебные. Должность эта подразумевала огромный объем полномочий. Старосты занимались, по сути, и следствием и судом и исполнением приговора. Как пишет В.А. Линовский «губные старосты получили такую власть, которую до этого не имели неместники, волостели, тиуны...»¹⁰⁰.

Соборное Уложение 1649 года, закрепило зародившийся веком ранее порядок судопроизводства и укрепило положение губных старост. Правда всего через 20 лет положение их заметно ухудшилось введением фигуры сыщика¹⁰¹, который был над губным старостой, а после и вовсе упразднением этого института в 1702 году указом Петра I¹⁰². Но не должности и названия уже были главенствующими, а выработанный порядок такого расследования

⁹⁸ См.: Мизулина Е. Б. О модели уголовного процесса. С. 49.

⁹⁹ Линовский В.А. Указ.соч. С.13

¹⁰⁰ Линовский В.А. Указ.соч. С.19

¹⁰¹ См. Новоуказные статьи о татебных, разбойных и убийственных делах 1669 г. // Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. Вып. 7, М., 1963 С.396

¹⁰² До этого должность губного старосты упразднялась в 1679 году, но вновь была введена в 1684 году.

преступлений, при котором вело его государство в лице специально уполномоченного субъекта¹⁰³.

Появление нового порядка преследования преступлений и появление особого субъекта для этого и есть то, на что указывал В.О. Ключевский, когда говорил об особых приемах и органах управления в новой для страны ситуации. «Состояние государства требует, чтобы по возможности ни одно действие противозаконное не осталось без наказания. Но так как ... частные лица мало имеют средств, чтобы объяснить событие, то назначаются особые чиновники, которые в силу своей должности преследуют преступление и это есть основание следственного судопроизводства»¹⁰⁴.

Обратим внимание, указывается именно на недостаток средств в «объяснении событий» как одну из причин появления специальных должностей с такими средствами. Конечно, сегодня отнестись положительно к тому, что таким средством стала пытка, мы не можем. Тем не менее, в условиях именно того исторического периода иного средства не знали (испытания, принятые в прежней форме судопроизводства уже не могли считаться достаточными) и это скорее надо принимать как должное. Пытка стала не только орудием устрашения, но и имела целью узнать как можно больше о преступлении, прежде чем выносить приговор.¹⁰⁵ Таким образом, публичное начало требует особого процесса исследования и это более раннее требование, так как новый субъект появляется только тогда, когда необходимо осуществить новый порядок. Сначала субъект «вооружается» примитивными и негодными средствами с точки зрения сегодняшней эпохи, но соответствующими своему времени. С течением времени указанные

¹⁰³ Подробнее см. Брестер А.А., Пономарева В.В. Становление следственного процесса в России // Вестник Омского государственного университета, Серия: Право № 3 (32) 2012 С.250-257

¹⁰⁴ Линовский В.А. Указ.соч. С.12

¹⁰⁵ В Крестоцеловальной записи губных старост, 50-х годы XVI века находим «И учнут розбойники и тати на пытках на себя сказывати и на товарощов на своих, с кем они розбили и крали и х кому с розбою приезжали, и х кому розбойную и татебную рухлядь привозили, и кому розбойную и татебную рухлядь продавали за розбойное и за татебное». См. Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. Вып. 4, М., 1956 С.188

средства «окультуриваются» и превращаются в то, что мы сегодня называем процессом познания.

В предыдущем параграфе мы указывали, что общественный интерес не является простой суммой интересов личных, а представляет собой их сложно организованную целостность (систему). Это означает, что реализовать общественный интерес в рамках конкретной уголовно-процессуальной деятельности и реализовать частный интерес всех участников судопроизводства в этой же деятельности, – не одно и то же. Л.Н. Масленникова указывает, что составной частью публичного интереса является частный интерес, признанный обществом и взятый законом под охрану¹⁰⁶. То есть частный интерес переходит под защиту государства не в полной мере, а в той, в которой он соотносится с общественным интересом, не противоречит ему.

Так, например, интересы обвиняемого скрыть те или иные доказательства, избежать наказания и т.п. хотя и являются законными, но противоречат «социальному заказу» на процесс как средство реагирования на преступление, например. В этом смысле процесс, основанный на публичном начале, должен иметь свою познавательную схему для нивелирования данных интересов и защиты интересов потерпевшего. В состязательном же процессе тот же интерес скрыть доказательства является не только законным, но и поощряемым распределением бремени доказывания. У участников процесса, имеющего состязательное начало, нет стремления установить достоверную картину произошедшего, а есть стремление добиться удовлетворения своего, личного интереса в рамках разбираемого уголовно-правового конфликта. Это значит, что и познавательной схемы (речь идет об объективном познании, то есть основанном на диалектической и формальной логике) как таковой там нет, ибо нет потребности в получении достоверного знания. Получается, что единственно верный способ реализовать публичный интерес в рамках уголовного процесса – наполнить процесс познавательной

¹⁰⁶ Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное...: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 218-219.

составляющей, то есть поставить в центр познание, которое основано на объективности исследования в смысле необходимости применения законов формальной и диалектической логики в их единстве.

Мы выявили еще одну точку влияния начала на форму. В зависимости от того, какое начало берется за основу, в форме должна быть реализована познавательная схема, позволяющая в полной мере реализовать общественный и не противоречащий ему интерес частный или наоборот. Собственно, этот вывод появляется уже после того, как мы указали, что в начале заложены требования к субъекту и к целям. Если они для каждого начала свои, то и познавательная схема также своя. В этой связи подтверждается и тезис о том, что каждому началу соответствует своя система принципов, ибо системы требований для разных субъектов с разными целями в процессах с разным началом не могут быть идентичны.

Итак, начало уголовного процесса предъявляет следующие требования к его организации: в части целей – чтобы они соответствовали назначению уголовного процесса, «социальному заказу» на него; в части надлежащего субъекта – чтобы он был способен реализовать преобладающий интерес; в части познавательной схемы – чтобы позволяла субъекту в полной мере реализовывать преобладающие и не противоречащие ему иные интересы и достичь поставленных целей. Именно изменение в указанных аспектах будут существенно колебать форму и влиять на эффективность деятельности, ибо для того, чтобы форма отреагировала, требуется существенное изменение содержательной системы в целом или, по крайней мере, одной из ее подсистем¹⁰⁷.

Игнорируя обусловленность доказывания исторически закрепленными целями уголовно-процессуальной деятельности и положением субъекта в процессе, а также диалектику формы и содержания, В.А. Лазарева указывает, что если государство вводит прогрессивную форму уголовного

¹⁰⁷ Крапивенский С.Э. Указ. соч. С. 268–269.

судопроизводства, то доказывание должно перестроиться, иначе происходит «консервирование кризиса уголовного судопроизводства»¹⁰⁸. Нами обоснован абсолютно противоположный тезис, и аргументы, которые мы приводили, не позволяют согласиться с данным мнением даже в части.

Работать с формой, не учитывая содержания, чревато хаосом в деятельности. Или, переводя на язык уголовного процесса, такое изменение закона, которое необоснованно вводит новых субъектов процесса или убирает старых, которое не соотносится с целями уголовного процесса и может разрушить необходимую познавательную схему, – недопустимо.

И здесь есть место для продолжения поиска ответа на вопрос, а что же все-таки нельзя смешивать при организации уголовного процесса. Мы выяснили, что начало у процесса может быть только одно. В данном параграфе мы показали, через что оно реализуется в форме. Логично предположить, что недопустимость смешения начал влечет недопустимость переноса тех элементов формы, через которые она связана с началом. Это значит, что все то, что связано с характеристикой цели, положением субъекта и основой познавательной схемы для публичного процесса, не может существовать одновременно с теми же элементами, характерными для состязательности, так как в ином случае допускается смешение начал, что невозможно. То, на чем строится публичность, – чужеродно для того, на чем строится состязательность. При этом абсолютно очевидно, что и для той и для другой формы могут быть общие элементы, не относимые к основной их характеристике и не колеблющие фундамента. Другое дело, что назначение этих элементов может быть разным в разных формах.

Попробуем далее на примере имеющихся представлений о формах уголовного процесса понять, насколько оправданны наши рассуждения, приведенные в этом параграфе.

¹⁰⁸ Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 98.

§ 3. Характеристика форм процесса, основанных на разных началах

В поисках подтверждения наших выводов о влиянии начала уголовного процесса на его форму обратимся к представлениям о состязательной и публичной форме в уголовно-процессуальной науке. Заодно мы попытаемся дать принципиальные и максимально общие отличия классического состязательного процесса от публичного. При этом выделение состязательного процесса нами производится с учетом того, что на нынешний день он в классическом своем виде не существует в силу общемировой тенденции к «опубличиванию» уголовного процесса, которая была подмечена еще в середине XIX века В.А. Линовским¹⁰⁹, позже описана И.Я. Фойницким¹¹⁰ и утверждается некоторыми современными авторами¹¹¹, в том числе и в Англии¹¹². Подобное описание состязательности «в чистом виде» необходимо нам в научных целях, чтобы быть ближе к корням вещей, к сущности состязательности, утерянной сегодня за массой якобы необходимых условий ее существования.

В первом параграфе мы указывали, что, несмотря на серьезное обращение к понятию «начало уголовного процесса» только в нашем столетии, оно имеет давнюю, но забытую историю. Так же как и вопрос о соответствии уголовно-процессуальной формы началу и выделение двух основных начал и форм процесса. Это позволяет относиться к высказанному в XIX веке со всей серьезностью, так как тогда исторические черты народа в

¹⁰⁹ Линовский В.А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С.7–13.

¹¹⁰ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. СПб. 1902. С. 14. Также автор пишет и об отсутствии состязательности в «чистом виде». Там же. С. 62.

¹¹¹ См. также: Масленникова Л.Н. Публичное и диспозитивное...: дис. ... д-ра юрид. наук. С. 20; Барабаш А.С. Указ.соч. С. 139; Есть и иная точка зрения по этому поводу, что процесс стремится к расширению частного, нежели публичного. Так, Е.В. Кронов пишет: «... не вызывает сомнения тот факт, что уголовный процесс, являясь изначально отраслью сугубо публичной, государственной, все больше приобретает элементы частного характера... Подобная тенденция характерна для уголовного процесса во всем мире». См.: Кронов Е. В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 2. С.141–149. С указанным выводом мы согласиться не можем в силу того, что автором он не обоснован и, с нашей точки зрения, противоречит историческим фактам, которые послужили основой для укрепления противоположной позиции в науке.

¹¹² Ashworth A., Redmayne M. The Criminal Process. Oxford, 2010. P. 69.

уголовно-процессуальной сфере проявлялись куда наглядней, нежели сегодня, когда мир за сто лет претерпел изменений больше, чем за многие предыдущие века.

Я.И. Баршев, рассуждая о начале уголовного судопроизводства, условием его реализации видел среди прочего наличие соответствующей началу «главной формы» уголовного процесса¹¹³. Автор выделяет две главные формы уголовного процесса: обвинительную и следственную¹¹⁴. Если посмотреть их описание, то можно смело утверждать, что обвинительная форма соответствует тому, что в этой работе мы будем называть состязательностью, а следственная – публичности. Вот как ученый описывает обвинительный процесс (состязательный в нашей терминологии):

«Ежели цель уголовного судопроизводства состоит в том, чтобы удовлетворить требования правды ... то очевидно, что чисто обвинительная форма не может быть почтена соответствующею этой цели потому, что: 1) на основании этой формы преступление преследуется только по требованию обвинителя, действия которого служат руководствующим началом во всем процессе; следовательно, легко может быть, что при этом многие преступления... останутся вовсе ненаказанными; 2) При такой форме уголовного суда может быть и то, что преступления будут наказаны в ненадлежащей мере, потому что судья при этом должен действовать, не выходя из границ, предлагаемых требованиями обвинителя; 3) Весь процесс и весь акт преследования и наказания виновного является при этом как дело частного лица и в зависимости от его произвола»¹¹⁵.

В то же время следственная форма процесса имеет ряд преимуществ, по мнению автора, если целью процесса является «удовлетворение требования правды». Они, в частности, в том, что «1) судья... должен действовать против преступления даже тогда, когда против него не будет

¹¹³ Баршев Я.И. Указ. соч. С. 60.

¹¹⁴ Там же. С. 63.

¹¹⁵ Баршев Я.И. Указ. соч. С. 64. Здесь стоит указать, что слово «произвол» в контексте исследования, из которого приводится цитата, не несет той негативной окраски, которая существует в современном языке. В данном тексте произвол – собственный выбор, собственное желание.

никакого обвинителя; 2) что во время самого действия он должен принимать все меры нужные для того, чтобы открыть прямую истину; 3) что он ради истины должен столь же тщательно отыскивать доказательства невиновности обвиняемого, как и доказательства его вины»¹¹⁶. Далее автор указывает, что, конечно, следственный процесс может привести к притеснению граждан. Этого же недостатка, по его мнению, не лишен и обвинительный процесс. А преодолеть их можно через систему гарантий. В итоге Я.И. Баршев констатирует, что «основная форма Русского уголовного процесса есть процесс следственный»¹¹⁷.

В.А. Линовский в своем историко-правовом исследовании в поисках того, что лежит в основе российского уголовного процесса, указывает, что любой уголовный процесс проходит путь от преобладания частных интересов в его организации и построении к торжеству общественных, государственных интересов. От того, на каком этапе находится социум и какие интересы стоят перед ним, зависит уголовный процесс, который представлен двумя формами – обвинительной и следственной. Последняя – форма российского уголовного процесса¹¹⁸.

Существенное различие двух форм процесса он видит в том, что «в обвинительном обиженный отыскивает свои права посредством государственных установлений, получает удовлетворение под формой публичного наказания; в следственном государство преследует преступление дабы посредством наказания восстановить нарушенное созвучие в общественном устройстве и чтобы при помощи тех же наказаний отклонить будущие преступления»¹¹⁹. И далее – два очень важных замечания: «вследствие этого существенного различия оба процесса различаются в своих внешних отношениях» и «каждое из этих двух судопроизводств ведет к особому исследованию признаков преступления. В обвинительном

¹¹⁶ Там же. С. 65.

¹¹⁷ Там же. С. 66.

¹¹⁸ Линовский В.А. Указ. соч. С. 7–13.

¹¹⁹ Там же. С. 12.

судопроизводстве... судья принимает только те доказательства, которые представляют стороны на основании форм, предписанных законом, в следственном же главная цель есть свободное исследование чиновника и убеждение судьи»¹²⁰.

Разведены две формы судопроизводства, возникшие в разных исторических условиях, и у Карла Миттермайера. Свою фундаментальную работу «Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке» он начинает с указания различий между обвинительным и следственным (сам автор его так не называет, но описание соответствует следственному процессу у цитируемых выше авторов. – А.Б.) процессами. «Первый вид, – пишет он, – обуславливается таким судоустройством, при котором отправление правосудия сосредоточивается в руках одного судебного места. Он... представляет обвинительное начало в самом предварительном следствии. Что же касается до главного следствия, происходящего перед лицом суда, то в нем до такой степени господствуют начала устности и обвинения, что председательствующий судья не допрашивает ни обвиняемого, ни свидетелей, и только руководит прениями... Напротив, второй вид основывается на цельном органически связанном судопроизводстве, на совокупном действии множества чиновников и, в особенности, на деятельности государственной адвокатуры, снабженной огромными средствами для открытия преступления, а также на инквизиториальном и тайном предварительном следствии, материалами которого пользуются в главном следствии, происходящем перед лицом суда. ... Первый вид, наиболее подходящий к порядку римского судопроизводства, представляется в Англии, Шотландии и Северной Америке. Второй принят французским и новейшим германскими законодательствами».¹²¹ Интересно, что в тот период в российской уголовно-процессуальной науке имела место и

¹²⁰ Там же. С. 12–13.

¹²¹ Миттермайер К.Ю.А. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке. М., 1864. С.V-VI.

иная точка зрения, согласно которой состязательное начало английского уголовного процесса скорее миф, чем реальность.¹²²

Наиболее полное описание вопроса о двух формах уголовного процесса в дореволюционный период мы можем найти у И.Я. Фойницкого, который обобщил все предыдущие наработки по этому вопросу в своем курсе уголовного судопроизводства.

Ученый решает терминологический спор между обозначением процесса как обвинительного или состязательного. Достаточно обоснованно, на наш взгляд, делается выбор в пользу последнего термина¹²³. Тут стоит сделать некоторое пояснение. Фойницкий использует в своей работе такие термины, как «публичное начало», «частное начало», «розыск», «состязательность». В ходе анализа текста можно сделать вывод, что начало у процесса автор видит либо частным (когда в процессе движущей силой является частное усмотрение сторон)¹²⁴, либо публичным (когда процесс осуществляют органы государства, преследуя государственный интерес)¹²⁵. В свою очередь, розыск и состязательность есть обозначения «характера», «порядка» или «формы» уголовного судопроизводства¹²⁶. Розыск при этом – крайняя форма публичного начала, состязательность – форма, соответствующая частному началу.

Автор допускает смешение форм в рамках одного, публичного начала¹²⁷. Но что именно должно совмещаться и как? Какие элементы одной формы накрепко связаны с публичным началом, а какие с состязательным? Эти вопросы остаются для автора открытыми, а в силу отсутствия аргументации согласиться с тем, что «принятие состязательного порядка в

¹²² Анциферов К.Д. Обвинительное начало и английский процесс // Юридический вестник. Т. 3. М., 1879. С. 431–437.

¹²³ Фойницкий И.Я. Указ. Соч. С. 60–61.

¹²⁴ Там же. С. 61, 66.

¹²⁵ Там же. С. 62.

¹²⁶ Там же. С. 62, 64.

¹²⁷ Там же. С. 66.

уголовном процессе не колеблет публичного начала его»¹²⁸, мы не можем, тем более когда выше обосновали обратное утверждение.

В рассматриваемой работе приводится достаточно специфичный взгляд на состязательный порядок. Основные усилия автора при рассмотрении вопроса о состязательности были направлены на выделение особенностей российской состязательности по сравнению с англо-американской¹²⁹. Классическая же состязательная форма характеризуется ученым посредством трех признаков: наличия отдельных от суда сторон, участвующих в деле; равноправия сторон; освобождения суда от процессуальных функций сторон¹³⁰.

Из представленного выше обзора мы можем заключить, что выводы о реализации начала в форме через соответствующие цели, субъекты, познавательную схему делались еще в XIX веке. В частности, по итогам обзора позиций выбранных нами авторов получается, что целью классического состязательного процесса не может быть получение достоверного знания о преступлении, он для этого не подходит. А это значит, что и познание в указанном процессе отличается от познания в следственном процессе. Если быть точнее, то не познание, а рассмотрение, так как в состязательном процессе познание в более или менее полноценном понимании этого слова осуществляют только стороны, имея возможность «выбирать» доказательства в обоснование своей позиции, отбрасывая ненужное. В этой ситуации суд устанавливает убедительность и логичность одной позиции по отношению к другой, а это совсем иной механизм мышледеятельности, нежели в следственном процессе. В последнем субъект обязан сам сделать вывод об обстоятельствах, имеющих значение для дела, на основании собственной познавательной деятельности. Если в результате состязательного процесса может получиться убедительный, логичный вывод,

¹²⁸ Там же. С. 64.

¹²⁹ Подробнее см.: Барабаш А.С. Вклад И.Я. Фойницкого в определение места состязательности в российском уголовном процессе // http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=223

¹³⁰ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. 1902. С. 64.

но не всегда достоверный (так как суд не проверяет то, что представили стороны, ничем, кроме того, что представили стороны), то в результате следственного процесса вывод об обстоятельствах совершения преступления должен получаться достоверный.

Ярко прослеживается сущностное отличие форм через второй выделенный нами аспект соотнесения начала и формы – положение субъекта. Так, у Я.И. Баршева формы различаются через определение субъекта, от которого зависит движение в процессе – частное лицо или суд, независимо от воли частного лица. В.А. Линовский, исходя из этого же понимания, обоснованно, на наш взгляд, связал установление следственной формы в отечественном процессе с появлением особых уполномоченных государством субъектов – губных старост. К. Миттермайер указывает на особое «непознавательное» положение субъекта в обвинительном процессе. И.Я. Фойницкий описание различий форм также ведет через понимание природы субъекта деятельности при разных началах. Выходит, и в период формирования и расцвета уголовно-процессуальной науки было пусть и не объясненное, а только зафиксированное, но понимание, что если процесс стоит на страже интереса общественного, то не может быть у него иного субъекта, нежели орган «от общества», государственный.

Описанные признаки состязательной и следственной формы есть условия реализации состязательного и публичного начала. Выражаясь философским языком, это явление. А через явление мы можем познать и сущность, выделив то, что проявляет себя постоянно во всех частях явления. Если мы посмотрим на то, через что ученые дореволюционного периода описывали состязательность – требование обвинителя как обязательное условие начала процесса; наличие двух равноправных противоборствующих сторон с разными функциями; указание на то, что суд действует, не выходя из границ, предлагаемых требованиями обвинителя и т.д., то сущность формы процесса, основанного на состязательном начале, можно выразить одним словом – *спор*.

Указание на такое понимание сущности состязательности можно найти и в дореволюционный период развития уголовно-процессуальной науки¹³¹, и в советский¹³², и в современный¹³³. Причем, когда мы говорим о классической состязательности, то по Аристотелевской классификации споров это скорее эристика – искусство любой ценой остаться правым в споре или софистика – стремление добиться победы в споре путем преднамеренного использования ложных доводов¹³⁴. Ибо спорить можно только по поводу того, что познано. «Спор сторон, свойственный состязательному судебному разбирательству, не может состояться, если позиции спорящих еще не сформировались или сформировались, не окончательно, или появились основания для их корректировки»¹³⁵, – пишет С.Д. Шестакова. Значит, к моменту спора у сторон уже должны быть фактические данные, которыми им необходимо оперировать в споре. Если для этого нет полноценных возможностей, то это именно эристика или софистика.

Имея в виду форму, основанную на публичном начале, и такие ее характеристики (пока речь только о тех, что были описаны выше), как инициация процесса независимо от воли жертвы, потерпевшего; осуществление расследования специально уполномоченным органом; разделение следствия на «тайное» – до суда и «главное» – судебное; активность суда в исследовании доказательств, его инициатива в их собирании и т.д., позволим себе сущность такой формы обозначить другим словом – *познание*.

¹³¹ См. : Люблинский П.И. Суд и права личности // Судебная реформа. Т. 2. М., 1915. С. 2; Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905. С. 89; Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука // Право. 1908. № 32. С. 142.

¹³² Проблемы судебного права / под ред. В.М. Савицкого. М., 1983.

¹³³ Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2000. С. 646; Смирнов В.П. Состязательное начало по уголовным делам в суде первой инстанции. С. 7; Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 12–13.

¹³⁴ Аристотель. Сочинения. Т.2. М., 1978. С. 557.

¹³⁵ Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. СПб., 2001. С. 97.

«Суть публичности обнаруживается в принципе всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела»¹³⁶, – пишет А.С. Барабаш, подтверждая наш довод отсылкой к важнейшему познавательному положению. Активность субъекта в исследовании обстоятельств дела и реализация тем самым общественного интереса может быть только в рамках объективного познания.

К сожалению, в современных научных текстах все больше говорят об условиях для существования состязательности и публичности, забывая об их сущности. А ведь именно понимание сущности дает возможность отделить подлинное объективное содержание явления от его видимости¹³⁷.

Вновь вернемся к вопросу о смешении форм. Выше мы отмечали, что характеристики цели, познавательной схемы, субъекта состязательного и публичного процессов – это те уникальные элементы, которые не могут быть смешаны в какой-то одной форме. Перейдя к конкретике, мы будем работать в традиции рассуждений о состязательности и начнем с вопросов о цели и субъекте, хотя главным, на чем можно показать существенное отличие процессов, построенных на разных началах, по нашему убеждению, является именно познавательная схема. Ей будет посвящена оставшаяся часть работы, а пока рассмотрим то, что касается цели и субъекта. Собственно, итогом такого пути и должен стать выход на познавательную схему.

Итак, мы можем утверждать, что в классическом процессе, основанном на состязательном начале, не может быть активного познающего субъекта в виде специально уполномоченного органа. Причем речь идет именно о познавательной активности, то есть когда такой орган занимается познанием. В состязательном процессе, в силу выявленной сущности его как спора, активность, безусловно, есть, но немного иная. Там скорее речь идет об активности в поиске необходимой именно для обвинения информации и об активности в представлении этой информации.

¹³⁶ Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук С. 141.

¹³⁷ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. С. 550.

Отсутствие же познавательной активности вызвано тем, что: а) нет цели получить знание, а есть цель разрешить спор; б) появление иного, нежели стороны, активного субъекта, по сути, исключает равное противоборство между ними, и если субъект, который должен принимать решение о победителе спора, сам мог познавать, разрешения спора уже быть не может. У него возникает позиция (не важно, полноценная или нет) по поводу обстоятельств исходя из собственной познавательной активности, а не из доводов, полученных только в результате активного противоборства сторон.

У суда в классическом состязательном процессе активность может проявляться только в одном – в создании сторонам условий для спора. Как только законодатель дает возможность суду по собственной инициативе участвовать в познавательном процессе, в полной мере осуществлять расследование – можно говорить о деструктивном для состязательности элементе, который в совокупности с другими факторами свидетельствует либо о том, что произошли серьезные изменения в социуме и соотношение интересов, влияющих на построение уголовно-процессуальной деятельности стало иным, либо о введении чужеродного элемента в существующий уголовный процесс.

Точно так же нельзя ввести основу познавательной деятельности для следственного процесса в состязательный, поскольку она подразумевает активного субъекта и служит иной цели, чуждой для состязательности.

При этом в крайних формах состязательного процесса, одну из которых А.В. Смирнов называет публично-исковым процессом, познавательная активность суда в той или иной степени проявляется, но она не полноценна, сдержана и скорее диспозитивна, то есть разбирательство может пройти и без ее проявления. Это, в совокупности с ролью обвинителя, по словам автора, не делает процесс несостязательным¹³⁸. Кроме того, она завязана не на цели

¹³⁸ Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. С. 42-48, 53.

установления всех необходимых обстоятельств, а потому это активность в рамках иной познавательной схемы, нежели в публичном процессе.

Все предыдущие рассуждения этого параграфа мы намеренно строили на основе взглядов дореволюционных ученых. Во-первых, анализ современной уголовно-процессуальной литературы позволяет нам утверждать, что указанные признаки состязательной и следственной формы и на нынешний день являются ключевыми в их описании и противопоставлении¹³⁹, а во-вторых, произошли некоторые дополнения в системе этих признаков, которые нам проще будет оценить исходя из понятого ранее.

Так, одним из признаков состязательности в современной науке становится активность суда в познавательной деятельности. Ее в рамках состязательности подчеркивал еще И.Я. Фойницкий, указывая на обязанность суда «употребить все находящиеся в его распоряжении средства для полного разъяснения себе дела»¹⁴⁰. Относительно активности суда в рамках состязательного процесса находим у М.С. Строговича следующее: состязательность – «такое построение судебного разбирательства в котором обвинение отделено от суда, решающего дело, и в котором обвинение и защита осуществляется сторонами, наделенными равными правами для отстаивания своих утверждений и оспаривания утверждения противной стороны. Суду же принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств дела и решение самого дела»¹⁴¹. И сегодня многие ученые состязательность без познавательной активности суда не рассматривают как полноценную.

Н.А. Лукичев указывает, что «в состязательном уголовном процессе, активная позиция суда в доказывании по уголовным делам обуславливается

¹³⁹ См., например : Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М., 2004. С.94; Шестакова С.Д. Указ. соч. С. 51, Якимович Ю.К. Избранные труды, Спб, 2011 стр.513-517 и др.

¹⁴⁰ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т.1. 1902. С. 65.

¹⁴¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 149.

необходимостью достижения баланса процессуальных средств раскрытия и расследования преступлений и процессуальных средств защиты личности от обвинения»¹⁴². Похожее обоснование активности суда, указание на то, что состязательный процесс обязывает суд быть активным и т.п. можно найти и у других современных ученых¹⁴³. Конечно, есть и противоположная позиция относительно роли суда в состязательном процессе. Она, как правило, принадлежит тем, кто более последователен в своем понимании состязательности, – И.Л. Петрухину, С.Д. Шестаковой, С.А. Пашину, В.А. Лазаревой и др.¹⁴⁴

Но, тем не менее, активность суда в исследовании доказательств все чаще и чаще оправдывается необходимостью для состязательности. Что ж, мы в этом видим желание видеть процесс состязательным, желание не противоречить формально закону и в связи с этим оправдать те элементы, которые в состязательность не вписываются, но они есть и никуда от них не деться. Это напрямую касается активности российского суда. Ее наличие в нашем процессе, как и в любом другом, при наличии познавательной цели, по сути, нивелирует состязательность и не позволяет таковым считать процесс.

Нельзя быть активным в уголовно-процессуальном познании чуть-чуть. В том смысле, что познание не может осуществляться местами, с перерывами, тогда, когда иные участники попросили или обратили внимание на тот или иной аспект. Незадолго до вступления действующего УПК РФ в

¹⁴² Лукичев Н.А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 9.

¹⁴³ См. также: Щеглова Е.С. Концепция состязательности в российской правовой мысли конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 11; Смирнов В.П. Состязательное начало по уголовным делам в суде первой инстанции. С. 7; Рябцева Е.В. Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005, С. 9; Куцова Э. Ф. Истина и состязательность // Законодательство. 2002. № 9. С. 78, 71–79; Мезинов Д.А. К вопросу о пределах активности суда при исследовании обстоятельств уголовного дела в условиях состязательного судебного следствия // Проблемы модернизации правовой системы современного российского общества. Международная научная конференция (г. Красноярск, 30 сентября - 1 октября 2010 г.: сборник докладов: в 2 т. Т. 2. - Красноярск: Центр информации, 2011. - С. 333-338 и др.

¹⁴⁴ Петрухин И.Л. Состязательность и правосудие // Государство и право. 1994. № 10. С. 131; Шестакова С.Д. Указ. соч. С. 47; Пашин С.А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. М., 1995. С. 312.

силу Конституционный Суд отметил по этому поводу: «...осуществление судом в публичном по своему характеру уголовном процессе функции правосудия не исключает наличия у него права в рамках предъявленного подсудимому обвинения истребовать и исследовать доказательства, необходимые для проверки приводимых сторонами в обоснование своих позиций доводов, оценивать значение тех или иных обстоятельств для правильного разрешения уголовного дела и принимать на основе такой оценки соответствующие решения. Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а, следовательно, не обеспечивало бы независимость суда при отправлении правосудия»¹⁴⁵. Акцентом на публичность процесса продемонстрировано ключевое значение для уголовно-процессуальной деятельности решения вопроса об активности субъекта процесса.

Правильно понимая суть состязательности, И.Л. Петрухин писал о необходимости «резко ограничить в деятельности суда начало публичности, не совместимое с состязательной формой построения процесса...»¹⁴⁶. Поэтому указание в современной науке на активность суда как на элемент состязательности процесса – не что иное, как попытка обосновать неоправданное, на наш взгляд, упоминание состязательности как основы российского уголовного судопроизводства. Увы, но наличие декларации о состязательности в законе держит многих исследователей в рамках необходимости ее обоснования.

Еще одно условие, которое сегодня считается одним из основных для состязательности, – процессуальное равноправие сторон¹⁴⁷. Если в данной ситуации речь идет о равенстве процессуальных статусов органов уголовного

¹⁴⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 23.01.2001 № 21-О // Консультант-Плюс.

¹⁴⁶ Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 131.

¹⁴⁷ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. С.94; Громов Н.А., Лисоволенко В.В., Гришин А.И. Состязательность и равноправие сторон как принцип уголовного процесса // Следователь. 1999. № 5. С. 35 – 36.

преследования и обвиняемого (подозреваемого) на досудебных (хотя этот термин условен для состязательного процесса) и судебных стадиях производства по уголовному делу, тогда это условие для существования состязательности¹⁴⁸ и такое равенство сторон переносить в публичный процесс нельзя, в силу необходимости активности субъекта, принимающего промежуточные и итоговые решения. А вот если речь идет о равенстве прав участников судебного разбирательства, то это не уникальный элемент состязательной формы. Этот элемент – необходимость для достижения целей публичного процесса, и обеспечение этого равенства есть принцип такого процесса. В состязательном процессе равенство прав участников – часть общего равноправия сторон и имеет немного иное целевое назначение – донести свою позицию до арбитра.

Итак, когда мы говорим о смешанной форме процесса, нужно четко понимать, что можно и что нельзя искусственно смешивать исходя из сущности состязательности и публичности. Из изложенного выше мы вообще не можем допустить наличие смешанных форм на основе главных, конструктивных элементов публичности, и состязательности. Те или иные аспекты, характерные для публичности могут проникать в состязательность и наоборот, если они не посягают на возможность достичь цели процесса и как следствие на познавательную схему и положение субъекта доказывания. В этом плане современный состязательный процесс, пожалуй, окончательно не стал публичным лишь в силу отсутствия полноценной стадии предварительного расследования, в которой одно лицо занималось бы исследованием всех обстоятельств дела. Тем не менее, он состязательный и, несмотря на наличие элементов активности суда, которые проникли в страны с процессом, построенным на состязательном начале, пока не произошло такого посягания на цели и механизм познавательной деятельности, чтобы процесс стал окончательно публичным. А если такое уже случилось – то это

¹⁴⁸ Шестакова С.Д. Указ. соч. С. 51.

вопрос серьезных сравнительно-правовых исследований, который пока выходит за рамки данной работы.

В свою очередь, нельзя называть российский уголовный процесс смешанным на основании того, что предварительное следствие основано на публичности, а судебное разбирательство якобы на состязательности. У всего процесса единое начало, и это было обоснованно. Не может предварительное расследование стоять на страже общественных интересов, а судебное разбирательство – на страже частных. Место небольшому проявлению состязательности для публичного процесса находится лишь по окончании судебного следствия – в судебных прениях, когда вступают в спор участники, каждый из которых прошел в ходе судебного следствия весь познавательный путь¹⁴⁹.

У каждого процесса своя основа. Уголовный процесс в каждом конкретном государстве – это действительно «продукт исторических наслоений»¹⁵⁰, он уникален, но основа у него либо состязательная, либо публичная. Мы допускаем неоднородность процессов в разных странах в рамках формы, соответствующей тому или иному началу. То есть у формы, основанной на состязательном начале (мы ее обобщенно называем состязательной), могут быть свои виды, а у формы, основанной на публичном начале (публичная форма – общее наименование), – свои, но основа и те элементы, которые с этой основой связаны, у разных видов – общие. Это очень похоже на то, что А.В. Смирнов назвал «легислативными формами»¹⁵¹, с той разницей, что мы не допускаем в их рамках смешения основных элементов.

¹⁴⁹ Подобный вывод см., например: Викторский С.И. Русский уголовный процесс : учеб. пособие. М., 1997. С. 208.

¹⁵⁰ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 62.

¹⁵¹ Легислативные формы – производные от форм-архетипов, существующие в отдельных странах. Легислативные формы не вполне совпадают с историческими, так как испытывают на себе влияние конкретно-исторических условий (социальных, политических, этнических и др.), в которых они возникли и существуют. Возможны отклонения легислативных форм от первоначального архетипа, вплоть до перехода в другую морфологическую нишу. См. : Смирнов А.В. Указ. соч. С. 16.

Именно в этом смысле нет состязательности в чистом виде. Она всегда в ее классическом варианте опосредована развитием конкретного государства. Несмотря на тенденцию уголовно-процессуальной формы к публичности, процессы, построенные на разных началах, требуют разного подхода для их понимания и развития.

Выделенные нами признаки состязательной и публичной формы в их общем виде мы и подразумеваем, когда говорим о состязательном или публичном процессе. В этом смысле состязательность и публичность – это своего рода предельные основания. Обозначая себя сторонником той или иной формы, авторы заявляют основу для своих суждений и должны соответствовать этой основе при последующих выводах, чтобы была возможность правильно понять друг друга. В данной работе мы будем исходить из публичности российского уголовного процесса, которая в полной мере, на наш взгляд, обоснована и исторически и через анализ нормативного материала¹⁵².

Если мы признаем публичное начало российского уголовного процесса, то нужно понимать, что в действующем процессе ему соответствует, а что нет. По нашему мнению, это возможно через анализ познавательной схемы, о которой мы писали как об одном из основных элементов формы, которая связывает цель и субъекта и раскрывает механизм познания в рамках той или иной формы. Именно этот аспект является главным, в том числе для понимания четкого различия между состязательным процессом и публичным, так как вопросы активности, выходящие на первое место в подобных спорах, лишь производны и по большей части формальны.

В вопросе определения основы познавательной схемы для публичного уголовного процесса мы сможем понять, как определить наличие или отсутствие тех необходимых положений в нормативном описании современного процесса, которые либо требуют корректировки, либо

¹⁵² Барабаш А.С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук.

отсутствуют. А также понять, какие положения несовместимы с существующей формой российского уголовного процесса и почему.

Глава 2. Метод публичного уголовного процесса

§ 1. Уголовный процесс как познавательная деятельность

Рассматривая основу познавательной схемы публичного уголовного процесса, постараемся в полной мере реализовать уже упомянутый деятельностный подход. То есть мы будем рассматривать уголовный процесс как деятельность со всеми присущими ей структурными элементами. К этому нас подталкивает и само слово «процесс», перешедшее к нам из немецкого языка и произошедшее от латинского «processus» – продвижение вперед¹⁵³. Современное лексическое значение этого слова указывает на то, что под процессом понимается именно деятельность, в частности «совокупность последовательных действий, направленных на достижение определённого результата»¹⁵⁴ или «последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь»¹⁵⁵.

Понимание уголовного процесса как деятельности является устоявшимся в науке. Перечисление энциклопедических, учебных, научных изданий, в которых уголовный процесс определяется именно так, заняло бы не один десяток страниц, в силу чего мы этого делать не будем.

Но деятельность может быть разной – творческой, трудовой, игровой, познавательной и т.п. Какова же основная характеристика уголовно-процессуальной деятельности, которая поможет найти ключ к ее пониманию? Нам видится, что в качестве таковой может выступать познавательный характер уголовно-процессуальной деятельности, проявляющийся в полной мере в доказывании.

¹⁵³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 386.

¹⁵⁴ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 1037.

¹⁵⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2011. С. 507.

П.С. Элькинд писала: «Доказывание – центральный стержневой процесс всей уголовно-процессуальной деятельности...»¹⁵⁶ и, по нашему мнению, была права. С тех пор доказывание все чаще именуют стержнем уголовного процесса, и на этом строится понимание роли доказывания в уголовном процессе и понимание процесса в целом. Стержень – это основная часть, содержательный центр чего-либо¹⁵⁷, в этом плане уголовно-процессуальное доказывание, которое, по справедливому замечанию М.Н. Меликяна, является сутью, основой уголовно-процессуальной деятельности¹⁵⁸, действительно может именоваться стержнем уголовного процесса. При этом мы исходим из того, что уголовно-процессуальное доказывание – это познавательная деятельность, осуществляемая в определенной сфере человеческих отношений. Позиция, в силу которой доказывание и познание – это несовпадающие явления, где либо доказывание шире познания¹⁵⁹, либо наоборот¹⁶⁰, – нам чужда. Мы согласны с достаточно обоснованным мнением А.С. Барабаша, что «уголовно-процессуальное доказывание – такой же познавательный процесс, как любой другой, только имеющий свои специфические объекты и цели, познаваемые в особой процессуальной форме»¹⁶¹. Таким образом, с учетом того, что основой уголовно-процессуальной деятельности является доказывание, которое есть познавательный процесс, уголовный процесс по своей природе есть познавательная деятельность. При этом мы останавливаемся только на этом центральном аспекте, не забывая, что помимо познавательной

¹⁵⁶ Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 33.

¹⁵⁷ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 2011. С. 614.

¹⁵⁸ Меликян М.Н. О специфике доказывания в ходе предварительной проверки информации о преступлениях // Государство и право. 1998. № 10. С. 76.

¹⁵⁹ См., например: Клейман Л.В. Установление относимости доказательств при расследовании преступлений : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Омск, 2001. С.10; Орлов Ю.К. Указ. соч. С.10; Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара, 2007. С. 39 и др.

¹⁶⁰ См., например : Левченко О.В. Уголовно-процессуальное доказывание (сущность, средства доказывания, предмет и пределы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2001. С. 8-9; Кузнецов Н.П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. Воронеж, 1998. С. 9; Корнакова С.В. Логические основы уголовно-процессуального доказывания : автореф. дис... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С.10–11.

¹⁶¹ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 254.

характеристики у уголовно-процессуальной деятельности есть и иные (нужно не забывать, например, что это также деятельность по защите прав граждан и т.п.).

Все вышесказанное важно, ведь при таком положении вещей в уголовном процессе должны работать все философские законы, выработанные на сегодня по отношению к познавательной деятельности, в частности к доказыванию. В отношении последнего мы абсолютно убеждены, что оно «подчинено общим гносеологическим закономерностям»¹⁶². Мы согласны, что «методологической основой уголовно-процессуального доказывания являются гносеологические закономерности, характерные для любой познавательной ...деятельности»¹⁶³. К сожалению, несмотря на достаточно привычную для уголовно-процессуальной науки констатацию этого факта, свое развитие данное положение получает редко. В основном поиски общего между познанием и доказыванием ограничиваются подобного рода утверждениями, а авторы в своих рассуждениях пытаются увидеть специфику доказывания по отношению к познанию.

Не всеми учеными постулат о необходимости использования в доказывании достижений гносеологии принимается как неоспоримый. Более того, этот тезис критикуется, и от него предлагают и вовсе отказаться как от устаревшего.

Так, А.В. Агутин в своей диссертации пишет о существовании «гносеологической парадигмы доказывания»¹⁶⁴ в современном отечественном уголовном процессе. Автор указывает, что «современный законодатель в качестве методологической базы избрал гносеологию, которая посредством своего инструментария не способна в целом эффективно детерминировать доказывание по уголовным делам»¹⁶⁵. При

¹⁶² Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973. С. 287.

¹⁶³ Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: Важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С.11.

¹⁶⁴ Агутин А.В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 49.

¹⁶⁵ Там же. С. 55.

этом делается акцент на связь этой самой гносеологической парадигмы с социалистическими механизмами управления обществом. Указывается, что гносеология рассчитана на «советскую (социалистическую) духовность и общность», что она неэффективна и, более того, привела к росту преступности в стране в период с 1988 до 2004 года, так как эффективных средств для раскрытия преступлений не дает¹⁶⁶.

Но о гносеологии ли пишет автор? Что он понимает под ней? Под гносеологией автор понимает теорию, анализирующую основания научно-познавательной деятельности, а вместе с ней (наукой) и всех остальных областей человеческой жизни, а также форму организации научного знания¹⁶⁷. Действительно, гносеология – философская дисциплина, занимающаяся исследованиями, критикой и теориями познания. Основной круг гносеологической проблематики очерчивается посредством таких проблем, как интерпретация субъекта и объекта познания, структура познавательного процесса, проблема истины и ее критерия, проблема форм и методов познания и др.¹⁶⁸ И эти проблемы могут решаться по-разному разными философами. Но это все происходит в рамках гносеологии как теории познания. Ее не может не быть, ее нельзя отрицать в принципе – это раздел философии, причем основной раздел. Внутри него можно найти множество концепций познания, но сама гносеология как часть философии существует, пока есть проблематика познания в современном мире. Лев Шестов по поводу трудов Э. Гуссерля пишет: «...обратим еще раз внимание на то, какое колоссальное значение имеет и должна иметь в философии теория познания. Теория познания вовсе не безобидная, отвлеченная рефлексия о методах нашего мышления. Она предопределяет собой источник живой воды познания. Она увлажняет собой те *ρίζωματα πάντων* (корни

¹⁶⁶ Агутин А.В. Указ. соч. С. 55.

¹⁶⁷ Там же. С. 52.

¹⁶⁸ Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. С. 174.

вещей. – А.Б.), из которых вырастает наша жизнь...»¹⁶⁹ Это красивое образное выражение подчеркивает объективность и важность существования гносеологии как раздела философии, в котором изучаются одни из основных ее проблем. В этой связи суждение А.В. Агутина некорректно в том плане, что гносеология в уголовном процессе – это проявление социалистических механизмов и т.п. Это часть философии, на которую мы не можем не опираться.

Автор в подтверждение своих слов об ошибочности выбора гносеологической парадигмы приводит следующее суждение Н.А. Бердяева: «Познание у современных гносеологов превратилось в паразита, который ведет самодовлеющее существование»¹⁷⁰. Однако в данном случае речь идет не об отрицании гносеологии и теории познания, а о ее излишнем рациональном, по мнению Бердяева, наполнении. За приведенной цитатой у философа идут следующие слова: «Утеряны источники питания, и потому философская мысль стала худосочной, потом бессильна она соединиться с тайной бытия, с вековой целью своих стремлений. Философская мысль не может питаться из себя, т.е. не может быть отвлеченной, самодовлеющей. Не может она питаться и одной наукой. Да и зависимость от науки знаменует собой потерю самостоятельности философии»¹⁷¹. Для Бердяева познание мира, познание Бога, познание тайн – это не просто логический процесс, не просто манипуляции одного рассудка, а акт, который осуществляет вся природа человека, все его существо! – интуиция его, боль, чувство, все вместе связано¹⁷². Бердяев открыто объявляет, что по-настоящему «свободное познание» - это интуиция. Причем он видит у интуиции два несомненных преимущества, в частности, то, что она в отличие от дискурсивного (логического) мышления не должна выстраивать связные цепочки от начала до конца, всюду уходя в дурную бесконечность, ведь в

¹⁶⁹ Шестов Л.И. *Memento mori* (По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля) // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 11.

¹⁷⁰ Агутин А.В. Указ.соч. С. 52.

¹⁷¹ Бердяев Н.А. Философия свободы // philosophy.ru

¹⁷² Мень А. Мировая духовная культура. Н.А. Бердяев // http://www.alexandrmn.ru/books/mdc/mdc4_07.html

творческой интуиции дается все и сразу, она сама себе «самооправдание и самосанкция»¹⁷³. Готов ли автор, ссылающийся на Бердяева, перенести подобные экзистенциальные рассуждения о познании на почву доказывания, с учетом того, что сам философ критически относится к научному и рациональному, как показано выше? Суждения и труды великого философа уникальны и наполнены огромным количеством важного и нужного для человека в современном мире. Но это суждения на другом уровне, на том, с которого на уголовно-процессуальное доказывание вряд ли удастся перейти.

Весьма спорны в этой связи и ссылки А.В. Агутина на Э. Гуссерля. Слова последнего автор приводит, чтобы показать, что «доказывание в уголовно-процессуальной сфере имеет дело с конкретными фактами, а гносеология – с идеями»¹⁷⁴. Во-первых, данное суждение ничего спорного в себе не несет. Гносеология – это та область, где обоснованы и закреплены положения о том, как познавать (доказывать в нашем смысле), а при доказывании этими положениями необходимо воспользоваться. Во-вторых, автор опирается на выделение Гуссерлем двух возможных способов отношения человека к миру, две жизненные установки – практическую и теоретическую. Практическая установка исторически изначальна, она характеризует фундаментальный способ человеческого бытия и естественную жизнь человека. Ее отличают наивность, «вжитость в мир», отсутствие устойчивого интереса к каким-либо частностям внутри мира. По Гуссерлю, главный признак теоретической установки состоит в том, что она «целиком и полностью непрактична», поскольку «человека охватывает страсть к созерцанию и познанию мира, свободная от всяких практических интересов, и в замкнутом кругу познавательных действий и посвященного ей времени преследуется и творится не что иное, как чистая теория»¹⁷⁵.

¹⁷³ См. подробнее: Бердяев Н.А. Смысл творчества // philosophy.ru

¹⁷⁴ Агутин А.В. Указ .соч. С. 53.

¹⁷⁵ Там же. С. 53.

Однако когда философ говорит о теоретической и практической установке, он говорит об историческом развитии человечества, и применять эти рассуждения как доказательство тезиса о разведении гносеологии как теории и доказывания как деятельности некорректно. Но даже если такое применение допустить, то надо учитывать, что Гуссерль эти две жизненных установки не противопоставляет и даже выделяет третью установку – синтезирующую теоретическую и практическую¹⁷⁶.

Действительно, теорий познаний может быть множество в рамках гносеологии. И на каждой из них может базироваться своя теория доказывания и здесь А.В. Агутин прав¹⁷⁷. Но как быть уголовному процессу? Какую теорию выбрать? Ответ прост – такую, которая дает адекватное представление об объектах познания, оперирование законами которой дает возможность получить знание, приложимое к действительности. Речь идет о диалектике.

И нам кажется, именно против диалектики, а не гносеологии протестует А.В. Агутин. А точнее, автор не согласен с тем, что диалектический материализм остался, по его мнению, основой процесса и сегодня. О том, что автор указывает на неполноценность именно диалектического материализма, а не гносеологии, свидетельствуют его суждения, в которых он поясняет свое несогласие¹⁷⁸.

При этом не указывается, чем же диалектика, являющаяся на нынешний день обоснованным и универсальным методом познания, не годится в основы уголовно-процессуального доказывания. Более того, в качестве альтернативы ей автор предлагает научный метод в уголовно-процессуальном доказывании, который используется в других или смежных науках¹⁷⁹. Но ведь все научные методы на сегодня есть не что иное, как порождение диалектики. Даже сам автор ссылается на этот метод

¹⁷⁶ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 111–113.

¹⁷⁷ Агутин А.В. Указ. соч. С. 54.

¹⁷⁸ Там же. С. 49, 55.

¹⁷⁹ Там же. С. 69.

исследования как на основной в своей работе¹⁸⁰. Так почему же тогда нельзя распространять законы и принципы диалектики на процесс доказывания?

Призыв автора отказаться от гносеологии, которую он, как мы выяснили, отождествляет с диалектическим материализмом, выглядит нелогичным и необоснованным. Автор не предложил взамен новой теории доказывания, основанной не на диалектике. Единственное, с чем мы можем согласиться, так это с тем, что термин «диалектический материализм», который сам Маркс никогда не употреблял¹⁸¹, использовать ныне не совсем корректно. Корректней вести речь о диалектике на материалистической основе (относительно Маркса и его последователей) или просто о диалектике (относительно Гегеля). Заметим также, что указание на некорректность термина «диалектический материализм» вовсе не означает отказ использовать в работе разработки в области диалектики советских ученых. Просто при обращении к ним необходимо будет отличать идеологическое от научного.

В отличие от предыдущего ученого, А.С. Александров не просто отверг диалектику как познавательный метод, но и предложил свой метод доказывания, правда, только в стадии судебного разбирательства¹⁸².

Автор считает необходимым пересмотреть постулаты советской теории доказательств и прежде всего «атаковать ее мировоззренческую основу — теорию познания (т. н. теорию отражения) диалектического материализма»¹⁸³, которая «преследует подобно проклятию отечественную теорию права»¹⁸⁴.

В основе дальнейших рассуждений автора лежит ключевой тезис о первичности языка и речи¹⁸⁵. «Первичен язык, вторична внетекстовая реальность, - пишет он, и добавляет: - в уголовном судопроизводстве нет

¹⁸⁰ Агутин А.В. Указ. соч. С.10.

¹⁸¹ Подробнее см.: Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. С. 29.

¹⁸² Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н.Новгород, 2003.

¹⁸³ Там же. С. 4.

¹⁸⁴ Там же. С. 10.

¹⁸⁵ Там же. С. 2.

ничего, кроме текста и речи»¹⁸⁶. Вторым предельным основанием для своей работы автор указывает состязательность российского уголовного процесса, а если быть точнее – судебной его составляющей.

Подобные исходные тезисы порождают следующее представление о доказывании в уголовном процессе: «На первый план в понимании судебного доказывания выходит представление доказательств и аргументация. В связи с фактором «внутреннего убеждения» судьи (совести), который оказывается решающим при оценке доказательств с точки зрения их допустимости, относимости, достоверности и достаточности, актуализируется понимание доказательств как средств убеждения»¹⁸⁷. Но ведь перед тем, как представить доказательства и на основе них аргументировать, они должны быть сформированы? Как это происходит? И внутреннее убеждение у судьи должно формироваться не произвольно и основываться не на красоте риторики той или иной стороны, а на основе законов формальной и диалектической логики.

Развивая исходные тезисы своей работы, автор указывает на то, что «уголовный процесс по конкретному уголовному делу есть речевая деятельность или рассказ и **узнавание** (выделено мною. – А.Б.) в ходе этого рассказа смысла текста уголовного закона»¹⁸⁸. Можем согласиться с процитированным, но как происходит и должно происходить это самое «узнавание»?

Весь познавательный метод у А.С. Александрова можно свести к формуле: «эффективность доказывания определяется эффективностью речевого убеждения»¹⁸⁹. Основным критерием для определения, что познано, а что нет, автор считает здравый смысл, порождающий убежденность аудитории в том или ином факте¹⁹⁰. Проанализировав названную работу,

¹⁸⁶ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. С. 7-8.

¹⁸⁷ Там же. С.11.

¹⁸⁸ Там же. С.67.

¹⁸⁹ Там же. С.175.

¹⁹⁰ Там же. С.166.

считаем, что изложенное в ней не может претендовать на новую методологию познания по следующим причинам.

Во-первых, исходный тезис автора о первичности языка для мышления не безусловен. В этом смысле можно сослаться как на универсальные философские словари, так и на философию Гегеля, у которого «слово действительно рождается как «посредник», как внешнее средство осуществления мышления и как его продукт, как *продукт рассудка*, как нечто производное от него. Слово (язык) поэтому предполагает *мышление*, но никак не предполагается им, хотя, разумеется, высшие, развитые формы мышления всегда уже опосредуются словом – не могут быть поняты без его опосредствования»¹⁹¹. И тут мы можем согласиться с Э.В. Ильенковым, что «любой анализ «языка», не проникающий до этой его реальной основы, остается некритическим описанием феноменов, разыгрывающихся на лингвистической поверхности общественного сознания, лишь систематизированным выражением иллюзий»¹⁹².

В этом плане постоянно чувствуется какая-то недоговоренность со стороны автора. Собственно и сам А.С. Александров не может уйти от этих вопросов, формулируя их следующим образом: «Откуда тогда берется речь? То, что ее производит речедеятель — очевидно. Но содержание, предмет речи — откуда его берет говорящий? Мы приходим к самому главному вопросу: речь следует за фактом, т. е. первичен факт, или фактична речь сама по себе, безотносительно к референциальной действительности? Иными словами, речевой факт есть единственная реальность, или она следует за реальным фактом (событием)?»¹⁹³. Увы, далее четких и понятных ответов на эти вопросы не следует, более того, автор указывает, что «речевой факт может быть и неистинным (читаем – недостоверным. – А.Б.), с точки зрения соответствия реальной действительности»¹⁹⁴.

¹⁹¹ Ильенков Э.В. Мышление и язык у Гегеля // Доклады X Международного гегелевского конгресса. Вып. IV. М., 1974. С. 69–81.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. С.178.

¹⁹⁴ Там же. С. 179.

Немногим позже выхода анализируемой работы в свет на одной из конференций автор сам подтвердил наши сомнения следующими словами: «Нет реальности, кроме текста. Как видите, этот постулат принимается без доказательств, как исходная посылка. Я не знаю и не хочу знать, почему это так. Просто вначале был текст, а потом все остальное – субъект доказывания и доказывание, как интерпретация текста и т.п. Это не значит, что я вообще отрицаю всякую иную кроме языковой, дискурсивной реальности. Очевидно, она есть. Даже, скорее всего, есть. Но какова она, можно только строить предположения. Чтобы укрепиться в суде со своей аргументацией, мне достаточно слов»¹⁹⁵.

Тем не менее указанный тезис о первичности языка сыграл, на наш взгляд, и положительную роль. Это позволило автору сосредоточить внимание на том аспекте доказывания и доказательств, который мало исследован и понят на сегодня, – на речевом, прагматическом. Тем более, что изначально предупреждалось о некоторой крайности допущений в книге в методологических целях¹⁹⁶.

Второе, что не позволяет нам принять за универсальную методологию познания – предложенный автором тезис о состязательности российского уголовного процесса. Собственно, в рассматриваемом труде говорится только о судебном доказывании, о судоговорении. Для него процесс познания до суда и в суде – разные вещи: «судебное доказательство и доказательство на предварительном расследовании – это нечто разное, или, может быть, одно и то же (информация, сведения), но находящееся в разных состояниях»¹⁹⁷. И далее, «в состязательном суде судья имеет дело с текстом (если угодно, «story»), созданным сторонами в ходе судебного доказывания; внетекстовой реальности, не представленной судебной речью, для него нет.

¹⁹⁵ Александров А.С. Что такое "судебная лингвистика" и каково ее отношение к научной догме уголовного процесса // Школы и направления уголовно-процессуальной науки: доклады и сообщения на учредит. конф. Междунар. ассоциации содействия правосудию / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2005. С. 72-80, С. 81.
<http://www.iaaj.net/lib/konf-MASP/index.htm>

¹⁹⁶ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. С. 2.

¹⁹⁷ Там же. С. 191.

Даже чувственно воспринимая объекты в ходе судебного осмотра места происшествия, вещественных доказательств, письменных документов и пр., судья делает это через лингво-психические схемы, модели, составляющие его разум, совесть, т. е. воспринимает их, оперирует ими, как при чтении текста»¹⁹⁸. Для нас же познание в процессе едино, и то, как познает следователь, и то, как познает судья, – процессы в целом одинаковые, и в этом плане не стороны пишут «story» для суда, а суд сам с помощью сторон формирует собственное знание о преступлении¹⁹⁹. В рассматриваемой же работе указывается, что «на следствии, особенно на предварительном, нельзя отойти от правил диалектики, так как предварительное следствие имеет целью не спор, а обнаружение истины»²⁰⁰.

Процесс в том виде, который есть сейчас, для нас не состязателен, а значит, все, что касается убеждения публики, абсолютизации речевого компонента доказывания и т.п., принято как нечто универсальное быть не может.

Что же касается диалектики и ее законов, то и их сокрушения (если не брать тезиса о первичности языка) в работе мы не нашли и, как показали выше, она вовсе не отрицается автором, а наоборот, возводится в основное правило познания на предварительном следствии. Автор упоминает также диалектику и в судебном разбирательстве, но в Аристотелевском смысле (если в основе его посылок лежат общепринятые мнения)²⁰¹ рассматривает ее как риторический прием, связанный со здравым смыслом и законами логики²⁰². Между тем, судя по отзыву на один из авторефератов, который был дан А.С. Александровым, он считает, что диалектическая методология

¹⁹⁸ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. С. 194-195.

¹⁹⁹ Подобное замечание к этому и другим тезисам А.С. Александрова высказывает также М.К. Свиридов. См. Свиридов М.К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 51. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. - С. 3-6; Свиридов М.К. Установление судом истины в судебном разбирательстве // Вестник Томского государственного Университета № 353 (декабрь 2011) С.142 - 147

²⁰⁰ Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. С. 341.

²⁰¹ Там же. С. 181.

²⁰² Там же. С. 200.

позволяет утверждать о надежности полученных результатов²⁰³. Так почему же при научном исследовании нужна диалектика, в рамках предварительного расследования тоже нужна, а в суде мы про нее забываем и начинаем доказывать, убеждая, прибегая к риторическим приемам и т.п., абсолютизируя чувственный компонент убежденности на основании загадочного для науки здравого смысла?

Несмотря на все поставленные вопросы, считаем труд А.С. Александрова заслуживающим внимания и более тщательного обсуждения, так как работа, которую он проделал в рамках речевой и языковой компоненты теории доказывания, по-своему уникальна и важна для теории в целом.

Диалектическое познание же и состязательность несовместимы. В связи с этим в уголовно-процессуальной науке встречается и иной вид отрицания диалектики как основы доказывания – когда автор избегает упоминания диалектики и ее основных положений. Такова одна из работ В.А. Лазаревой, полностью посвященной доказыванию, в которой она как раз исходит из состязательности российского уголовного процесса²⁰⁴. При работе с основными понятиями теории доказывания в данном труде нет ни слова о диалектике. Когда автор переходит к логическим основам доказывания, то становится очевидным, что в качестве таких основ рассматриваются лишь положения формальной логики²⁰⁵. М.В. Белов, критикуя в связи с этим В.А. Лазареву, справедливо замечает, что «доказывание без диалектики... выглядит странным»²⁰⁶. Еще более понятной ее позиция становится, когда мы читаем фрагменты о том, что доказывание и познание в состязательном процессе несовместимы²⁰⁷.

²⁰³ Александров А.С. Отзыв на автореферат диссертации Барабаша А.С. «Публичное начало российского уголовного процесса» // http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=news&file=article&sid=84

²⁰⁴ Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара, 2007. С. 6.

²⁰⁵ Там же. С. 58–64.

²⁰⁶ Белов М.В. Истина как цель уголовно-процессуального познания // Российское право в Интернете. 2009. № 2 // <http://www.rpi.msal.ru/prints/200902belov.html>

²⁰⁷ Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2007. № 3. С. 98.

Считаем, что не зря уделили критике части положений работы А.В. Агутина и А.С. Александрова²⁰⁸ так много места. Нам очень важно утвердиться в основе для познавательной стороны процесса и очень важно разобраться с аргументами, которые эту основу могут расшатать. На данный момент аргументов против того, что уголовно-процессуальное доказывание строится на достижениях гносеологии, в частности разработанном диалектическом методе познания, и формальной логики мы не нашли.

Мы исходим из универсальности диалектического метода для познавательной деятельности²⁰⁹ и именно его видим в основе доказывания²¹⁰. Имеется множество взглядов на диалектику, в том числе и крайне критических. Существует и множество теорий познания²¹¹. Так, Г.А. Печников достаточно последовательно критикует такие направления в гносеологии, как релятивизм, агностицизм, субъективизм. Впоследствии он делает вывод о том, что основой теории познания, которая должна стать опорой доказывания, должна быть именно диалектика²¹².

Принимаем по указанным выше основаниям в качестве основы доказывания диалектику и мы, что означает, что нам открыт путь к пониманию процесса через философские положения современной устоявшейся теории познания.

²⁰⁹ Кохановский В.П. Философия и методология науки. М., 1999. С. 237.

²¹⁰ На диалектику как основу уголовно-процессуального доказывания специально указывали разные ученые. См., например: Соркин В.С. Особенности процессуального доказывания в уголовном судопроизводстве. Гродно, 2002. С.7; Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы. Ижевск, 2002; Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы: уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование: автореф. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2011 и др.

²¹¹ См., например: Хилл Т. Современные теории познания : монография. М., 1965.

²¹² Печников Г.А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе : автореф. ... дисс. д-ра. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 12.

§ 2. Метод: понятие и место в деятельности

Решив вопрос о познавательной основе публичного уголовного процесса, можно перейти к конкретным элементам познавательной деятельности.

При самом элементарном описании деятельности центральными моментами становятся цель, метод и субъект. Мы исходим из того, что «любая деятельность «методологична», то есть всегда осуществляется с помощью тех или иных методов»²¹³. Значит, как у любой организованной определенным образом деятельности, у уголовного процесса должен быть свой метод. Переход к нему стоит начать с представлений о том, что есть метод сам по себе и какова его роль в структуре деятельности.

О необходимости научного метода познания, о выработке метода науки заговорили в XVI-XVII вв. Именно тогда проблема метода становится важнейшей в гносеологии, и ее постановка, и первые попытки решения происходят в рамках так называемой «философии нового времени».

Одним из первых на путь поиска и формулирования такого метода встал английский философ Фрэнсис Бэкон. В своих трудах он стремился структурировать науки, размышлял об эксперименте как методе, об опыте, разрабатывал индуктивный метод.

Самое главное для Бэкона — выработать правильный метод анализа и обобщения опытных данных, позволяющий постепенно проникнуть в сущность исследуемых явлений. По Бэкону, таким методом должна стать индукция, однако не та, которая заключает на основании простого перечисления ограниченного числа благоприятных фактов²¹⁴.

²¹³ Чайковский А.В. Метод как средство познания бытия // <http://www.philosophy.onu.edu.ua/elb/articles/chaikovski/method.pdf>

²¹⁴ Субботин Л.Л. Фрэнсис Бэкон и принципы его философии // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1971. С. 34.

Метод для философа – то, что «зажигает свет, потом указывает светом дорогу»... Правильно же построенный метод неизменной стезей ведет через леса опыта к открытию аксиом»²¹⁵.

Одними из первых серьезных трудов именно о методе познания в мировой философии стали труды Рене Декарта. Он вслед за Бэконом, стремился выработать научный метод, позволяющий познать практически все и даже доказать существование Бога. С последним у великого философа не очень-то получилось, но зато его суждения о методе и разработанный им дедуктивный метод считаются вкладом в мировую философию, многие идеи Декарта в трансформированном виде продолжают жить в философии XX века²¹⁶.

«Гораздо лучше никогда не думать об отыскании истины, какой бы то ни было вещи, чем делать это без метода»²¹⁷, – писал Декарт. Это высказывание очень четко подчеркивает, какое значение придавал философ методу в познании. Познавательной деятельности без осознаваемого субъектом метода для него не существует. Он занят поиском «всеобщей мудрости», то есть метода, объединяющего все науки. Развитие знаний человека о мире, научных знаний Декарт связывает с совершенствованием аналитических приемов познавательной деятельности²¹⁸. Под методом же Декарт понимал «точные и простые правила, строгое соблюдение которых всегда препятствует принятию ложного за истинное и, без излишней траты умственных сил, но постепенно и непрерывно увеличивая знания, способствует тому, что ум достигает истинного познания всего, что ему доступно»²¹⁹. Метод у Декарта выполняет в познавательной деятельности организующую ее функцию. Весь метод у философа «состоит в порядке и размещении того, на что должно быть направлено острие ума в целях

²¹⁵ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1972. С. 46.

²¹⁶ См. подробнее: Канке В.А. История философии: мыслители, концепции, открытия. М., 2003. С. 140; История философии : энциклопедия /сост. А. Грицанов. Минск, 2002. С. 292.

²¹⁷ Декарт Р. Сочинения. Т. 1. М., 1989. С. 86.

²¹⁸ Соколова В.В. Философия духа и материи Рене Декарта // Декарт Р. Сочинения. Т. 1. М., 1989. С. 24.

²¹⁹ Декарт Р. Указ. соч. С. 86.

открытия какой-либо истины»²²⁰. что подчеркивает очень важную мысль – метод всегда определяется целью.

Высокую оценку вклада Декарта в философию «нового времени» давал Гегель, называя его героем²²¹. Энгельс же называл Декарта блестящим представителем диалектики и диалектическим философом²²². Такая оценка работ Картезия со стороны тех, кто внес огромный вклад в разработку диалектики, позволяет напрямую использовать для понимания метода указанные и иные суждения философа.

Для самого Гегеля метод познания – краеугольный камень всей философии. Так называемая «философия развития» – одна из основных частей гегелевской философии, и именно в ее рамках он формулирует свой диалектический метод познания, являющийся для него истинным приемом умозрения²²³. В этой связи приведем лишь наиболее общие его суждения о методе в целом, а не о диалектическом методе конкретно.

Метод для философа – «сам себя конструирующий путь»²²⁴. Он возник «как само себя знающее понятие, имеющее своим предметом себя как столь же субъективное, сколь и объективное абсолютное и, стало быть, как чистое соответствие понятия и его реальности, как некоторое существование, которое есть само же понятие»²²⁵, – пишет философ, подчеркивая характеристику метода как знания, которое способно себя сконструировать. «Метод есть само это знание, для которого понятие имеет бытие не только как предмет, но и как его собственное, субъективное действие, как орудие и средство познающей деятельности, отличное от нее, но как ее собственная сущность»²²⁶. Метод у Гегеля есть содержание познания, отличающееся от него только тем, что помимо метода в содержании есть еще промежуточные результаты, полученные с его помощью. Кроме того, метод

²²⁰ Там же. С. 91.

²²¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 11. Лекции по истории философии. Кн. 3. М., 1935. С. 254.

²²² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 19.

²²³ Фалькенберг Р. История новой философии. СПб., 1898. С. 443.

²²⁴ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.5. Наука логики. Т. 12. М., 1937. С. 4.

²²⁵ Там же. С. 298.

²²⁶ Там же. С. 299.

– отражение реальной связи, движения, развития явлений объективного мира²²⁷.

Метод у великого философа – это знание. Знание о том, как надо действовать, чтобы постичь истину, цель. О связи метода с целью Гегель красиво написал в следующем фрагменте: «Так как цель конечна, то она далее имеет конечное содержание; тем самым она не есть нечто абсолютное или совершенно разумное в себе и для себя. Средство же есть внешний средний термин умозаключения, каковым служит выполнение цели; в последнем проявляется поэтому разумное внутри ее, как такое, которое сохраняет себя в этом внешнем другом и именно через эту внешность. Постольку средство есть нечто высшее, чем конечные цели внешней целесообразности; плуг почтеннее, чем те непосредственные наслаждения, которые подготовляются им и служат целями. Орудие сохраняется, между тем как непосредственные наслаждения приходят и забываются. В своих орудиях человек обладает силою над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей»²²⁸. Об этой связи, подчеркнутой еще Декартом, в различных контекстах можно прочесть у философа в его «Науке логики».

Метод есть знание, которое порождено целью и реальными явлениями объективного мира. Метод соотносится с категорией содержания, по сути, им и является. Познание метода, его понятия – обязательный процесс в истинном познании. Таковы вкратце основные характеристики понятия метода у Гегеля, которые мы так или иначе будем использовать в дальнейших рассуждениях²²⁹. Особенно с учетом того, что именно Гегель разработал основу для диалектического метода, являющегося сегодня

²²⁷ Блинников Л.В. Краткий словарь философских персоналий // philosophy.ru

²²⁸ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 5. Наука логики. Т. 2. С. 205.

²²⁹ Вообще же вопрос метода у Гегеля основной, но рассматривает он его в рамках разработки всеобщего и универсального метода. Далеко не все эти рассуждения возможно применить на уровне нашего исследования, когда речь идет о деятельности конкретного метода, поэтому мы остановились на тех, которые позволяют это сделать.

основой научного познания²³⁰, а значит, и познания уголовно-процессуального.

Таким образом, в период начала и расцвета новой философии была поставлена проблема метода познания. В основном в связи с потребностью науки того периода в систематизации и понимании всего эмпирического материала, который накопился на тот период. Выводы, сделанные о методе в XVII-XIX веках, во многом актуальны и сегодня и стали основой для дальнейшего понимания метода и развития методологии как философской, то есть всеобщей, так и частной.

Если вкратце обобщить все вышесказанное, то в результате получим следующее. Наличие и осознание метода для познающего субъекта – первичная необходимость, так как без этого цели достичь невозможно. Сам метод в основном определяется целью деятельности, он также основан на реальных явлениях объективного мира. Метод выполняет в деятельности регулирующую, организующую функцию. Он относится к содержанию деятельности и сам по себе является знанием о том, как деятельность должна быть выстроена, оформлена. В своем содержании метод – совокупность правил, требований к субъекту, выполняя которые последний достигает цели.

Современное понимание метода ни одно из указанных выше положений не опровергает, а, наоборот, развивает.

Метод и сегодня, следуя Декарту, определяется как «совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом»²³¹. Или «философская категория, служащая для обозначения системы регулятивных принципов теоретического, практического и духовного освоения действительности, логическая

²³⁰ Глинский Б.А. Г. В. Ф. Гегель о роли диалектики в научном познании // Актуальные вопросы диалектики : сб. М., 2000. С. 215.

²³¹ Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. С. 420.

конструкция императивного характера, задающая определенный план действий»²³².

А.П. Шептулин, изучив взгляды как российских, так и зарубежных философов и ученых на понятие «метод», также указывает, что метод составляет «совокупность известных норм, правил, указывающих, как нужно действовать, чтобы получить определенный результат»²³³. Совокупность этих норм, правил сформулирована человеком на основе имеющихся у него знаний о свойствах и связях объективной действительности, о закономерностях функционирования и развития познания. Метод – это правила, которые содержат в себе требования к человеку вести себя таким, а не иным образом, совершать те, а не иные действия в процессе движения к поставленной цели²³⁴. Обратим внимание на то, что в указанной характеристике явно прослеживается преемственность в понимании метода, восходящем еще к Бэкону и Декарту. В итоге А.П. Шептулин дает следующее определение метода: «система правил (требований), сформулированных на основе знания закономерностей исследуемой области действительности и ориентирующих человека в его познавательной деятельности»²³⁵.

В целом с указанным определением мы согласны. Однако оно, на наш взгляд, скрывает собственное содержание метода за системой принципов, его выражающих. Почему именно та или иная система принципов есть содержание конкретного метода?

В первую очередь нужно решить вопрос о соотношении метода и принципа. Из того, что написано выше, можно сделать предварительный вывод о том, что метод есть нечто объединяющее принципы, требования к деятельности. То есть содержание метода прослеживается в каждом принципе, из чего можно сделать, что метод есть основа той или иной

²³² Российский гуманитарный энциклопедический словарь. В 3 т. // <http://slovari.yandex.ru/dict/rges/index2.htm>

²³³ Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983. С. 6.

²³⁴ Там же. С. 8.

²³⁵ Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983. С. 10.

системы принципов. Принципы выражают содержание того или иного метода, являются частным случаем его проявления. Можно сказать, что метод закрепляется в принципах²³⁶. Если это так, то принцип должен быть связан с методом непосредственно, это ближайший к нему элемент деятельности. Все, что напрямую с методом связать нельзя, – иные частные правила, требования и т.п., порожденные тем или иным принципом, но не методом напрямую. Значит, метод, в свою очередь, это максимально общее требование уже к принципам, максимально общее для них положение, которое может действовать и непосредственно в том случае, если принципом не урегулирована та или иная область деятельности.

При ответе на вопрос, почему у деятельности должен быть тот или иной метод, нужно помнить также о характеристике метода как знания, а знание должно быть на чем-то основано.

В одной из приведенных выше цитат А.П. Шептулина говорится о том, что метод формулируется на основе уже имеющихся знаний о свойствах и связях объективной действительности. То есть метод не сам по себе, он проявляется, когда субъект деятельности поставил перед собой цель и ее нельзя достичь никак иначе, кроме как этим конкретным методом, который появляется в «отшлифованном» виде не сразу, а в процессе взаимодействия субъекта с объектами. И чем больше деятельность существует, тем более совершенный у нее должен быть метод, так как форма закрепляет наиболее удачные, искусно выполненные операции они же в языковой форме передаются от поколения к поколению²³⁷. Таким образом, то наличное знание, которое должно быть у метода, прежде чем он станет основой системы принципов, ведущих к достижению цели, содержится в самой формулировке цели и определении субъекта.

Если переносить это на уголовно-процессуальную деятельность, то все, что нужно методу уголовного процесса, чтобы быть обоснованным,

²³⁶ Всемирная энциклопедия: Философия Главн. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов . – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001 С. 633-634

²³⁷ Шептулин А.П. Указ. соч. С. 6.

содержится в понимании «начала уголовного процесса», которое мы рассматривали в первой главе. Начало позволяет определить назначение процесса и субъекта деятельности. Назначение, в свою очередь, должно соотноситься с целями уголовного процесса. И в этом плане соответствие метода цели уголовного процесса означает соответствие его началу. Именно таким образом, через цель, начало указывает на соответствующую ему познавательную схему.

Собственно, здесь мы затронули одну из основных и самых важных для нас характеристик. Речь идет о зависимости метода от поставленной цели. Вкратце рассмотрев суждения Бэкона, Декарта и Гегеля о методе, в обобщении мы указали, что у всех трех философов метод, безусловно, определяется целью. Это положение с тех пор не оспорено. Цель определяет деятельность²³⁸, то есть задает направление движения, а значит, определяет метод. И если требования метода сформулированы в согласованности с целью, то можно прогнозировать эффективность такой деятельности. Если же эти требования сформулированы произвольно, без учета действительного положения вещей, то метод не сможет ориентировать субъекта в его деятельности.

Соответственно для эффективности деятельности надо не только четко осознавать ее цель, но и использовать метод, который объективно произведен от цели, которым ее можно достичь. Метод «не произволен и не случаен, он необходимым образом обуславливается содержанием поставленной цели»²³⁹. При этом знание о том, что именно этот метод позволяет достичь именно этой цели, появилось в ходе общественно-исторической практики, когда многократное повторение тех или иных требований приводило к достижению цели.

Далее рассмотрим место метода в деятельности и его функции. А.В. Чайковский отводит методу одно из центральных мест, указывая, что метод

²³⁸ Маркс К. Капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. М., 1960. С. 189.

²³⁹ Шептулин А.П. Указ. соч. С. 5.

появляется сразу после того, как субъект деятельности обозначил для себя цель. Выделяя в структуре деятельности три этапа: организацию деятельности, осуществление деятельности и подведение итогов, он указывает, что именно на первом этапе (т.е. на этапе организации деятельности) субъект, имеющий цель, должен «воссоздать недостающие моменты. Это и объект деятельности, и ее средства, и необходимые условия деятельности...»²⁴⁰. Сказанное согласуется с положением о том, что метод определяется целью и является своеобразным посредником между субъектом и объектом в достижении цели. Отсюда, в свою очередь, следует, что основная функция метода – внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта²⁴¹. Такая же функция, как мы отмечали выше, и у цели деятельности, что в очередной раз подчеркивает их крепкую связь. Следование методу обеспечивает регуляцию и контроль в исследовательской деятельности²⁴². Это еще раз подчеркивает всю важность понимания цели и метода для построения деятельности, ее эффективности. Отсюда также следует, что метод как проявление содержания и являющийся своеобразной формой знаний обуславливает форму деятельности.

Это вытекает из известного диалектического положения об определяющей роли содержания по отношению к форме²⁴³. Зная это, мы должны очень ответственно подходить к оформлению деятельности, не забывая о законе активного обратного воздействия формы на содержание. Это активное воздействие может быть двояким. В том случае, когда форма соответствует содержанию (читай – методу), она выступает в качестве двигателя, мощного импульса его дальнейшего развития. В тех же случаях, когда соответствие между содержанием и формой резко нарушено, форма

²⁴⁰ Чайковский А.В. К исследованию основных этапов деятельности // <http://www.philosoph.onu.edu.ua/elb/articles/chaikovski/ethap.pdf>

²⁴¹ Кохановский В.П. Указ. соч. С. 167.

²⁴² Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. С. 420.

²⁴³ Крапивенский С.Э. Указ. соч. С. 388.

выполняет противоположную роль — тормоза по отношению к данному содержанию²⁴⁴.

При этом не совсем правильно было бы говорить о том, что метод появляется раньше формы. Как только мы начинаем действовать, деятельность начинает оформляться. Содержание и форма присущи абсолютно всем явлениям. Отношение содержания и формы характеризуется единством, доходящим до их перехода друг в друга, однако это единство является относительным. Во взаимоотношении этих двух категорий содержание представляет подвижную, динамичную сторону целого, а форма охватывает систему устойчивых связей предмета²⁴⁵. Если правильно понять метод, отражающий содержание деятельности, то вопрос о правильном ее оформлении становится не самым сложным.

Ну, и еще одна очень важная характеристика метода, о которой мы упомянули, характеризуя метод как логическую конструкцию императивного характера, и которая из всего вышесказанного следует. Метод императивен. Императивна и система принципов, порожденная методом. Если в требованиях метода отражаются необходимые свойства и связи познаваемого и преобразуемого объекта, если метод обусловлен целью и находится в гармонии с формой деятельности, то это а priori делает принципы обязательными для соблюдения субъектом деятельности. Это означает, что субъект должен быть полностью подчинен методу.

Однако ошибочно полагать, что тем самым у субъекта отсутствует свобода действий, что он скован методом и ему всего лишь нужно исполнять определенный алгоритм. Тем, кто допускает такие мысли, можно ответить словами Ф. Энгельса, который писал, что свобода познания состоит не в «воображаемой независимости от законов природы», а в «познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей». И это относится «как

²⁴⁴ Там же. С. 388.

²⁴⁵ Большая советская энциклопедия. Т.5. М., 1956. С. 310-311.

к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека...»²⁴⁶. Что же касается синонимизации метода и алгоритма, то на том уровне понимания метода, на котором рассуждаем мы, она недопустима. Метод не может быть готовым шаблоном, он динамичен. Метод позволяет строить алгоритмы, но они не могут быть окончательными и универсальными. Понятие "метод" значительно шире, чем понятие "алгоритм". Метод всегда включает в себя алгоритм (или алгоритмы), но не сводится к нему²⁴⁷. Алгоритм применяется там, где возникает однотипность. Алгоритм – это «конечный набор правил, позволяющих чисто механически решать любую конкретную задачу из некоторого класса однотипных задач»²⁴⁸. И в этом смысле он часть метода, его порождение, но не сам метод.

Итак, вот что мы выяснили о методе познавательной деятельности:

1. Метод определяется целью деятельности, выполняет наряду с целью организующую деятельность функцию.
2. Без осознания субъектом метода эффективная деятельность и достижение цели невозможно; осознание же, наоборот, позволяет достичь цели по оптимальному пути.
3. Метод есть знание по своей сути и выступает содержанием деятельности, что позволяет экстраполировать на его отношения с формой деятельности положения диалектики о взаимоотношении содержания и формы.
4. Метод проявляется как непосредственно, так и через систему принципов, им порожденную. Метод есть основа системы принципов определенной деятельности, «разворачивается» в них. Каждый принцип при этом – частное проявление метода.

²⁴⁶ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. М., 1961. С. 116.

²⁴⁷ Чайковский А.В. Метод как средство познания бытия //

<http://www.philosophy.onu.edu.ua/elb/articles/chaikovski/method.pdf>

²⁴⁸ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1980. С. 36.

5. Метод в деятельности не появляется раньше формы, но одновременно с ней.

6. Метод императивен постольку, поскольку он реально обусловлен целью и согласуется с формой деятельности.

Эти основные, а также иные характеристики метода познавательной деятельности, подробно описанные нами выше, станут опорой в наших дальнейших изысканиях по поводу метода уголовного процесса и определения его роли и значения для уголовно-процессуальной деятельности.

Если переходить к методу уголовного процесса, то уже сейчас можно уточнить следующее. Исходя из общего описания познавательного метода, он является основой системы принципов уголовного процесса и выполняет также роль самостоятельного требования к субъектам уголовно-процессуальной деятельности (в тех случаях, когда не сформулирован тот или иной принцип) на всех стадиях уголовного процесса, где осуществляется доказывание. Без реализации метода уголовного процесса невозможно достижение его познавательной цели.

§ 3. Вопрос о методе уголовного процесса в контексте его познавательной цели

Вопрос о методе уголовного процесса в науке не ставился. Вообще, само словосочетание «метод уголовного процесса» или «метод уголовно-процессуальной деятельности» для научных текстов большая редкость. Оно либо встречается в тексте в качестве остенсивного понятия, без определения²⁴⁹, либо под ним понимаются методы сбора информации и ведения следствия²⁵⁰, или метод уголовного процесса ассоциируют с методом правового регулирования уголовно-процессуального права.

²⁴⁹ См., например: Ткачёва Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России. Челябинск, 2004. С. 50.

²⁵⁰ Волгушев А.В. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам экономических преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. С. 16.

Так, П.С. Элькинд использует термин «уголовно-процессуальный метод», вкладывая в него понятие именно метода правового регулирования²⁵¹. В более близкой по времени работе А.В. Агутина используется словосочетание «метод уголовно-процессуальной деятельности»²⁵² и, казалось бы, речь должна идти именно о методе деятельности. Но нет, автор, объясняя, что он понимает под методом уголовно-процессуальной деятельности, указывает, что имеется в виду императивный метод воздействия на уголовно-процессуальную деятельность, а как антоним императивному методу используется диспозитивность²⁵³. Таким образом, и в этой работе под методом уголовно-процессуальной деятельности понимается метод правового регулирования.

Такая подмена понятий, когда метод деятельности и метод правового регулирования отождествляют, конечно, имеет свое объяснение. Во-первых, термины очень похожи²⁵⁴, а во-вторых, между двумя этими понятиями, безусловно, есть связь, кроющаяся в соотношении уголовного процесса и уголовно-процессуального права.

В частности, когда мы говорим о правовом регулировании, мы говорим об оформлении правом тех или иных общественных отношений. Правовое регулирование в уголовном процессе – фиксация его формы посредством права. Оно же и процесс создания его формы, так как, закладывая в право то главное, что должно быть реализовано, создаются и остальные элементы формы, обеспечивающие главное.

Правовое регулирование призвано упорядочивать общественные отношения, обеспечивая реализацию позитивных интересов субъектов²⁵⁵. Оно есть «осуществляемое при помощи права и всей совокупности правовых

²⁵¹ Элькинд П.С. К вопросу о юридической природе советского уголовного процесса // Правоведение. 1958. № 2. С. 98.

²⁵² Агутин А.В. Указ. соч. С. 34.

²⁵³ Там же. С. 181.

²⁵⁴ Так, в ходе проведенного нами анкетирования следователей, дознавателей, прокуроров, судей и адвокатов около 30 % респондентов указали на то, что метод уголовного процесса они отождествляют именно с методом уголовно-процессуального права.

²⁵⁵ Теория государства и права: курс лекций / под ред Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000. С. 725.

средств юридическое воздействие на общественные отношения»²⁵⁶. Правовое регулирование - многоаспектное и многостадийное явление. Трудно говорить, что это единая деятельность, так как на разных стадиях правового регулирования свои цели, включаются различные субъекты, появляются специфичные только для данной стадии средства²⁵⁷.

Традиционно принято выделять три стадии правового регулирования: 1) регламентирование общественных отношений; 2) действие юридических норм, в результате которых возникают или изменяются правовые отношения (субъективные юридические права и обязанности конкретных лиц; 3) реализация субъективных юридических прав и обязанностей. При этом мы разделяем существующие в науке сомнения по поводу отнесения указанного в третьем пункте к стадиям правового регулирования и склонны согласиться, что «действия такого рода находятся за пределами правового регулирования ... Задача же правового регулирования ограничивается снабжением механизма действия права регулирующими средствами поведения, совокупность которых образует механизм правового регулирования»²⁵⁸.

Думается, что наиболее общую цель правового регулирования можно обозначить как оптимальное упорядочение общественных отношений с помощью права, чтобы его субъекты могли удовлетворять свои законные интересы.

В свете сказанного, субъектами, осуществляющими правовое регулирование, в первую очередь будут те, кто наделен полномочиями заниматься правотворческой деятельностью, созданием норм права – это

²⁵⁶ Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. С.5

²⁵⁷ По вопросам детальной разработки правового регулирования уголовного процесса, см. Лонь С.Л. «О необходимости глубокого изучения процесса правового регулирования общественных отношений в сфере уголовного процесса // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. Материалы международной научно-практической конференции, 27 - 28 октября 2003 г. - М.: Изд-во МГЮА, 2004. - С. 17-20»; Лонь С.Л. "Правоизучение" в системе правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса // Юридическое образование и наука. - М.: Юрист, 2009, № 2. - С. 18-20; Лонь С.Л. Назначение правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 51. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. - С. 24-27 и др. работы автора.

²⁵⁸ Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов / под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. В. И. Червонюка. — Право и закон, М.: КолосС, 2003. С. 110-111

соответствует первой стадии правового регулирования. Именно они должны обеспечить своевременное, адекватное развитию общественных отношений в той или иной сфере, появление правовых норм, которые эти самые отношения упорядочат. И именно они выбирают (фиксируют) тот самый метод правового регулирования - способ воздействия юридических норм, «совокупность своеобразных приемов юридического воздействия, их сочетание, характеризующее использование применительно к регулируемым отношениям специфического «набора» юридических средств»²⁵⁹.

Уголовно-процессуальная деятельность – деятельность в рамках права, безусловно. Но сама по себе это другая деятельность. Это то, что регулируется правом. Для правового регулирования эта деятельность - объект упорядочивания. Когда мы говорим о методе уголовного процесса, мы говорим о методе для тех, кто ее осуществляет – следователя, дознавателя, судьи. Они субъекты этой деятельности. Это уровень претворения норм права в жизнь.

Чтобы ярче проиллюстрировать нашу мысль, представим, что метод уголовного процесса и метод правового регулирования уголовно-процессуального права одно и то же. Получается, что достичь обозначенных целей процесса можно путем императивного, в частности, метода, который подразумевает субординацию, категоричный порядок возникновения конкретных прав и обязанностей субъектов и т.п. Какими правилами снабжает этот метод, например, следователя, чтобы тот установил все обстоятельства, подлежащие доказыванию? Даже если сказать, что императивный метод подразумевает жесткое следование закону, это не поможет следователю выбрать следственное действие, организовать мыслительный процесс и т.п. Метод правового регулирования это метод для тех, кто право создает²⁶⁰. Для тех, кто его реализует такой метод может стать

²⁵⁹ Там же, С.103

²⁶⁰ Подробнее о методах правового регулирования и их проявлениях в уголовном процессе см. также Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в

лишь наводкой на правильное толкование норм права, но он не содержит того, что позволяет непосредственно осуществлять процессуальную деятельность.

Итак, метод уголовно-процессуального регулирования – понятие другого уровня, неприменимое к конкретной деятельности субъектов уголовного процесса.

Получается, что метод деятельности, являющийся основой содержания, и метод правового регулирования, являющийся основой правового оформления процесса, должны соответствовать друг другу. Метод правового регулирования не должен противоречить началу процесса, а значит, и методу деятельности. Но все же это принципиально разные понятия. Если при помощи одного мы создаем необходимую правовую оболочку и корректируем ее, то при помощи другого осуществляем деятельность в рамках этой правовой оболочки²⁶¹.

Встречается в литературе, хотя и очень редко, понимание метода именно уголовно-процессуальной деятельности. Так, Н.Г. Стойко в одной из своих работ пишет о «следственном методе», который выражается во всесторонности, полноте и объективности, и о состязательном методе, противопоставляя его следственному. Причем метод используется им как один из критериев разграничения уголовных процессов разных стран, то есть то, что выражает сущность процесса²⁶².

В качестве одного из трех основных компонентов уголовно-процессуальной деятельности, наряду с формой и целью (целеполаганием), А.А. Давлетов называет метод уголовного процесса. Его (метод) он образно называет «двигателем уголовного процесса» и этим двигателем, по мнению автора, является публичность²⁶³.

уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 2007. С.23-30

²⁶¹ Подробнее см. Брестер А.А., Пономарева В.В. Соотношение метода уголовного процесса и метода правового регулирования уголовно-процессуального права // Правовая политика и правовая жизнь № 2 (47) 2012. С. 71-77

²⁶² Стойко Н.Г. Указ. соч. С. 102-103.

²⁶³ Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Правоведение. 2008. № 2. С. 99.

В одной из более ранних работ криминалистической направленности встречаем также понимание всесторонности, полноты и объективности как основного метода исследования в уголовном процессе²⁶⁴.

Не будем сейчас оценивать приведенные суждения ученых, зафиксируем только, что вопрос именно о методе уголовного процесса в науке не разработан. Есть лишь небольшие, по большей части интуитивные суждения о нем. Термин вводится, называют его называют, но почему именно это метод и метод ли вообще, что влечет за собой введение понятия метода уголовного процесса, каково содержание этого понятия и т.п., не раскрывается.

Определившись с тем, что метод у уголовного процесса в силу его деятельностной природы должен быть, считаем возможным перейти к его конкретному обозначению. Для этого необходимо оттолкнуться от одной из самых важных характеристик метода – его обусловленности целью уголовного процесса.

Вопрос о цели уголовного процесса должен быть одним из первых для уголовно-процессуальной науки. Известный австрийский процессуалист Ю. Глазер писал, что «принимаемый юридическим процессом складывается из цели и средств к ее достижению»²⁶⁵, тем самым подчеркивая особую необходимость в определении цели процесса и в понимании связки цель – метод для построения или осознания всего юридического процесса.

Цитируя Глазера, Н.Н. Полянский добавлял: «Выяснение цели уголовного процесса представляет собой задачу выдающегося теоретического и практического интереса. Поэтому вопрос о цели уголовного процесса должен быть рассматриваем как первый и основной вопрос нарождающейся общей теории уголовного процесса»²⁶⁶. Таким образом,

²⁶⁴ Бурданова В.С. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 8.

²⁶⁵ Цит. по: Полянский Н.Н. Цель уголовного процесса. Ярославль. 1919. С. 3.

²⁶⁶ Полянский Н.Н. Указ. соч. С. 3.

наша позиция по вопросу о цели уголовного процесса требует обозначения именно в этой части работы.

Однако, прежде чем что-то относительно указанного обозначать, стоит оговориться, что нас будет интересовать именно познавательная цель уголовного процесса, а если точнее — цель доказывания, которая в силу стержневого положения самого доказывания является и целью процесса тоже. При этом мы не согласны с выводом Р.А. Хашимова, что неверным будет употребление словосочетания «цели уголовного процесса». По мнению автора, можно говорить только о «целях в уголовном процессе»²⁶⁷. Основным аргумент в пользу указанного вывода таков: «цель» не может быть присуща никаким системам и процессам, — цель присуща лишь сознательной человеческой деятельности»²⁶⁸. Выше нами уже обозначалось, что уголовный процесс в своем познавательном аспекте есть не что иное, как познавательная, сознательная (иной деятельностью быть в принципе не может) деятельность субъекта. Возможно, автор рассматривает уголовный процесс шире, как социальное явление и т.п., но его сущностью является именно деятельность субъекта. В силу этого считаем более чем допустимым говорить именно о целях уголовного процесса.

Безусловно, уголовный процесс имеет не одну цель, он полицелевой. Количество целей уголовного процесса учеными определяется по-разному, но за рамки нашей работы уходят все цели, которые ставятся перед уголовным процессом вне его познавательных характеристик. То есть цели, не связанные с доказыванием.

Вопрос же о познавательной цели уголовного процесса, действительно, достаточно долгое время решался просто. Целью доказывания в уголовном процессе считалась (и считается многими до сих пор) истина. Одним из первых «истина» в качестве цели уголовного процесса была обозначена

²⁶⁷ Хашимов Р.А. Категория «цель» в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 15.

²⁶⁸ Там же. С. 15.

самостоятельно, вне связи с правдой и справедливостью²⁶⁹ В.Д. Спасовичем в работе «О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством»²⁷⁰, вышедшей в 1860 году.

Истина как цель уголовного процесса утверждается или не опровергается в учебной литературе²⁷¹, комментариях к УПК РФ²⁷², в относительно недавно защищенных диссертациях²⁷³ и множестве монографий и научных публикаций. В работе о целеполагании в уголовном процессе Р.А. Хашимов после проведенного исследования утверждает, что указание истины в качестве цели в уголовном процессе является самым распространенным в отечественной науке²⁷⁴, и у нас нет оснований этому утверждению не верить.

Оспаривать обозначение истины как цели уголовного процесса, цели доказывания в рамках данного исследования нецелесообразно. Тем более что ныне есть труды, в которых эта работа проведена, а самое главное, в этих трудах есть аргументы, которые нам кажутся убедительными и до сих пор в должной мере никем не опровергнуты.

Так, А.С. Барабаш после серьезного научного анализа и обобщения взглядов на истину как цель процесса пишет: «...понятие истины в

²⁶⁹ До этого в качестве указания на цель использовался только термин «правда» или правда вместе с истиной и справедливостью. См., например: Баршев Я.И. Указ. соч. С. 41; Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство 14–17 вв. СПб., 1884. С. 2, 3 и др.

²⁷⁰ Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001. С. 5, 6 и др.

²⁷¹ См., например: Уголовный процесс / под ред. В.И. Радченко. М., 2006. С. 203; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской; Уголовный процесс / под ред. К.Ф. Гуценко. 2005 // Гарант; Уголовный процесс / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М., 2011. С.309 и др.

²⁷² См., например: Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный. 2010 // Консультант-Плюс; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / отв. ред. И.Л. Петрухин. 2008 // Консультант-Плюс; Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / под ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. 2007 // Консультант-Плюс.

²⁷³ См., например: Стародубова Г.В. Методы и управление процессом установления истины в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008; Печников Г.А. Указ. соч.; Кухта А.А. Доказывание истины в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н.Новгород, 2010; Пискун О.А. Истина в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006; Сергеева О.Б. Достижение истины в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009; Жданова Я.В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений следователем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. С. 22-24 и др.

²⁷⁴ Хашимов Р.А. Указ. соч. С. 116.

познавательном процессе является неопределенным и вряд ли может организовывать познавательную деятельность»²⁷⁵. Действительно, цель должна быть конкретна, только тогда она сможет выполнять свою организующую функцию в деятельности. Понятие истины в философии определено многими и по-разному, понимание истины как соответствие знаний действительности, наиболее распространенное в российской философской и уголовно-процессуальной литературе, порождает массу вопросов: главный из них – о чем знание? Отказ от понимания в качестве цели уголовного процесса истины, по мнению автора, влечет следующие последствия. 1. Снимается спор о том, является ли истина целью или принципом уголовного процесса. 2. Пропадает основа для разногласий о содержании истины, устанавливаемой в процессе²⁷⁶. Появляется пространство для поиска настоящей, конкретной цели, а не абстрактного ее определения.

Выше мы уже ставили вопрос – о чем должно быть знание, которое сторонники истины как цели доказывания предлагают оценивать с позиции истины? Ответ очевиден. Сам законодатель определяет то, знания о чем должны быть получены. Делает он это в ст. 73 уголовно-процессуального закона, перечисляя обстоятельства, подлежащие доказыванию. Последние, в свою очередь, основаны на уголовном законе, нормы которого выступают своеобразной программой для работы субъекта доказывания и наполняют обстоятельства ст. 73 конкретным содержанием. Таким образом, познавательной целью уголовного процесса является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Подтверждение того, что именно они должны рассматриваться в качестве целей, мы находим в ст. 85 УПК, где речь идет о процессе доказывания и подчеркивается, что оно осуществляется

²⁷⁵ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 81.

²⁷⁶ Там же. С. 184.

«в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего кодекса»²⁷⁷.

При этом установлены обстоятельства тогда, когда есть взаимное соответствие сведений друг о друге и их практическая проверка, которая осуществляется в рамках опытных действий. В рамках такого диалога мы и получаем знания, когда существующие у нас предположения, версии, построенные на основе первоначально полученной информации, соотносим с действительностью, получая новые доказательства, которые предположение переводят в уверенность. И в этом смысле речь идет о достоверности итогового знания об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Понятие достоверности, в отличие от истины, имеет намного меньше метафизических и мистических наслоений. Достоверность имеет свое место в логике и указывает на твердо установленное знание, исключающее сомнение²⁷⁸, употребляется в качестве характеристики знания как обоснованного, доказательного²⁷⁹. И в этом смысле она вполне устраивает нас для оценки познанного в рамках расследования уголовного дела, так как имеет определенное наполнение в отличие от истины. При этом в уголовно-процессуальной науке попытки разграничить истину и достоверность, дабы обосновать их возможное одновременное нахождение в одной плоскости, делались не раз. В силу характеристики истины, данной нами ранее, мы не можем признать эти попытки удачными²⁸⁰. Так же как не можем назвать удачными попытки их совмещения²⁸¹.

²⁷⁷ Подробнее см.: Там же. С. 189–190.

²⁷⁸ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. С. 168.

²⁷⁹ Большая Советская Энциклопедия. Т.15. М., 1952. С. 115.

²⁸⁰ Так, Я.В. Жданова указывает, что истина является целью уголовного процесса, а достоверность – результатом. При этом истина не обладает конкретикой в отличие от достоверности, а значит, на роль цели может претендовать с трудом. См.: Жданова Я.В. Указ. соч. С. 22-24; О.Б. Сергеева считает достоверность лишь частью истины в силу того, что достоверность не существует сама по себе, а дополняется относимостью и допустимостью и образуя достаточность. Все это потом еще нужно оценить, по мнению автора, а раз достоверность нужно оценивать, значит, она уже истины, которая есть оцененная достоверность. К сожалению, О.Б. Сергеева не описала механизм оценки достоверности. Думается, что при этом она вновь вернулась бы к достаточности, относимости и допустимости и вывод о неполноценности достоверности относительно истины отпал бы сам собой. (Сергеева О.Б. Указ. соч. С.12); Петрова О.В. со ссылкой на А.Р. Ратинова, разделяет истинность и достоверность на том основании, что истина не содержит в себе обоснованности, а достоверность – это такая истина, которая включает себя и обоснованность, и осознание этой обоснованности. В чем же ценность понятия истина и его необходимость в таком случае?

Интересно, что в некоторых работах, в которых истина выступает как цель доказывания, раскрывая содержание ее, авторы так или иначе говорят об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Так, Г.В. Стародубова пишет, что частью истины является достаточная совокупность сведений об обстоятельствах²⁸², Г.А. Печников также указывает, что истина устанавливается путем всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств²⁸³.

Обоснование истины в уголовном процессе вещь скорее традиционная, вытекающая из нравственного подхода к процессу, сложившемуся в XIX веке и закрепившемуся уже на иной платформе – диалектического материализма. Между тем никто так и не смог ответить на вопрос, что есть истина в уголовном процессе и как с ней работать. При попытке ответить на эти вопросы, как было показано выше, ученые уходят в вопросы достоверности и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Итак, в центре уголовно-процессуальной деятельности стоит цель установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Перечень обстоятельств ст. 73 УПК РФ требует получения информации как о виновности, так и о невиновности лица²⁸⁴. Это указывает на то, что перед субъектом доказывания стоит цель установить все обстоятельства, связанные с преступлением, имеющие правовое значение для квалификации деяния и определения наказания, если оно будет назначено. Содержание ст. 73 в рамках деятельности по расследованию конкретного уголовного дела обусловлено теоретической конструкцией состава преступления, изложенной в нормах Уголовного кодекса. В ней все, что нужно для того, чтобы

(Петрова О.В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе : дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2000. С. 12 и др.)

²⁸¹ У Е. Карякина находим такое определение цели процесса: «истинность в форме достоверной доказанности обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу». В такой ситуации какую роль играет истинность и в какой еще форме она может быть, если цель уголовного процесса в такой формулировке не допускает иных форм истинности?

²⁸² Стародубова Г.В. Указ. соч. С. 6, 10.

²⁸³ Печников Г.А. Указ. соч. С. 24; См. также: Кухта А.А. Указ. соч. С. 9; Сергеева О.Б. Указ. соч. С. 10.

²⁸⁴ Что касается невиновности, то, несмотря на то, что напрямую необходимость ее установления не закреплена законом, устанавливать ее необходимо, если подходить к познанию всесторонне.

полученное знание соотносилось с нормами УК РФ. И цель уголовного процесса – получить это знание, если это возможно.

Именно эта цель обуславливает метод уголовного процесса, который мы пока обозначили лишь в общем виде. Как должен вести познавательную деятельность дознаватель, следователь, судья, чтобы получить ту самую достоверную, непротиворечивую картину произошедшего? Проанализировав закон, философские источники и позиции ученых-процессуалистов, мы приходим к выводу, что в этом случае все сводится к триаде «всесторонность, полнота и объективность» исследования. Только выполняя это фундаментальное познавательное требование, можно получить то знание, которое нам необходимо²⁸⁵.

По тексту работы мы уже не раз наталкивались на всесторонность, полноту и объективность, рассуждая о сущностных моментах уголовного процесса. В ходе исследования мы пришли к выводу, что сущность диалектики, которая есть основа познавательной деятельности в уголовном процессе, заключается именно в объективности, всесторонности и полноте исследования.

Но перед тем как перейти к обоснованию объективного, всестороннего и полного исследования как метода уголовного процесса, заострим внимание на исследовании, в котором сделана первая попытка содержательно решить вопрос о методе российского уголовного процесса. В диссертации Ал.С. Барабаша «Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета»²⁸⁶ делается вывод о том, что методом уголовного процесса является публичность, а также диспозитивность. Предъявленные нами основания для решения вопроса о методе расходятся с используемыми исследователем уже в силу содержательного наполнения используемых понятий, ибо для публичности

²⁸⁵ Почти половина (49 %) опрошенных нами дознавателей, следователей, судей и адвокатов указали на то, что без реализации объективности, всесторонности и полноты исследования невозможно установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию.

²⁸⁶ Барабаш Ал. С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 203 с.

мы определяем совсем иное место в выстраиваемом понятийном ряду. Она для нас – начало уголовного процесса, понятие, содержание которого было обосновано в первой главе.

В начале своих рассуждений автор анализируемого текста идет верным, на наш взгляд путем, разграничивая метод правового регулирования и метод уголовно-процессуальной деятельности. Он указывает, что носителем метода правового регулирования является законодатель, так как «только он вырабатывает юридические нормы, придавая им императивный либо диспозитивный характер. В процессуальной деятельности реализаторами метода являются субъекты – участники производства»²⁸⁷. Последняя часть приводимого высказывания, отождествляющая субъектов и участников деятельности более чем спорна, но отметим для нас главное – метод правового регулирования и метод уголовно-процессуальной деятельности оцениваются как разные понятия. Тем непонятнее выглядит дальнейшее их фактическое отождествление при обосновании тезиса, что публичность есть метод именно уголовно-процессуальной деятельности.

Под публичностью Ал.С. Барабаш понимает обязанность прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в его совершении»²⁸⁸. Или иными словами публичность – обязанность органов государства защищать от преступных посягательств общество и личность. Но ведь обязанность это порождение того или иного метода, но не он сам. Обязанность обуславливает активность органов государства при осуществлении деятельности, но не дает ответа на основной для метода вопрос – а как деятельность должна осуществляться?

Целью, на достижение которой направлен метод уголовного процесса, у автора является «защита общества и человека от преступных посягательств,

²⁸⁷ Барабаш Ал.С. Указ.соч. С.132

²⁸⁸ Там же. С. 133

которая достигается путем разрешения следующих основных задач: а) установление виновности лица, совершившего преступление, и справедливое его наказание; б) оправдание невиновного, а также реабилитация незаконно привлеченного к уголовной ответственности; в) установление истины по делу; г) защита прав, свобод и законных интересов личности»²⁸⁹. Не будем обозначать свое отношение к такой формулировке цели, ибо оно очевидно исходя из текста данного параграфа, а зададимся простым вопросом – как публичность в качестве метода позволяет поставленную цель в совокупности с задачами реализовать? Как минимум дважды мы встречаем термин «установить» в такой формулировке цели. Значит, процесс установления играет центральную роль при реализации поставленной цели. Как публичность, понимаемая в качестве обязанности принять меры для установления события преступления, изобличению лиц, виновных в его совершении, может являться методом самого установления? Здесь происходит явное смешение деятельности с процессом целеполагания.

Обязанность всегда производна от чего-то. Прежде чем обязать субъекта правоотношений к действию или бездействию, правотворцем должна быть уяснена сущности этих самых отношений. С учетом того, что метод автор относит к сущностным аспектам уголовно-процессуальной деятельности, непонятно как публичность, в качестве метода, может быть и сущностью и обязанностью этой сущностью порожденной.

Ал.С. Барабаш сам подтверждает правильность нашего понимания публичности и ее роли для уголовного процесса в отдельных частях своего исследования. Так, публичность рассматривается им как общественный интерес, указывается что «уголовно-процессуальная деятельность ориентирована на удовлетворение прежде всего общественной потребности (защита социума от преступлений), поэтому публичный интерес является определяющим»²⁹⁰. Здесь публичность выводится им за пределы уголовно-

²⁸⁹ Там же. С. 75

²⁹⁰ Там же. С. 139

процессуальной формы, определяя ее содержание, это уже не метод. Наиболее явно значение публичности как начала вытекает из следующего его утверждения: «отечественное уголовное судопроизводство ментально-исторически основано на публичности...»²⁹¹. И вот после этого то, что определяло сущность уголовного процесса, становится служебным долгом правоприменителя. «В основе его мотивации, внутренней установки лежит служебный долг, т.е. публичность»²⁹². Понятие высокого уровня абстракции становится к обязанности, одно и то же понятие наполняется разным содержанием. Подобное представляется недопустимым.

Обязанности органов государства производны от публичности, от необходимости защищать общественный интерес и не могут быть ее содержанием.

По мнению автора рассматриваемого исследования публичность занимает «главенствующее место среди таких основополагающих элементов уголовно-процессуальной деятельности, как цель, задачи, средства, форма, оказывая на них значительное либо определяющее влияние»²⁹³. Обязанность оказывается главенствующей над целью, что никоим образом не пристало методу и обладает такими свойствами, которые «позволяют идентифицировать ее как метод уголовно-процессуальной деятельности»²⁹⁴. К сожалению, сам процесс идентификации публичности как метода, соотнесения публичности как обязанности с признаками метода деятельности как его понимают в философии, остался для нас скрытым. Непонятно, как именно согласуется поставленная автором цель с предложенным методом и как публичность проявляет себя как содержание деятельности.

Другая часть работы Ал.С. Барабаша, в которой говорится о диспозитивном методе уголовно-процессуальной деятельности, позволяет

²⁹¹ Давлетов А.А., Барабаш Ал.С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. – 2011. – № 4. С. 131.

²⁹² Барабаш Ал.С. Указ.соч. С.139

²⁹³ Там же. С. 141

²⁹⁴ Там же. С. 143

нам сказать, что произошло смешение метода деятельности и метода правового регулирования. Диспозитивность, по мнению автора, «в настоящее время претендует, наряду с публичностью, на статус полноценного метода уголовно-процессуальной деятельности»²⁹⁵. При этом носителями диспозитивности как метода являются не государственные органы, а лица, преследующие частный интерес. В связи с чем метод уголовно-процессуальной деятельности передается тем, кто ее не осуществляет, а только участвует – непонятно. Более того, неясно как два метода-антипода могут существовать в рамках одной деятельности. Значит, либо, деятельность тех, кому отдана диспозитивность не уголовно-процессуальная, либо деятельность закончится там же, где и началась, так как противоречивое содержание не позволит ей продолжиться²⁹⁶.

Обозначение метода уголовного процесса и метода уголовно-процессуального права одним термином, а также характеристика публичности по сути как императивной обязанности явно свидетельствует о том, что при решении вопрос о методе уголовного процесса автор не перешел на уровень конкретной деятельности конкретного субъекта уголовного процесса, а рассуждал о ней с точки зрения уголовного процесса как некоторого социального явления. Отсюда и нереализованный до конца деятельностный подход, и смешение уголовно-процессуальных целей с теми, которые лежат за рамками уголовного процесса, отсюда и вера в то, что осознание публичности конкретным следователем или судьей приведет его к установлению всего того, что он должен установить.

По изложенным выше причинам мы не можем принять подход Ал.С. Барабаша. Наше понимание цели уголовного процесса, выявленная суть

²⁹⁵ Там же. С. 9

²⁹⁶ О невозможности существования двух методов правового регулирования в рамках уголовного процесса писал М.К. Свиридов: «В уголовном процессе как наиболее жесткой сфере деятельности может применяться только один метод регулирования, который должен быть четким, однозначным и достаточно (но без избытка) сильным». См. подробнее Свиридов М.К. Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 358. С. 52–56, см. также Свиридов М.К. О методе уголовно-процессуального регулирования и сфере его действия // Право на судебную защиту в уголовном процессе. -Томск : Изд-во Томского университета, 2007. -С. 33-37

понятия метода деятельности приводит нас к совсем другим выводам. И следующая глава будет посвящена обоснованию объективного, всестороннего и полного исследования как метода уголовного процесса. Таким образом, мы наполним конкретикой понимание основы познавательной схемы публичного уголовного процесса, а значит, сможем перейти к вопросам соответствия нормативного описания отечественного процесса его началу.

Глава 3. Объективное, всестороннее и полное исследование как метод уголовного процесса

§ 1. Понятие объективности, всесторонности и полноты исследования.

1.1. Философский аспект

Несмотря на единство²⁹⁷ всесторонности, полноты и объективности, мы начнем их рассмотрение в этом параграфе отдельно друг от друга, чтобы не потерять в единстве их собственное содержание, но в то же время придти по ходу рассмотрения к их единству. При этом рассмотрение будет вестись скорее в порядке уголовно-процессуальной традиции, то есть речь сначала пойдет о всесторонности, затем о полноте и в конце об объективности. Хотя, как будет показано ниже, иной порядок в философском аспекте был бы более верным.

Понимание всесторонности имеет достаточно древние корни. Стремление выработать единый принцип всесторонности рассмотрения прослеживается на протяжении всей истории философии. Так, Фалес, Гераклит, Демокрит, Парменид и др. требовали испытать и исследовать все всесторонне²⁹⁸. Всесторонность как требование, без которого нельзя достичь истины и проверить на прочность те или иные доводы, встречается в диалогах Платона. В одном из них (в лице Зенона) он произносит: «...большинство не понимает, что без всестороннего и обстоятельного разыскания невозможно уразуметь истину»²⁹⁹. В другом диалоге, разоблачая людей «неблагочестивых в словах и поступках», философ пишет: «...со всеми происходит одно и то же: когда они бывают вынуждены всесторонне

²⁹⁷ При этом единство мы понимаем не как тождество, а как «такую взаимосвязь определенных предметов, процессов, которая образует целостную систему взаимодействия, внутренне устойчивую в изменениях и в то же время включающуюся в более широкую систему». См.: Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. Т.2. С. 104–106.

²⁹⁸ Минасян А.М. Диалектика как логика. Ростов н/Д, 1991. С. 186

²⁹⁹ Платон. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 359.

обсуждать, что именно они порицают, и они намерены, как положено мужчинам, не убегать сразу же, а какое-то время постоять за свои убеждения, тогда... они, в конце концов, отрекаются от своих же слов, вся их риторика блекнет, и они уже ничем не отличаются от детей»³⁰⁰. В понимании ученика и критика Платона - Аристотеля всесторонность нужна для совпадения знания с предметом, без чего также невозможно постижение истины³⁰¹.

Во время становления новой философии суждения о всесторонности вновь стали актуальными. Фрэнсис Бэкон предлагал «не сокращать мира до узости своего разума, а наоборот, распространять разум во всю ширину вселенной»³⁰². Философ призывал к всестороннему рассмотрению и исследованию неизменных и нерушимых законов и установлений природ³⁰³, указывал на то, что в науке все выводы должны быть прочно и всесторонне обоснованы³⁰⁴. У него же находим одно из первых суждений о всесторонности в уголовном процессе. Выступая против наличия незатруднительного пути пересмотра и легкой отмены судебных решений, Бэкон писал: «Необходимо принять меры к тому, чтобы судебные решения не подвергались пересмотру при условии, что они предварительно всесторонне и зрело обдуманы»³⁰⁵. Возможно, термин «всесторонность» здесь – это специфика перевода на русский язык, но смысл в любом случае остается.

Томас Гоббс под всесторонностью понимал рассмотрение суммы чувственно-наглядных сторон, свойств и качеств целого. Познание есть не что иное, как суммирование и вычитание из представления о целом его сторон. Примерно в том же русле мыслил и Джон Локк³⁰⁶. Однако эти рассуждения наряду с высказываниями античных авторов все же о

³⁰⁰ Платон. Указ. соч. С. 233.

³⁰¹ Минасян А.М. Указ.соч. С. 230.

³⁰² Фалькенберг Р. Указ. соч. С.63.

³⁰³ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1971. С. 91.

³⁰⁴ Там же. С. 327.

³⁰⁵ Там же. С. 533.

³⁰⁶ См., подробнее: Минасян А.М. Указ. соч. С. 234.

всестороннем познании мира в целом. Пока речь не идет о всесторонности частного акта исследования в полной мере.

Гегель считал, что истинное познание сущего, его адекватное отражение должно быть восхождением от односторонности к всесторонности, к тождеству противоположностей. Причем сам процесс восхождения к синтезу многообразия должен включить в себя все результаты, рациональные моменты всей истории познания. Только в этом случае возможно всестороннее познание сущего³⁰⁷.

В самом общем виде всесторонность в познании сегодня понимают как «философский, диалектический принцип познания и иных форм деятельности, выражающий всеобщую связь всех явлений действительности»³⁰⁸. Несмотря на разногласия философов в количестве, наименовании и содержании принципов диалектики, всесторонность как основной принцип диалектической логики, как правило, незыблем³⁰⁹. Согласно принципу всесторонности рассмотрения вещь, взятая в себе, должна рассматриваться не изолированно от необходимых условий ее существования, а в ее связях и отношениях³¹⁰.

Однако в философии фиксируется ряд затруднений, связанных с всесторонним рассмотрением вещи. Связаны эти затруднения с тем, что формально установка на всесторонность способна увести мысль в бесконечность связей и отношений. Обращаем внимание, речь о формальной установке, то есть не совсем верной. Уйти от данной установки можно, постоянно удерживая цель исследования. Именно цель деятельности ее организует и удерживает в границах.

В этой связи, например, в учебном пособии В.П. Кохановского предлагается следующая схема реализации принципа всесторонности в познании:

³⁰⁷ Минасян А.М. Указ. соч. С. 256.

³⁰⁸ Философия для аспирантов / отв. ред. В.П. Кохановский, Ростов н/Д, 2003. С. 314.

³⁰⁹ Шептулин А.П. Указ. соч. С. 83.

³¹⁰ Там же. С. 110.

- а) вычленение предмета исследования и проведение его границ;
- б) целостное "многоаспектное" рассмотрение предмета;
- в) изучение в чистом виде каждой из сторон предмета;
- г) осуществление познания как процесса, развертывающегося вглубь и вширь, в единстве интенсивной и экстенсивной его сторон;
- д) вычленение сущности, главной стороны предмета, субстанциального его свойства³¹¹.

В целом мы согласны с такой последовательностью и формулировками, но с учетом следующих дополнений и коррекций.

Вычленение предмета исследования и проведение его границ обусловлено, как мы уже упоминали, целью познания, которую ставит перед собой субъект, но при этом такое вычленение должно иметь под собой и объективную основу. Этой основой является объективное бытие самого объекта, то есть, грубо говоря, выбранное нами должно быть, существовать, имеет качественную определенность, отличающую его от других предметов, быть целостным.

Переходя к пониманию механизма всестороннего познания, обратимся к работе Ф. Кумпфа и З.М. Оруджева, которые его очень подробно описали.

Авторы указывают, что, вычленив предмет, очертив его границы, познание должно воспроизвести, фиксировать его возможные стороны для того, чтобы восходить к сущности, к глубинным связям и процессам предмета³¹². Если точнее – взять не отдельные факты, а всю совокупность фактов, относящихся к объекту без единого исключения³¹³. В рассматриваемой работе этот аспект назван эмпирическим. Именно там происходит выделение качественных и количественных характеристик, сторон предмета как простой совокупности. То есть в рамках очерченных границ должны фиксироваться все свойства, связи и отношения предмета, чтобы ничего не было исключено из познания произвольно.

³¹¹ Философия для аспирантов / отв. ред. В.П. Кохановский, Ростов н/Д, 2003. С. 314.

³¹² Кумпф Ф., Оруджев З. М. Диалектическая логика: основные принципы и проблемы. М., 1979. С. 118–119.

³¹³ Там же. С. 122–123.

Перейти ближе к сущности, к теоретическому аспекту всесторонности авторам помогает этап выделения «субстанциального свойства». Под последним надо понимать не отношение свойства к свойству или к другому предмету, а отношение свойств к внутренней основе предмета, субстанции; выявляется несводимость его к совокупности и даже системе свойств. Выделение субстанциального свойства как определяющей стороны предмета – свидетельство высшего уровня эмпирического понимания предмета и предпосылка его теоретического изучения... Через субстанциальное свойство мы нападаем на след сущности».³¹⁴

Так представляют этот механизм указанные философы. Но если они пишут, что нападают на след сущности, то мы, сделав вывод о субстанциальном свойстве, можем сказать, что сущность уже найдена. И это никак не может произойти в рамках эмпирического аспекта в том виде, в котором он описан в указанной работе.

Корень нашего несогласия кроется в понимании субстанциального свойства. Если учесть, что субстанция есть сущность, лежащая в основе явления, то, что устойчиво и постоянно³¹⁵, то субстанциальное свойство (то есть то, через что проявляется сущность) есть указание на саму сущность, которую никак нельзя выразить кроме как через него. Субстанциальное свойство – это явление сущности. И говорить о том, что мы имеем знания о нем, значит говорить о том, что мы познали сущность. В процитированном тексте, когда субстанциальное свойство характеризуется как отношение свойств к внутренней основе предмета, субстанции, по сути, речь также идет о сущности, поскольку, чтобы понять отношение к субстанции, субстанция должна быть познана. Познана через выявление того, что проявляется всегда и при любых условиях и связях в явлении.

Например, субстанциальным свойством доказывания (сущностью) будет то, что оно является актом познавательной деятельности (в этом

³¹⁴ Кумпф Ф., Оруджев З. М. Указ. соч. С. 118–119.

³¹⁵ Новая философская энциклопедия. В 4т. Т. 3 / под ред. В.С. Степина. М., 2010. С. 651.

смысле единством мыслительной и практической деятельности). И именно это свойство (единство. – А.Б.) позволит нам понять все элементы процесса доказывания, доказательств в системе, в органическом единстве.

Подобное понимание субстанциального свойства обнаруживается и у В.П. Кохановского. В его схеме всесторонности, приведенной выше, выделение субстанциального свойства также стоит последним завершающим этапом.

Указав на субстанциальное свойство как на сущность, сами авторы пишут, что его выделение в качестве определяющей стороны является переходом от эмпирического уровня к теоретическому. И указывают, что «свойство здесь не выступает в качестве сущности предмета, которая сама состоит из сторон, а продолжает отождествляться со стороной предмета»³¹⁶. То есть все же здесь субстанциальное свойство не сущность, знания о сущности объекта еще нет.

Из описания механизма всесторонности у Ф. Кумпфа и З.М. Оруджева следует строгое деление всесторонности познания на два аспекта – эмпирический и теоретический. Судя по тексту, это деление основано на выделении в познании эмпирического и теоретического уровней. Между тем такое строгое разделение может свидетельствовать об отождествлении эмпирического уровня с чувственным познанием, а теоретического – с рациональным. Познание есть единство мыслительной и практической деятельности, и невозможна чистая реализация эмпирического аспекта без теоретического и наоборот. Преобладание на различных этапах может быть, но не жесткое разделение. Об этом красиво высказался А.И. Герцен, проводя аналогию с известным физическим опытом. Истинное познание — это единство опыта и умозрения, которые он сравнивал с двумя магдебургскими полушариями, «которые ищут друг друга и которых, после встречи,

³¹⁶ Кумпф Ф., Оруджев З.М. Указ.соч. С. 119.

лошадьми не разорвешь»³¹⁷. И в этом плане нам непонятно, что есть «высшее эмпирическое понимание предмета», о котором пишут философы.

Из представленного авторами материала мы можем сделать вывод лишь о том, что итогом эмпирического аспекта является обоснованное предположение о субстанциальном свойстве, сделанное по итогам изучения той или иной стороны. Причем не одно предположение, а несколько о разных свойствах, так как свойство на этом этапе у них отождествляется со стороной, а сторон у любого объекта несколько. И здесь этот самый эмпирический аспект в таком описании выпадает из процесса познания и оказывается за ним, в области целеполагания. Предположение о сущности есть то, что делает цель ее познания конкретной и направляет дальнейшую познавательную деятельность.

И можно было бы с этим согласиться, но эмпирический аспект, в ходе которого необходимо взять (установить, собрать) все без исключения факты, относящиеся к объекту, авторы называют «полнотой»³¹⁸. Есть повод рассмотреть в этой части и это понятие.

Понятие «полнота исследования», идущее в уголовном процессе в единой связке со всесторонностью и объективностью, не определяется и практически не упоминается в философских источниках. Вполне вероятно это объясняется тем, что полнота, даже если её чисто лексически определить как «наличие чего-нибудь в достаточной степени, высшая степень насыщенности чем-нибудь»³¹⁹, очевидно является частью всестороннего рассмотрения. Полнота связана с достаточностью для принятия решения в той или иной сфере. В нашем случае – для вывода о субстанциальном свойстве, о главном и сущностном. Но выше мы описали, что по итогам эмпирического аспекта, как его понимают Ф. Кумпф и З.М. Оруджев не может появиться знания о сущности объекта. Значит, и такое понимание полноты неприемлемо.

³¹⁷ Герцен А.И. Сочинения. Т.1. М., 1985. С. 226.

³¹⁸ Кумпф Ф., Оруджев З. М. Указ. соч. С. 122.

³¹⁹ Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2011. С.451.

Если мы связываем полноту с достаточностью для вывода о субстанциальном свойстве, то окончательно о полноте мы можем говорить относительно выводов об объекте только после того, как появляется возможность сделать вывод о его сущности, субстанциальном свойстве. Это то, что в логике называется законом достаточного основания, обозначенном в современном его виде Г.В. Лейбницом³²⁰. Или просто законом основания, так как если чего-то недостаточно, как писал Гегель, то оно и не основание³²¹. И, собственно, полнота есть реализация закона достаточного основания³²². Основанием для вывода о субстанциальном свойстве будет система подтвержденных фактических данных. В составе достаточного основания могут быть аксиомы, определения, удостоверенные суждения непосредственного восприятия и выводные суждения, уже обоснованные посредством доказательств. Система данных элементов, если из нее с необходимостью вытекает тот или иной вывод, и есть полнота. Когда мы говорим «с необходимостью вытекает», это означает, что в этом конкретном познании с конкретной целью из имеющихся данных нельзя не сделать именно такой вывод.

Из всех элементов известной триады не охарактеризованным, так сказать в «чистом виде», остался только один – объективность рассмотрения. Рассматривая указанные элементы именно в такой последовательности – всесторонность, полнота, объективность, мы придерживались традиции, уголовно-процессуальной науки. Придерживаясь же философской традиции с рассмотрения объективности следовало бы начать.

В общем-то, здесь, чтобы показать истоки традиции, достаточно будет указать, что В.И. Ленин ставил принцип объективности на первое место

³²⁰ Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. Т. 3. М., 1982. С. 139-141.

³²¹ См. подробнее: Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.1. Энциклопедия философских наук. М., 1929. С. 210.

³²² Именно через закон достаточного основания прослеживается связь между формальной и диалектической логикой. См. подробнее: Ставинский И.И. Формальная и Диалектическая Логика как Единство Противоположностей или Развитие Классической Философии // <http://sites.google.com/site/socialcapital1/Home/rusскиestati/formalnaa-i-dialekticeskaa-logika>

среди принципов диалектической логики³²³, по сути, указывая, что «этот принцип должен быть определяющим по отношению ко всем другим его принципам, ибо он в снятом виде содержит их в своем содержании»³²⁴. В большинстве источников, в том числе и в тех, что нами уже включались в работу, объективность рассмотрения идет в качестве принципа диалектики на первом месте, а сразу за ней, как правило – всесторонность рассмотрения, так же как и у В.И. Ленина в Философских тетрадах.

В обычном философском контексте объективность – независимость суждений, мнений, представлений и т.п. от субъекта, (противоположность — субъективность). Объективность означает способность непредвзято и без предрассудков вникать в содержание дела, представлять объект так, как он существует сам по себе, независимо от субъекта, предполагает освобождение от «наблюдателя», выносящего суждение о мире и всегда исходящего из определенной точки зрения. При этом считается, что абсолютная объективность недостижима ни в одной области, включая научное познание. Тем не менее идеал объективного знания – одна из наиболее фундаментальных ценностей науки³²⁵. Обращаем внимание, что здесь речь идет об объективности исследователя, что не то же самое, что объективность исследования.

У В.П. Кохановского объективность (кстати, тоже идущая первой в списке принципов диалектического метода) – философский, диалектический принцип, основанный на признании действительности в ее реальных закономерностях и всеобщих формах. Основное содержание данного принципа он представляет в виде таких требований, как исходить из чувственно-предметной деятельности (практики) во всем ее объеме и развитии; осознать и реализовать активную роль субъекта познания и действия; умело выбрать адекватную данному предмету систему методов и сознательно, последовательно реализовывать ее; подходить ко всем

³²³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 29. Философские тетради. М., 1980. С. 202–203.

³²⁴ Шептулин А.П. Указ. соч. С. 97.

³²⁵ Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. 2004 // <http://ariom.ru/wiki/Ob'ektivnost'>

процессам и явлениям конструктивно-критически и действовать в соответствии с логикой данного предмета и др.³²⁶

И в данном определении также речь идет скорее об объективности исследователя. Хотя к объективности исследования оно все же ближе, чем предыдущее. Между тем изначально у Гегеля объективное познание – это такое познание, в котором «объект познавался таким, каков он есть как объект, свободный от примеси субъективной рефлексии, а праведное действие видят в следовании объективным законам, которые не имеют субъективного происхождения, не могут быть произвольными и не допускают трактовки, извращающей их необходимость»³²⁷.

Объективность понимается не только как необходимость исходить только из объекта при его исследовании, но и как признание объективных законов действительности и необходимости из них исходить, их применять при работе с объектами. В этом смысле можно говорить, что речь идет о двух разных понятиях, скрывающихся под термином «объективность». В случае, когда говорится о требовании исходить только из объекта при работе с ним, не привносить в исследование ничего, что не вытекает из объекта и т.п., речь идет об объективности исследователя. А если быть точнее, – по сути, о его беспристрастности.

Именно в беспристрастность превратилась объективность позже, в трудах материалистов. Ссылаясь, в том числе на Ф. Энгельса и В.И. Ленина, В.И. Столяров пишет: «Объективность рассмотрения означает, что исследователь должен беспристрастно, т.е. независимо от каких-либо симпатий или антипатий, воли, желания, изучать события, воспроизводить их такими, каковы они на самом деле, без всяких, как любил подчеркивать Энгельс, субъективных «посторонних прибавлений». Он должен устранить или предупредить всякую возможность привнесения в изучаемый предмет

³²⁶ Философия для аспирантов / отв. ред. В.П. Кохановский. С. 313.

³²⁷ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 6. Наука логики. Т.2. М., 1939. С. 162.

чего-либо произвольного, субъективного, чуждого самому предмету»³²⁸. Именно в таком виде закрепилось понимание объективности как в философии, так и в прикладных науках.

Между тем, когда ведется речь о выборе, адекватном данному предмету, системы методов и реализации ее, о соблюдении в познании законов формальной и диалектической логик и т.п. – речь об объективности исследования. И если за понятием объективности исследователя трудно заметить прямую связь со всесторонностью, то объективность исследования как раз и пріогі эту связь в себе содержит, так как реализация законов формальной и диалектической логик это, прежде всего, то, что обеспечивает всестороннее познание объекта. Всесторонность задается объективностью. Если же понимать объективность в смысле беспристрастности, то мы всегда можем представить себе очень беспристрастного исследователя, который не имеет никакого понятия о законах познания. Будет ли его исследование объективным и всесторонним? Очевидно, нет.

Собственно, при объективном исследовании и не возникнет нужды говорить отдельно об объективном исследователе, так как соблюдение гносеологических положений и законов формальной логики однозначно приведет к тому, что субъект будет исходить из закономерностей познаний конкретного объекта и ничего произвольного перенести на работу с ним не сможет.

Итогом объективного и всестороннего познания должно стать знание, которое способно в рамках установленных границ объяснить любой факт, любое явление без исключения. Если этого не происходит, то об объективности и всесторонности познания говорить не приходится.

Думаю, здесь надо также оговориться, что объективность и всесторонность рассмотрения, будучи характеристиками акта познавательной деятельности, работают в рамках цели с разными объектами, в разной последовательности. На примере доказывания в уголовном процессе

³²⁸ Столяров В.И. Диалектика как логика познания и методология науки. М., 1975. С.180.

мы можем показать это так. Знание об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, получается по итогам всестороннего рассмотрения всей совокупности доказательств. Но и каждое доказательство нуждается во всестороннем рассмотрении, в том числе в связке с другими доказательствами. А у доказательства есть источник или носитель, и они тоже нуждаются во всестороннем рассмотрении, по итогам которого делается вывод о их доброкачественности. Таким образом, всесторонность касается как максимально идеальных объектов, так и их частей, сторон. Только в рамках общего объекта сторона идет как часть целого, а в рамках исследования стороны она сама есть объект рассмотрения.

Итак, отмечаем, что объективность, всесторонность и полнота является основным, единым требованием диалектического метода познания. Требование это означает, что для проникновения в сущность объекта на основании объективных законов познания должны быть рассмотрены все возможные его явления (связи с иными объектами) в границах, заданных целью исследования. Вывод относительно сущности объекта должен быть основан на достаточном для него количестве данных. При этом не забываем о том, что данное требование распространяется не только на итоговый вывод исследования, но и на промежуточные необходимые выводы.

В этом плане единство объективности, всесторонности и полноты можно рассматривать так, что объективность реализуется через всесторонность, а полнота есть часть всестороннего рассмотрения, количественная его характеристика (так как мы свели ее к достаточности). Реализовать все объективные законы познания можно, только если работать со всеми необходимыми в границах исследования явлениями исследуемого объекта, то есть всесторонне. И наоборот, выделить и исследовать все стороны возможно только на основе законов формальной и диалектической логик. Рассматривать объективность отдельно от всесторонности возможно только в научных или учебных целях. В реальном познании от их единства никуда не деться.

1.2. Уголовно-процессуальный аспект понятия объективности, всесторонности и полноты исследования.

Первый документ советской эпохи, в котором мы встречаемся со всесторонностью, – Инструкция об организации обвинения и защиты на суде от 23.11.1920 г.³²⁹ В п. 2 указанного документа находим: «Обвинители назначаются главным образом... когда важность и сложность дела, а равно спорность собранных в отношении обвиняемых улик требуют всестороннего освещения всех обстоятельств дела на началах состязательности». О связи всесторонности и состязательности мы поговорим отдельно, а пока отметим, что всестороннее рассмотрение, как один из наиболее серьезных инструментов, предусматривалось лишь по важным, сложным и спорным делам.

В 1922 году всесторонность и полнота появились в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР³³⁰ и позже были перенесены в его переработанный текст – УПК РСФСР 1923 года³³¹.

Так, ст. 112 указанного закона предусматривала, что «следователь направляет предварительное следствие, руководствуясь обстоятельствами дела, в сторону наиболее *полного и всестороннего* рассмотрения дела». Само следствие должно быть направлено, согласно закону, на установление всех имеющих значение обстоятельств, в том числе и оправдывающих³³². Есть в этом документе и упоминание о всесторонности судебного разбирательства, в ст. 415. Намного чаще встречается словосочетание «полное рассмотрение дела». Оно указывается в связи с передачей дела в другой суд или из одного органа расследования в другой (ст.ст. 30, 124), как основание для принятия решения о не производстве предварительного

³²⁹ Инструкция об организации обвинения и защиты на суде : постановление Наркомюста РСФСР от 23.11.1920 // Консультант-Плюс.

³³⁰ Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 25.05.1922 // Консультант-Плюс.

³³¹ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р." (вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 15.02.1923 // Консультант-Плюс.

³³² См.: Ст.111, 113 Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. : постановление ВЦИК от 15.02.1923.

следствия (ст.109) и т.п. Объективность в законе не упоминается, а вот беспристрастность дважды – ст.ст. 30,45.

Таким образом, закон возлагал на следователя и суд обязанность рассмотреть дело беспристрастно, полно и всесторонне. Усмотреть из закона 1923 года конкретное понимание всесторонности и полноты не представляется возможным. Разве что в ст. 109 его есть связка полноты и достаточности в контексте решения о судьбе материалов дознания.

Подобное закрепление не привело к серьезному осмыслению рассматриваемых понятий в теории. В работах 1920-х годов, посвященных доказыванию, есть лишь описание установок на изучение всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, в совокупности как основы внутреннего убеждения и необходимости опираться на объективные данные при вынесении решения. Описывается также необходимость применения законов логики при доказывании³³³.

В научный обиход всесторонность и иже с ней начали входить с середины 1930-х годов. В этот период о необходимости всестороннего и полного исследования говорил А.Я. Вышинский, указывая на них как на основу для своих выводов о виновности подсудимых³³⁴. При этом под всесторонностью и полнотой он понимал «обязанность исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие привлеченных к ответственности, как усиливающие, так и смягчающие ответственность»³³⁵. Объективность прокурором понималась как беспристрастность³³⁶, и в то же время он очень часто говорил об объективных данных, объективных фактах и т.п.

Чуть позже, в «Теории судебных доказательств в советском праве», он напишет: «Расследование и разрешение уголовного... дела связано органически со всесторонним изучением и познанием явлений, их

³³³ См., например: Обуховский В.А. Уголовные доказательства в истории и советском праве. Харьков, 1926. С. 49-51, 126; Громов В., Лаговьер Н. Уголовно-судебные доказательства. М., 1929. С. 56, 78–79.

³³⁴ Вышинский А.Я. Судебные речи. М., 1955. С. 187, 253, 290.

³³⁵ Там же. С. 315.

³³⁶ Там же. С. 53.

взаимосвязи, причин их возникновения, всей суммы тех жизненных отношений, которые не укладываются в прокрустово ложе формальной логики, замкнутой в круге суждений: да—да, нет—нет. В судебном процессе особенно важно для правильного разрешения дела всестороннее исследование предмета. Поэтому и раньше всего здесь так ценно применение подлинно научного метода, каковым и является марксистская диалектика»³³⁷.

Работы А.Я. Вышинского стали основой для понимания всесторонности и полноты в дальнейшем. «Дело является всесторонне и полно исследованным тогда, когда выяснены все его обстоятельства, когда собраны и надлежаще рассмотрены все те доказательства, которые для этого необходимы. Сказать заранее, какие именно обстоятельства должны быть выяснены в каждом отдельном случае, не представляется возможным, ввиду бесконечного разнообразия конкретных условий каждого дела, и потому вопрос этот разрешается каждый раз тем органом расследования или судом, в производстве которого данное дело находится»³³⁸, — писал М.М. Гродзинский. Он же характеризовал неполноту исследования как такую ситуацию, когда «данное имеющее значение для дела обстоятельство вовсе не было предметом рассмотрения органов расследования и суда, т. е. там, где доказательства, необходимые для выяснения этого обстоятельства, полностью отсутствуют в деле»³³⁹. В цитируемой работе достаточно часто встречается указание на объективность вместе со всесторонностью и полнотой. При этом объективность все в том же смысле — беспристрастность³⁴⁰.

В 1958 году всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела были закреплены в качестве принципа всего уголовного процесса, получив тем самым легальное распространение на всех его субъектов, включая суд и прокурора. Речь идет о ст. 14 Основ уголовного

³³⁷ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 141.

³³⁸ Гродзинский М.М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. С. 128.

³³⁹ Там же. С. 129.

³⁴⁰ Гродзинский М.М. Указ. соч. С. 40.

судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года. Только всестороннее, полное и объективное рассмотрение всех обстоятельств дела могло стать основой внутреннего убеждения субъекта доказывания (ст.17 этого же акта.). Это же положение почти в неизменном виде вошло в УПК РСФСР 1960 года, просуществовав вплоть до вступления в действие УПК РФ.

Обратимся к наиболее общим трудам таких авторитетных авторов, как М.С. Строгович и М.А. Чельцов, чтобы отразить тенденцию понимания рассматриваемых понятий в советский период непосредственно до и после нормативного закрепления всесторонности, полноты и объективности в 1958 году.

В первую очередь и тот и другой определяют всесторонности, полноте и объективности одно место – принцип предварительного расследования. В качестве общего принципа уголовного процесса ни отдельно, ни вместе всесторонность полнота и объективность не выделяются³⁴¹. Возможно, это объясняется тем, что на тот момент положения о всесторонности, полноте и объективности воспринимались как часть принципа объективной истины³⁴². Второе сходство – отсутствие описания всесторонности. Полнота и объективность выделяются как принципы предварительного расследования (на этом их единство в рассматриваемых работах заканчивается)³⁴³, а о всесторонности есть лишь упоминания, без определения и характеристики этого понятия, несмотря на нормативное закрепление указанного термина, а также наличие философских работ по данному вопросу.

Анализ определений и характеристик полноты в понимании М.С. Строговича и М.А. Чельцова позволяет сделать вывод, что полнота и всесторонность отождествились или, по крайней мере, не были четко разведены.

³⁴¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного права. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М., 1970. С. 56; Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 234–235.

³⁴² Там же. С. 56.

³⁴³ Строгович М.С. Курс советского уголовного права. Т. 2. М., 1970. С. 56.

Так, М.С. Чельцов, характеризуя полноту предварительного расследования, не идет дальше определения из ст. 111 УПК РСФСР 1923 года, цитата из которой была приведена выше. Причем, характеризуя именно полноту, он указывает на всесторонность скорее как на синоним, усиливающий понимание полноты³⁴⁴.

М.С. Строгович подчеркивает (но не обосновывает) связь объективности предварительного следствия и его полноты. Объясняя принцип полноты, он дает такую характеристику: «Уголовное дело должно быть расследовано так, чтобы были исчерпывающе полно исследованы все существенные обстоятельства дела»³⁴⁵. В дальнейшем полнота связывается с проверкой всех возможных версий³⁴⁶.

И у первого, и у второго автора полнота рассматривается сразу после принципа объективности предварительного расследования. Это еще раз наталкивает на мысль, что полнота и всесторонность отождествлялись, так как рассмотрение объективности в связке с всесторонностью или полнотой – это следствие из философских положений того времени.

Объективность же и М.С. Строгович, и М.А. Чельцов понимают примерно в одинаковом ключе. Это требование к следователю рассматривать как оправдывающие, так и уличающие обстоятельства, беспристрастность, отсутствие «обвинительного уклона»³⁴⁷.

Как видим, есть общее равнение на философский концепт теории познания. Есть связка объективности и полноты с отождествлением последней со всесторонностью. Зафиксировано процессуальное понимание объективности, которое заключается в непредвзятом, беспристрастном поведении субъекта. И надо сказать, что выводы, сделанные в этот период развития уголовно-процессуальной науки, преобладают над выводами ученых,

³⁴⁴ Чельцов М.А. Указ. соч. С.236.

³⁴⁵ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1970. С. 58.

³⁴⁶ Там же. С. 58.

³⁴⁷ Чельцов М.А. Указ. соч. С.235; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1970. С. 56–57.

работавших задолго до революции. Отличие, пожалуй, в более четких и конкретных формулировках, что вполне объяснимо.

Уже в период подготовки судебной реформы 1864 года, Н.И. Стояновский в своем «Практическом руководстве к русскому уголовному судопроизводству» указывал, что следствие должно стремиться к «возможно полному» исследованию всех обстоятельств дела. Последние должны быть приведены в такую ясность и полноту, чтобы сомнений в постановлении приговора не возникло³⁴⁸. Уже после судебной реформы мы можем найти немало цитат и рассуждений о всесторонности и полноте расследования, пока в самом общем виде.

Так, в Инструкции чинам прокурорского надзора округа Санкт-Петербургской судебной палаты, составленной Н.В. Муравьевым в 1884 году, рекомендуется чинам прокуратуры обязательное всестороннее изучение каждого дела во всех его подробностях³⁴⁹. В. Даневский указывает на неполноту предварительного расследования как очень частую ошибку следователей и обвинительный уклон с их стороны³⁵⁰. Д.Н. Стефановский выступал за необходимость всесторонности, глубины и полноты исследования, освещение предмета со всех составляющих его природу точек зрения, в его связи с окружающим, органически присущим ему миру явлений³⁵¹. Как отмечает В.С. Бурданова, таких же взглядов придерживались известный юрист Л. Владимирский и легендарный А.Ф. Кони. Похожие мысли если не легли в основу, то были зафиксированы и не оспаривались в учебниках и курсах В.К. Случевского, С.В. Познышева, И.Я. Фойницкого³⁵².

Еще раньше находим у Я.И. Баршева: «Цель каждого отдельного уголовного процесса заключается в том, чтобы, собрав материалы, необходимые для верного и справедливого приговора относительно вины

³⁴⁸ Стояновский Н.И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. М., 1858. С. 79–80

³⁴⁹ Муравьев Н.В. Инструкция чинам прокурорского надзора округа Санкт-Петербургской судебной палаты. СПб., 1884. С. 28.

³⁵⁰ Даневский В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М., 1895. С. 3.

³⁵¹ Цит. по: Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 27.

³⁵² Там же. С. 27.

или невиновности изобличаемого в каком-либо преступлении лица, признать его невиновным или достойным известного наказания»³⁵³. В этой связи далее автор указывает, что «следствием о преступлении должен быть обнаружен и приведен в возможно полную известность весь состав преступления»³⁵⁴. Относительно судебного рассмотрения автор указывает, что в «следственном процессе судья... обязывается приводить в известность основания, оправдывающие и обвиняющие подсудимого»³⁵⁵. Позже автор дает рекомендации по работе, ведущей к обозначенной им цели уголовного процесса, начиная их со слов «...относительно улики обязанность следователя состоит в возможно заботливом отыскании их. В этом отношении должно быть для него правилом, чтобы он каждым предпринимаемым им действием, каждым допросом пользовался для того, чтобы отыскать улики или те сторонние обстоятельства, которые находятся в связи с исследованным деянием и из которых можно сделать заключение о том, кому должно приписать случившееся преступление»³⁵⁶.

Позднее В. Линовский писал по этому поводу: «Следователю вменяется в обязанность приводить в известность все обстоятельства и признаки, обнаруживающие преступление»³⁵⁷. И первый, и второй авторы исходили из того, что обязанности у следователя и суда по установлению абсолютно всех обстоятельств, имеющих значение по делу, возникают в силу того, что российский уголовный процесс есть следственный, а не обвинительный (т.е. состязательный, в терминологии того времени).

Подобное понимание обязанностей следственных и судебных органов стало основой для закрепления в Уставе уголовного судопроизводства 1864 году, в ст. 265 нормы об обязанности следователя с полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и обстоятельства, его оправдывающие.

³⁵³ Баршев Я.И. Указ. соч. С. 47.

³⁵⁴ Там же. С. 72.

³⁵⁵ Там же. С. 65.

³⁵⁶ Там же. С. 169–170.

³⁵⁷ Линовский В.А. Указ. соч. С. 149.

В 1970-е годы и до исчезновения положения о всесторонности из закона понимание рассматриваемой триады, основанное на тех положениях, что были в науке ранее, конкретизировалось и относительно устоялось.

В коллективном труде «Теория доказательств в советском уголовном процессе» отмечается, что принцип всесторонности, полноты и объективности находит выражение во всех институтах доказательственного права. Далее дается следующая характеристика указанному принципу: «Он означает, что должны быть тщательно выяснены все существенные обстоятельства дела, в том числе смягчающие (устраняющие) уголовную ответственность; должны быть собраны, проверены и оценены все необходимые доказательства; подлежат тщательному выяснению не только обстоятельства самого преступления, но и обстоятельства, которые способствовали его совершению, а равно фактические данные, необходимые для разрешения гражданского иска; суд, прокурор и орган расследования обязаны соблюдать полную беспристрастность, непредвзятость в исследовании доказательств, не поддаваться влиянию заинтересованных в исходе дела лиц»³⁵⁸. Как мы видим, ничего принципиально нового в этой характеристике нет. Отметим только, что дается единая характеристика всем трем составляющим, а не каждая характеризуется отдельно, что было свойственно чуть более ранним трудам, и сделан акцент на то, что это требование распространяется уже не только на деятельность органов расследования, прокуратуры, но и суда.

Немного иным, так сказать, в другой плоскости, выглядит определение всесторонности и полноты у А.А. Давлетова. Всесторонность он понимает как «выяснение всех юридических свойств, подлежащих установлению по делу для разрешения задач уголовного судопроизводства», а полноту как «изучение такого числа фактов и доказательств, совокупность которых

³⁵⁸ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин М., 1973. С. 328–329.

необходима для выяснения того или иного искомого свойства»³⁵⁹. И если с характеристикой полноты мы можем согласиться, то по всесторонности есть вопросы. Во-первых, вызывает сомнение привязка всесторонности к задачам, а не к цели, так как в этом случае, чтобы понять, всестороннее исследование или нет, нужно соотносить процесс со множеством задач, а не с общей познавательной целью. Во-вторых, не совсем понятно, почему речь идет о юридических свойствах (текст самой работы нам этот вопрос не разъяснил). Ведь не все, что познается в рамках уголовного процесса, возможно квалифицировать с точки зрения нормы права. Познанное может служить основой для вывода, который можно назвать юридическим фактом, но не всегда познанное есть именно юридическое свойство.

В русле традиционного понимания всесторонность, полнота и объективность описывались и далее. В.С. Бурданова, изучив учебную и научно-практическую литературу периода до начала 1990-х годов, приводит цитаты из различных изданий, которые подчеркивают, что ничего принципиально нового в понимание и содержание рассматриваемых понятий на этот период внесено не было. Более того, автор считает, и мы с этим выводом согласны, что в литературе нет четких определений всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Не дает серьезных оснований для четкого определения, что есть что, и судебная практика того времени, так как в ней «всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела употребляются в разных сочетаниях, в них вкладывается разное содержание»³⁶⁰.

Собственно, для подобных воззрений на объективность, всесторонность и полноту были нормативные основания. УПК РСФСР, действовавший до принятия УПК РФ, не раскрывал полностью того, что понимается под указанным требованием. Из самой ст. 20 следует, что частью требования объективного, всестороннего и полного расследования является

³⁵⁹ Давлетов А.А. Односторонность или неполнота уголовно-процессуального исследования как основание пересмотра приговора : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980. С. 51.

³⁶⁰ Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003. С. 23.

требование выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого обстоятельства, а также отягчающие и смягчающие его вину. Этим, очевидно, требование всестороннего, полного и объективного расследования не исчерпывается, это, по большому счету, лишь частность. На подобные же частности, характеризующие понимание советским законодателем рассматриваемого положения, указывает и статья о неполноте и односторонности расследования как основаниях для отмены или изменения приговора.

Статья 343 УПК РСФСР 1960 года указывала, что односторонним или неполно проведенным признается дознание, предварительное или судебное следствие, которые оставили невыясненными такие обстоятельства, установление которых могло иметь существенное значение при постановлении приговора. И далее указываются те случаи, при которых, по мнению законодателя, односторонность и неполнота будут всегда. В частности, если:

- 1) не были допрошены лица, чьи показания имеют существенное значение для дела, или не была проведена экспертиза, когда ее проведение по закону является обязательным, а равно не были истребованы документы или вещественные доказательства, имеющие существенное значение;
- 2) не были исследованы обстоятельства, указанные в определении суда, передавшего дело для производства дополнительного расследования или на новое судебное рассмотрение;
- 3) не установлены с достаточной полнотой данные о личности обвиняемого.

Собственно, предусматривать отдельные случаи проявления неполноты и односторонности при правильном их понимании, наверное, не имело смысла. Данный перечень, судя по тексту закона, исчерпывающим не являлся и очевидно закрепляя самые типичные случаи одностороннего и неполного расследования. По изложенному можно сделать вывод, что неполнота и

односторонность, – это, если говорить обыденным языком, когда чего-то не хватает для итогового вывода по уголовному делу.

По поводу рассматриваемой статьи А.А. Давлетов также указывал, что из нее видно, что «эти понятия не дифференцируются. Закон, не раскрывая, в каких случаях следствие необходимо признавать односторонним, а в каких – неполным, указывает лишь на общий результат – невыясненность обстоятельств, имеющих существенное значение при постановлении приговора»³⁶¹. Но с учетом того, что полнота есть аспект всесторонности, как мы выяснили, это замечание можно принять лишь в той части, что законодатель не вносит ясности в понимание указанных понятий.

А что же объективность? Объективность в тексте предыдущего закона выглядит немного странно. Во-первых, она периодически отделяется от всесторонности и полноты. То она вместе с полнотой и объективностью, то только вместе с полнотой (ст.ст. 44, 132, 211), то вместе со всесторонностью (ст.70). Во-вторых, закон никак ее не описывает. Если односторонность и неполнота как вид ошибок существуют в нем, то, что такое необъективность, остается только догадываться, если исходить только из буквы закона. На наш взгляд, это свидетельствует о недостаточном понимании законодателем того времени сущности и единства этого положения. Это непонимание, естественно, переносилось в науку и практику, на что и указывала В.С. Бурданова.

Относительно судебной практики периода 1960-1990 годов можно выделить несколько документов, позволяющих нам приблизиться к пониманию всесторонности, полноты и объективности, существовавшему в практической деятельности. Так, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18.03.1963 № 2 «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел»³⁶² связывает всестороннее, полное и объективное исследование материалов каждого уголовного дела и вынесение по ним

³⁶¹ Давлетов А.А. Односторонность или неполнота уголовно-процессуального исследования как основание пересмотра приговора: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980.

³⁶² Консультант-Плюс.

законных, обоснованных и справедливых решений (п. 3)³⁶³. Интересно и другое положение: в п. 6 этого же документа указано, что защитник, оказывая подсудимому помощь в осуществлении его процессуальных прав, тем самым содействует правильному и всестороннему рассмотрению дела.

Казалось бы, постановление с названием «Об обеспечении всесторонности, полноты и объективности рассмотрения судами уголовных дел»³⁶⁴ должно дать четкий ответ в вопросе определения этого положения. Однако его в этом документе нет. Встречаем все тоже понимание всесторонности как отсутствие обвинительного уклона и все тоже понимание объективности как беспристрастности, выработанного теорией и практикой, так как уголовно-процессуальный закон 1960 года лишь косвенно подводит к такому пониманию объективности.

Справедливости ради нужно отметить, что объективность понималась в советской науке не только как беспристрастность субъекта уголовного процесса. А.А. Давлетов со ссылкой на А.И. Данилюка, Я.О. Мотовиловкера, Б.М. Тавровского пишет, что понимает объективность как непредвзятость лица, ведущего дознание, следователя, прокурора, суда, а также соответствие их мыслительной деятельности методам и законам рационального познания. Кроме указания на объективность исследователя, в приведенном понимании обнаруживает себя и объективность исследования.

Смеем утверждать, что и сегодня ситуация в трактовке объективности, всесторонности и полноты не слишком изменилась. Учебная литература, которая по призванию должна аккумулировать все устоявшиеся в науке достижения в своем современном явлении, делится на две категории относительно нашего вопроса. В одной части учебников по уголовному процессу практически дословно воспроизводятся характеристики всесторонности, полноты и объективности, данные в советский период и

³⁶³ Подобное указание можно встретить также в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30.06.1969 № 4 "О судебном приговоре".

³⁶⁴ Об обеспечении всесторонности, полноты и объективности рассмотрения судами уголовных дел : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.1987 № 1 (ред. от 21.12.1993) // Консультант-Плюс.

рассмотренные ранее³⁶⁵. В другой части используются только указанные термины, скорее как формулы, содержание которых всем как бы давно известно и понятно³⁶⁶. Второй случай относится также к большинству вышедших с 2002 года комментариев к УПК РФ³⁶⁷.

Современных специальных монографических исследований, посвященных всесторонности, полноте и объективности, нам обнаружить не удалось. Монографические исследования по теории доказывания, принципам уголовного процесса и др., а также научные статьи, как правило, много внимания этому вопросу не уделяют, а в том месте, где уделяют, придерживаются ранее возникших традиций в этом вопросе³⁶⁸.

В основном же эти термины никак не определяются вообще, а используются как готовая формула, содержание которой известно. В некоторых случаях удается вывести содержание всесторонности, полноты и объективности из контекста, но выведенное таким образом все равно держится в рамках данных выше определений.

О диссертационных исследованиях последних 10-15 лет, касающихся вопросов доказывания, всесторонности, полноты и объективности, можно сказать то же самое – их авторы придерживаются указанных выше характеристик и определений, не добавляя ничего нового. Так, Н.П. Кузнецов в работе «Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России» связывает всесторонность и полноту с проверкой всевозможных версий по делу³⁶⁹. В относительно недавних работах,

³⁶⁵ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской; Уголовный процесс // под ред. К.Ф. Гуценко // Гарант; Уголовный процесс / под ред В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. С.309; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс. М., 2007.

³⁶⁶ См. учебники: Григорьев В.Н., Победкин А.В. Уголовный процесс. М., 2005; Уголовный процесс / под ред. В.И. Радченко; Рыжаков А.П. Уголовный процесс. М., 2004 и др.

³⁶⁷ Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный. 2010 // Консультант-Плюс; Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный. 2009 // Консультант-Плюс; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2008 / отв. ред. И.Л. Петрухин // Консультант-Плюс.

³⁶⁸ См., например: Тертышник В. М., Слинько С. В. Теория доказательств. Харьков, 1998; Балакшин В.С. Принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела и некоторые гарантии его обеспечения // Российский юридический журнал. 2001. № 1; Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. 2009 // Консультант-Плюс и др.

³⁶⁹ Кузнецов Н.П. Указ. соч. С. 25.

специально посвященных рассматриваемому вопросу А.С. Ахмадуллина,³⁷⁰ Л.В. Поповой³⁷¹, Н.И. Ревенко³⁷², по сути, выражается полное согласие с заданной ранее традицией понимания указанных понятий, что подтверждается либо прямыми ссылками на работы советских ученых, либо текстом всей работы, из которой такое понимание выводится.

Подводя итог нашему аналитическому обзору понимания содержания всесторонности полноты и объективности исследования обстоятельств дела в российском уголовном процессе, можно отметить, что современное толкование данной триады было заложено еще в 1840-е годы. Постепенно шло терминологическое оформление и с развитием диалектики на материалистическом начале всесторонность, полнота и объективность приобрели современное очертание и более или менее четкое определение. Но сама традиция такого понимания коренным образом не ломалась.

В результате в традиции уголовно-процессуальной науки сложилось следующее понимание объективности, всесторонности и полноты. Всесторонность понимается как установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе и оправдывающих обвиняемого; установление всех иных существенных для дела обстоятельств; выдвижение и рассмотрение всех возможных версий совершения преступления.

Полнота – это либо синоним всесторонности, либо достаточное количество доказательств по каждому факту (обстоятельству), чтобы с уверенностью можно было полагать, что искомый факт и все необходимые факты доказаны с достоверностью.

Объективность же – беспристрастность, принятие процессуальных решений на основе фактов, установленных в соответствии с законом, без внешнего влияния на субъекта. Остается только добавить к этому, что

³⁷⁰ Ахмадуллин А.С. Проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования в свете УПК РФ : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2005. С. 37.

³⁷¹ Попова Л.В. Актуальные вопросы обеспечения всесторонности при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2005.

³⁷² Ревенко Н.И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.

единство этих трех элементов признается и почти никем не оспаривается, но и не обоснуется. Указанные определения выражены кратко, но в полной мере отражают то понимание, которое существует. Остается к этому только добавить, что единство этих трех элементов признается и почти никем не оспаривается, но никем особо и не доказывается.

В большинстве своем такое понимание рассматриваемых понятий высказывают и практические работники.

По итогам проведенного нами опроса дознавателей, следователей, прокуроров, судей и адвокатов, в ходе которого было опрошено 163 респондента, установлено, что большинство опрошенных связывают всесторонность в равной мере с собиранием максимально возможного числа доказательств по делу (46 % ответов³⁷³); обязательной проверкой версии подсудимого или обвиняемого и версии потерпевшего (43 % ответов); проверкой всех возможных версий произошедшего (56 % ответов). Чуть меньше ответов, связывающих всесторонность с поиском как оправдательных, так и обвинительных доказательств по делу – 36 %.

Полноту исследования большинство отождествляет с достаточностью доказательств по делу (59 %), немалая часть опрошенных считают ее синонимом всесторонности (34 %) и примерно столько же (33 %) полнотой называют проверку доказательств на достоверность.

Объективность, достаточно предсказуемо, 78 % опрошенных понимают как независимость и беспристрастность. Более 30 % ответов связывают всесторонность с обоснованностью выводов по итогам расследования или судебного разбирательства.

Не удивительно, что при таком понимании объективности 21 % респондентов указали на то, что всесторонность и полнота могут существовать отдельно от объективности. 62 % высказались за понимание объективности, всесторонности и полноты как единого требования.

³⁷³ Ответ на этот вопрос, а также вопросы о полноте и объективности подразумевали возможность нескольких вариантов, в связи с чем процент дается не к количеству ответивших, а к количеству ответов. Сумма процентов в этой ситуации может превышать 100.

Как мы видим, понимание практическими работниками объективности, всесторонности и полноты в целом совпадает с тем, что имеет на сегодня наука. Правда, налицо еще большая путаница в понятиях. Такое положение вещей видится тем более опасным, что 90 % опрошенных нами следователей и дознавателей, 96 % прокурорских работников, 93 % судей утверждают, что в своей деятельности руководствуются этим требованием. Более того, большинство из них (77 % следователей, 100 % прокуроров, 83 % судей) уверены, что продолжают руководствоваться объективностью, всесторонностью и полнотой даже в случае, если это требование окончательно исчезнет из нормативного поля. Такое мнение респондентов обязывает нас разобраться с рассматриваемыми понятиями более тщательно, так как неопределенность в науке ведет к неопределенности в правоприменении, а это уже не просто научные изыскания, а судьбы тысяч людей. Пугает и то, что небольшой процент опрошенных готовы и вовсе отказаться от реализации данного требования.

Представленное понимание объективности, всесторонности и полноты в науке и в рамках практической деятельности по расследованию преступлений не во всем соответствует природе этого требования и не отражает той роли, которая на самом деле на него должна быть возложена. Тенденция такова, и мы ее вкратце здесь упоминали, что триада «всесторонность полнота и объективность» используется как формула, которая как бы всем понятна и очевидна. Наш философский разбор этих понятий позволяет утверждать, что современное понимание всесторонности и иже с ней не получило развития, несмотря на философскую базу вопроса, и не имеет конкретного наполнения на данный момент. Давайте попытаемся все же уточнить содержание этих понятий исходя из философского аспекта. И попробуем понять, как работает всесторонность в уголовном процессе на самом деле с точки зрения диалектической логики в уголовно-процессуальном познании.

Исходя из общепринятого понимания объективности, всесторонности и полноты (далее мы будем рассматривать их в единстве) речь идет о установлении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию. Происходит смешение цели процесса и требования к процессу, которое гарантирует достижение цели.

Но разве обстоятельства исследует субъект доказывания? Нет, он работает со следами, которые остались после совершения деяния, и с выводами, полученными на основании изучения связей между информацией, снятой со следов. Обстоятельства он устанавливает. Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, есть цель уголовного процесса, и субъект уголовного процесса должен работать, стремясь к ней.

Итак, субъект доказывания (дознатель, следователь, суд) работает со следами, информацией, снятой с них, выводами. Цель уголовного процесса помогает определить границы исследования и организует всю деятельность по расследованию преступления. Границы исследования задаются формированием так называемых общих версий, то есть версий относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию. В случае с построением общей версии можно сказать, что речь, по сути, идет о целеполагании, конкретизации цели. Общая версия – это то, что позволяет провести предварительную квалификацию, то есть конкретизировать обстоятельства, подлежащие доказыванию. Построение общей версии находится за пределами доказывания, в рамках наполнения цели конкретным определением. Количество выстроенных общих версий должно быть максимальным относительно наличествующей информации о деянии, претендующем на квалификацию как преступления. В ходе процесса доказывания общие версии могут уточняться, меняться, возникать новые. Во всех этих случаях мы как бы «выходим» из процесса доказывания, конкретизируем цель и возвращаемся вновь.

Сказанное относительно общей версии не относится к версиям частным – версиям относительно отдельного фактического данного, с помощью

которого при обнаружении связи могут устанавливаться иные фактические данные или обстоятельства, подлежащие доказыванию. Частные версии – внутри процесса доказывания, и их построение происходит в его рамках.

И частная, и общая версии будут играть роль предположения о субстанциальном свойстве совокупности информационных и логических доказательств, сформированных в результате работы с объектами, и положенной в основу той или иной версии, которая, возможно, определит ее сущность. То есть в итоге достоверной окажется только одна общая версия.

Как только версии сформированы, то есть завершен процесс конкретизации цели, начинается процесс доказывания, который, исходя из цели, и планируется, выстраивается. Объективность, всесторонность и полнота исследования в рамках, заданных целью исследования, касаются характеристики работы с объектами доказывания – реальными (следы преступления, имеющие внешнее выражение) и идеальными (информационными доказательствами, устанавливаемыми следователем на основе изучения следов, и логическими доказательствами, получаемыми при обнаружении связи между информационными). Значит, с ними и надо работать объективно, всесторонне и полно.

Работать объективно, всесторонне и полно в этом смысле означает, что субъект должен выделить все явления объекта доказывания, то есть все его связи с иными объектами (что и будет стороной), чтобы через них понять сущность объекта, а именно – его место в системе доказывания по конкретному делу. Каждая такая связь изучается как отдельно, так и вместе с другими связями до того момента, когда полученные данные не позволят сделать вывод о сущности объекта. Как только возможен вывод о сущности той или иной связи – можно говорить о полноте исследования, делать вывод и переходить на другой уровень, где будут проверяться уже связи полученного фактического данного с другими фактическими данными. Вся эта работа происходит на основании объективных законов формальной логики и диалектики.

Тут важно заметить, что объективность и всесторонность должны проникать абсолютно во все мыслительные процессы, связанные с расследованием преступления.

Всесторонность касается отдельного факта, который основан на информации с нескольких следов, напрямую не устанавливает обстоятельство, подлежащее доказыванию, но помогает его установить в системе других фактов. И, конечно же, объективность, всесторонность и полнота исследования относятся к познанию всей совокупности фактических данных, имеющихся на данный конкретный момент.

Итог объективного, всестороннего и полного рассмотрения – знание об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в основании которого лежит система доказательств, где каждому есть свое место в системе.

В свете изложенного, всесторонность (здесь допустим отдельное обозначение всесторонности, полноты и объективности для более адекватного сравнения с предыдущими определениями) – это не выдвижение и рассмотрение всех возможных общих версий, так как формирование версий происходит за рамками процесса доказывания, а их рассмотрение как раз и должно происходить всесторонне. Всесторонность – это не установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, так как последнее – цель процесса. Всесторонность – требование к процессу достижения цели, которое заключается в установлении всех необходимых связей между доказательствами и фактическими данными.

Полнота в уголовном процессе, как и в философии, это не синоним всесторонности, а ее аспект, через который реализуется закон достаточного основания. Полнота – достаточность для промежуточного или итогового вывода, основанная на всестороннем изучении всех выделенных сторон-явлений. Объективность – очевидно, не беспристрастность субъекта. Мы указывали, что в уголовно-процессуальной науке встречалось и указание на объективность как на требование к субъекту основываться в своей

познавательной деятельности на объективных законах познания. С учетом философского анализа этого понятия мы присоединяемся к такому выводу. Беспристрастный субъект, не основывающийся на законах формальной и диалектической логики – такое возможно. Тот же, кто основывается на них, беспристрастен изначально.

Еще раз хотим заметить, что разграничение в познании всесторонности, полноты и объективности в реальности практически невозможно. Так же как по отдельности невозможно, например, зафиксировать собирание, проверку и оценку доказательств. Этот аргумент и наш философский анализ, показавший единство указанных понятий, позволяет нам дать следующее определение объективности, всесторонности и полноты (именно в таком порядке, если брать гносеологическое толкование).

Таким образом, объективность, всесторонность и полноту исследования мы можем определить как требование *на основании объективных законов познания (объективность) установить все необходимые связи между доказательствами, фактическими данными (всесторонность), которые позволяют сделать обоснованный вывод (полнота), об отдельном обстоятельстве, подлежащем доказыванию, или обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в системе.*

В представленном тексте сделана попытка дать гносеологическое толкование всесторонности, полноты и объективности, чтобы вскрыть их истинный смысл, так как термины эти давно стали «формульными» и того, что они в себе несут, современные правоприменители и ученые, как правило, не удерживают. Однако мы увидели, что при толковании рассматриваемых понятий с точки зрения гносеологии открывается серьезное значение их для организации познавательной деятельности в рамках предварительного следствия и в суде.

§ 2. Статус объективности, всесторонности и полноты в уголовном процессе

С содержанием требования объективности, всесторонности и полноты мы определились. Теперь попробуем понять его место в уголовном процессе. Может ли оно претендовать на роль метода уголовного процесса?

Мы указывали, что в 1940 – 1960-е годы было распространено понимание объективности, всесторонности и полноты именно как принципа предварительного расследования, но после нормативного распространения в УПК РСФСР 1960 года этого положения на всех субъектов доказывания уголовно-процессуальная наука твердо закрепила за рассматриваемой триадой статус принципа уголовного процесса.

Однако в действующем уголовно-процессуальном законе такого принципа нет. Вопрос о том, какое место в процессе занимало это требование и чем теперь является объективность, всесторонность и полнота исследования, требует разрешения, так как им по-прежнему руководствуется правоприменитель, это требование закреплено в ряде подзаконных актах, да и из самого закона такие слова, как объективность, всесторонность, полнота, до конца не исчезли. Указание на них можно найти в ст.ст. 152 и 154 УПК РФ. Правда, в первом случае упомянуты только полнота и объективность, а во втором – всесторонность и объективность. Также отдельно упоминается объективность в связке с беспристрастностью (ч. 6 ст. 340 УПК РФ). Подобное хаотичное упоминание может свидетельствовать о том, что, во-первых, четкого понимания содержания и значения этого требования на данный момент нет, а во-вторых, можно сказать, что законодателю трудно «спрятаться» от того, что имманентно присуще отечественному уголовному процессу в силу его публичности.

Если посмотреть тот проект УПК РФ, который был принят в первом чтении Государственной Думой ФС РФ 06.06.1997 г.³⁷⁴, то объективность, всесторонность и полнота занимают там ключевое место. Статья 19 проекта, содержащая требования всесторонности, полноты и объективности (такой порядок в тексте проекта), расположена в главе «Задачи и принципы уголовного процесса». Обязанность проводить расследование всесторонне, полно и объективно отдельно подчеркивается для следователя (ст. 30 проекта) и суда (ст.ст. 84, 284, 344 и др.).

Однако, как пишет об этом проекте одна из авторов того УПК РФ, который в итоге был принят, «по мнению многих экспертов, проект во многом воспроизводил положения действовавшего УПК РСФСР, противоречил Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права. ... И что самое главное – закреплял приоритет ведомственного интереса над интересами отдельной личности. Принятие такого кодекса на долгие годы отбросило бы Россию далеко назад, во времена произвола и полицейщины»³⁷⁵.

Судя по тому, что более чем из двух десятков упоминаний объективности, всесторонности и полноты в разных сочетаниях в первом проекте, ко второму чтению осталось только три (причем в незначительных для процесса местах), именно это требование воспринималось как копия «советского» УПК и предвестник полицейского уголовного процесса. Или, быть может, авторы УПК РФ слишком хорошо понимали, что такое объективность, всесторонность и полнота, и знали, что это требование все равно будет всеми выполняться, а значит, и закреплять его лишний раз не обязательно. Последнее кажется маловероятным, так как в этом случае, при верном понимании объективности, всесторонности и полноты, оно бы нашло

³⁷⁴ Проект № 97700236-2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 06.06.1997) // Консультант-Плюс.

³⁷⁵ Мизулина Е.Б. Послесловие // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М., 2005.

свое место и в законе, и в правоприменительной практике, и в теоретических работах, связанных с толкованием нового закона.

Не будучи, по сути, нормативным требованием на уровне закона (то закрепление, которое имеется, вряд ли можно признать удовлетворительным), требование объективности, всесторонности и полноты обнаруживает себя в ряде подзаконных нормативных актов. Так, требование проводить предварительное расследование объективно и всесторонне закреплено в ст. 22 Приказа Генпрокуратуры РФ от 18.01.2008 № 20 «Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба»³⁷⁶. В других приказах содержится требование обеспечить надлежащий прокурорский надзор за всесторонностью, полнотой и объективностью.³⁷⁷

Из некоторых подобных актов упоминание о всесторонности и объективности, наоборот, пропадает. Так, например, произошло с приказом Следственного комитета при прокуратуре РФ от 07.09.2007 «О мерах по организации процессуального контроля». В указанном приказе, в п. 23 руководителю следственного органа предписывалось после составления следователем обвинительного заключения изучать уголовное дело для оценки полноты, всесторонности и объективности произведенного расследования. В новой версии указанного акта, принятой уже Следственным комитетом РФ³⁷⁸, данное требование отсутствует, а указание на полноту и объективность есть только относительно рассмотрения требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления

³⁷⁶ Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба : приказ Генпрокуратуры РФ от 18.01.2008 № 20 // Консультант-Плюс.

³⁷⁷ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генпрокуратуры РФ от 06.09.2007 № 137 (ред. от 28.12.2007). П.17; Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве: приказ Генпрокуратуры РФ от 27.11.2007 № 189 // Консультант-Плюс.

³⁷⁸ Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 1. П. 1.19 // Консультант-Плюс.

следователя и устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства, а также письменных возражений следователя (нижестоящего руководителя следственного органа) на указанное требование или предложений о его исполнении.

Неопределенность с содержанием в вопросе единства и статусе объективности, всесторонности и полноты исследования отражается и на судебной практике. Пленум Верховного Суда в постановлениях использует указания на всесторонность и полноту, просто на всесторонность, на всесторонность и объективность³⁷⁹. Указание же на все три элемента можно найти только в единичных постановлениях³⁸⁰. В последних, скорее всего, вся триада осталась потому, что принимались они в рамках другого нормативного поля, а современному закону это согласно позиции Верховного Суда РФ не противоречит.

Таково, например, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». В последней своей редакции - от 03.12.2009, в п. 1 оно содержит такую фразу: «...суды обязаны неукоснительно выполнять требование закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела...». Требования этого в законе уже нет, а Верховный Суд РФ требует. Значит, очевидно, оно не только не противоречит закону, по мнению высшей судебной инстанции страны, но и является основополагающим, коли с напоминания о нем начинаются разъяснения по рассмотрению одного из самых опасных преступлений.

Еще одним документом, подобным предыдущему, является постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.09.1975 № 5 в ред. от

³⁷⁹ О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2; О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9; О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.1996 № 1 (ред. от 06.02.2007) // Консультант-Плюс.

³⁸⁰ См., например: О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.12.2009) // Консультант-Плюс.

06.02.2007 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел». В нем вообще статус объективности, всесторонности и полноты возвышен до максимума. В п.1 находим действующее разъяснение: «Только точное и неуклонное его (уголовно-процессуального закона. – А.Б.) выполнение обеспечивает всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела». Таким образом, по мнению Верховного Суда РФ, весь Уголовно-процессуальный кодекс – это реализация объективности, всесторонности и полноты, а последнее, в свою очередь, основа для него.

Если посмотреть тексты постановлений, на которые мы сослались выше, то мы увидим, что в них встречаются упоминания объективности, всесторонности и полноты, которые явно не согласованы, например, с предыдущим.

Так, в нескольких документах Верховного Суда и Конституционного Суда РФ можно встретить оборот «... в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу» и ему подобные, из которых может сложиться впечатление, что объективность, всесторонность и полнота есть цель уголовного процесса³⁸¹. Считаем, что если это речевой оборот, который указывает на значимость объективности, всесторонности и полноты, а не на них же как цель, то он некорректен. Если же речь идет об указании именно на цель уголовного процесса, то некорректен вдвойне.

Целью исследования, как мы уже писали, не может быть выполнение требований к исследованию, так как требования сами обусловлены целью и организуют деятельность в зависимости от нее. Если мы дадим исследователю вещь и скажем, что ее нужно объективно, всесторонне и полно исследовать, то он даже начать не сможет без вопроса «Для чего? Что я должен узнать?», а если и начнет, то его работа окажется бесконечной и

³⁸¹ См.: О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28. П. 1; Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 № 293-О-О; Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2009 № 75-009-13 и др. // Консультант-Плюс.

бессмысленной в силу бесконечного числа связей вещей между собой. Цель определяет то, что мы будем исследовать объективно, всесторонне и полно. И если мы, зная цель, ставим перед собой задачу провести исследование именно так, то это верно. Возможно, именно последний случай и имеется в виду при обозначении объективности, всесторонности и полноты как цели процесса.

Проведенные нами обобщение и анализ кассационных определений по жалобам на приговоры Красноярского краевого и Томского областного суда за 2012 год³⁸² показал, что ссылка на объективность, всесторонность и полноту встречается как минимум в 3 % и 14 % случаев соответственно как оценка той работы, которую провел суд. Чаще всего речь идет о некотором «формульном» употреблении. То есть указание на то, исследование судом проведено всесторонне полно и объективно есть, но нет подробного анализа, который показывает соблюдение этого требования и остается скрытым, что именно суд понимает под указанным сочетанием слов. Изучение судебной практики позволяет сделать однозначный вывод, что указание на то, что деятельность суда отвечала требованию объективности, всесторонности и полноты есть крайне положительная оценка работы суда. Указание на несоблюдение данного требования является основанием для отмены приговора и сегодня. Скрытым, конечно.

Статья 379 УПК РФ не предусматривает такого основания, как неполнота или односторонность, в отличие от УПК РСФСР, действовавшего до него. Но такие причины как «нарушение уголовно-процессуального закона» или «несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела», позволяют говорить о несоблюдении требования всесторонности, полноты и объективности³⁸³, а в большинстве случаев и прямо указывать и на необходимость нового,

³⁸² См. Приложение № 3

³⁸³ См., например, Определение Красноярского краевого суда от 6.11.2012 по делу № 22-9434/2012; Определение Красноярского краевого суда от 30.10.2012 по делу 22-8428/2012.

всестороннего и полного рассмотрения дела в суде первой инстанции³⁸⁴. По нашим подсчетам, процент отмен приговоров с указанием на не всестороннее исследование составляет не менее 16 % для Томского областного суда и не менее 1,5 % для Красноярского краевого суда. Это соответствует тому пониманию, что было обозначено ранее со ссылкой на Верховный Суд, – весь УПК существует для обеспечения объективности, всесторонности и полноты исследования.

Встречается в судебной практике и прямое указание на объективность, всесторонность и полноту как принцип уголовного процесса³⁸⁵.

Представление об объективности, всесторонности и полноте как о принципе сопряжено с рядом трудностей. Проблема заключается в том, что нормативное закрепление принципа уголовного процесса есть обязательный его признак. По сути, выведение принципа из норм закона в уголовном процессе недопустимо. В уголовном процессе нормативное закрепление принципов особенно важно. Эта важность обусловлена возможностью вторжения органов государства при расследовании и рассмотрении уголовных дел в личную жизнь граждан, причем в отдельных случаях ограничение конституционных прав может быть очень значительным. Выведение содержания принципа путем толкования норм может привести к тому, что, заботясь о своих, своеобразно понимаемых интересах, представители органов государства дадут такое толкование и будут

³⁸⁴ См., например, Определение Красноярского краевого суда от 9.10.2012 по делу 22-8526/2012; Определение Красноярского краевого суда от 11.09.2012 по делу 22-7692/2012; Определение Красноярского краевого суда от 20.09.2012 по делу 22-8083/2012; Определение Красноярского краевого суда от 30.08.2012 по делу 22-7395/2012; Определение Красноярского краевого суда от 17.04.2012 по делу 22-3130/2012; Определение Красноярского краевого суда от 6.03.2012 по делу 22-1843/2012; Определение Красноярского краевого суда от 7.02.2012 по делу 22-874/2012; Определение Томского областного суда от 19.01.2012 по делу 22-104/2012; Определение Томского областного суда от 19.01.2012 по делу 22-183/2012; Определение Томского областного суда от 22.03.2012 по делу 22-930/2012; Определение Томского областного суда от 14.06.2012 по делу 22-2579/2012; Определение Томского областного суда от 21.06.2012 по делу 22-2701/2012; Определение Томского областного суда от 05.07.2012 по делу 22-3210/2012

³⁸⁵ Определение Верховного Суда РФ от 10.05.2006 № 72-о06-15сп; Определение Верховного Суда РФ от 28.12.2005 № 56-о05-24; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.02.2011 по делу № 1-538/10; Определение Пермского краевого суда от 20.01.2011 по делу № 22-349; Постановление Московского городского суда от 18.11.2010 по делу № 4у/6-8843; Определение Пермского краевого суда от 30.09.2010 по делу № 22-6948; Определение Пермского краевого суда от 05.08.2010 по делу № 22-5082; Определение Пермского краевого суда от 06.07.2010 по делу № 22-4751 и др.

применять его так, что от гарантий прав и законных интересов граждан не останется и следа.

Однако отсутствие прямого нормативного закрепления всесторонности, полноты и объективности исследования, тем не менее, не мешает современным ученым практически единодушно³⁸⁶ делать вывод о том, что указанная триада все же не что иное, как принцип уголовного процесса.

Уже первые научные публикации после принятия УПК были однозначны по этому поводу. Ряд авторов полагают, что «все основные компоненты этого принципа нашли законодательное закрепление в новом УПК РФ»³⁸⁷. Ю.П. Гармаев делает такой вывод: «Отсутствие в новом УПК РФ нормы, аналогичной ч. 1 ст. 20 УПК РСФСР, не исключает необходимости обеспечения всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. Принцип не исчез, а "растворился" в содержании других норм уголовно-процессуального закона»³⁸⁸. Ю.К. Якимович считает, что независимо от того, являются или нет всесторонность, полнота и объективность принципами уголовного процесса, дознаватель, следователь должны исследовать все обстоятельства, руководствуясь этими требованиями³⁸⁹.

С.А. Шейфер придерживается этой же позиции, называя всесторонность, полноту и объективность не иначе как принципом³⁹⁰. З.Д. Еникеев призывает возратить в УПК принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела³⁹¹. Н. Солнцева считает, что

³⁸⁶ За исключением некоторых последовательных сторонников состязательности, о которых речь пойдет ниже.

³⁸⁷ См. подробнее: Лукашевич В.З., Чичканов А.Б. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Правоведение. 2002. № 2. С. 105–107.

³⁸⁸ Гармаев Ю.П. Проблема обеспечения всесторонности и полноты расследования по новому Уголовно-процессуальному кодексу // Консультант-Плюс.

³⁸⁹ Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Досудебное производство по УПК Российской Федерации. СПб. 2003, С. 129.

³⁹⁰ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. 2009 // Консультант-Плюс.

³⁹¹ Еникеев З.Д. Проблемы уголовного преследования в современной России // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международ. науч.-практ. конф. Ч.1. Екатеринбург, 2005. С. 282.

требование всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела «изменило свою форму, но не содержание»³⁹². На фактическую закреплённость в законе этого требования в законе указывает также Ю.К. Якимович³⁹³. В своем диссертационном исследовании на основе проведенного анализа статуса рассматриваемых положений А.С. Ахмадуллин пишет, что всесторонность, полнота и объективность – самостоятельный принцип уголовного процесса и, в частности, предварительного расследования.³⁹⁴ И даже те, кто безропотно принимает позицию законодателя, исключившего всесторонность из системы принципов, пишут, что исследовать всесторонне, полно и объективно – это непосредственная обязанность субъекта доказывания, несмотря на отсутствие прямого указания в законе³⁹⁵.

Достаточно трудно найти тех исследователей, которые не подчеркивали бы значимость и существование в нашем уголовном процессе этой триады. Они встречаются среди последовательных сторонников состязательности, то есть тех, кто, понимая состязательность как спор сторон, ратует за полное исключение всех несовместимых с ней элементов из уголовного процесса. Среди таковых, например, мы можем выделить С.А. Пашина и В.А. Лазареву.

Однако и у них мы не найдем серьезной критики того, что входит в содержание объективности, всесторонности и полноты исследования. Разве что только сожаление по поводу его присутствия в уголовно-процессуальной действительности и частично в законе. Так, С.А. Пашин пишет, комментируя проект УПК РФ, принятый в первом чтении, что состязательность в нем не более чем лукавство, так как «суд, утратив некоторые наиболее одиозные полномочия... продолжает отвечать за полноту и всесторонность

³⁹² Солнцева Н. Принцип-невидимка в уголовном судопроизводстве // Законность. 2003. № 5. С. 38.

³⁹³ Якимович Ю.К. Избранные труды, СПб, 2011 стр.605

³⁹⁴ Ахмадуллин А.С. Указ. соч. С. 37.

³⁹⁵ См., например: Ревенко Н.И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 10.

рассмотрения дела»³⁹⁶. В.А. Лазарева считает, что «пресловутая» ст. 20 УПК РСФСР стирала границы между субъектами доказывания и в этой ситуации непонятно, чем объективное, всестороннее и полное познание следователя отличается от этого же познания суда³⁹⁷. «Стремление сохранить представление о расследовании как полном, объективном и всестороннем исследовании обстоятельств преступления есть смешение функций, посягательство на прерогативу судебной власти, на состязательность»³⁹⁸, – пишет она. Собственно, и не стоит ждать здесь конструктивной критики, так как авторы верно указывают на несовместимость рассматриваемого требования и состязательности, что исключает необходимость подробно анализировать объективность, всесторонность и полноту.

Нам же как сторонникам публичности отечественного уголовного процесса остается только согласиться с тем, что требование всесторонности, полноты и объективности никуда не исчезло из отечественного уголовного процесса³⁹⁹. И согласие наше основано не на слепой вере в публичность, а на более чем убедительных аргументах как теоретического, так и практического характера. В то время как у сторонников состязательности, при всем к ним уважении, их нет, а понимание уголовного процесса России как состязательного основано на вере.

То, что объективность, всесторонность и полнота играют одну из руководящих ролей для тех, кто работает в сфере уголовного процесса, не секрет. На это указывает как приведенный анализ судебной практики, так и результаты опроса, свидетельствующие о принятии объективности,

³⁹⁶ Пашин С.А. Состязательность отложена в сторону // Проект уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: научно-практический анализ // <http://www.coast.ru/referats/library1/editions/upk/2.htm>

³⁹⁷ Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. С. 65.

³⁹⁸ Лазарева В.А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе Российской Федерации // Доклады и сообщения на конференции "Уголовная юстиция: связь времен" // <http://www.iaaj.net/node/430>

³⁹⁹ На крепкую связь между публичностью и объективностью, всесторонностью и полнотой, помимо А.С. Барабаша, указывал Ю.К. Якимович, понимая, правда, публичность как принцип. См. подробнее Якимович Ю.К. Избранные труды, СПб, 2011 стр.606-607

всесторонности и полноты в качестве принципа уголовного процесса. Позволим себе еще несколько аргументов для убедительности.

В предыдущем параграфе мы уже указывали, что абсолютное большинство дознавателей, следователей, прокурорских работников и судей руководствуются в своей работе объективностью, всесторонностью и полнотой (тут оставляем в стороне путаницу в понимании этого требования)⁴⁰⁰. При ответе на вопрос о статусе объективности, всесторонности и полноты в уголовном процессе 27 % респондентов указали на то, что это основное положение для уголовного процесса, более 40% считают его одним из основных и 25 % – принципом уголовного процесса. То есть 92 % опрошенных придают максимально важное значение объективности, всесторонности и полноте исследования в уголовном процессе.

Особый статус объективности, всесторонности и полноты подчеркивался с тех пор, как только эти термины получили оформление и были наполнены более или менее четким содержанием. И для этого есть серьезное философское обоснование. Напомню, мы выяснили, что именно объективность и всесторонность являются основой диалектического метода познавательной деятельности.

В уже упоминаемом нами труде «Теория доказательств в советском уголовном процессе» объективности, всесторонности и полноте придается статус основы доказывания. Указывается, что есть два принципа, которые охватывают институты и нормы всего процессуального права. Это: а) принцип законности, б) принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. Их содержание и значение раскрываются в других, более конкретных принципах уголовного

⁴⁰⁰ В 2005 году, согласно данным опроса, проведенного Л.В. Поповой в рамках диссертационного исследования, руководствуются рассматриваемым положением 87,5 % следователей и 100 % судей. Опрос проводился в различных регионах России. Как видим, ситуация кардинально не меняется. Подробнее см.: Попова, Л.В. Актуальные вопросы обеспечения всесторонности при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2005. С. 4.

процесса⁴⁰¹. И если учитывать, что законность авторы понимают здесь как общеправовой принцип, то первым среди процессуальных принципов идет именно объективность, всесторонность и полнота. Со ссылкой на работы М.А. Чельцова и других ученых авторы констатируют, что указанный принцип находит выражение во всех институтах доказательственного права⁴⁰².

А.С. Барабаш отводит всесторонности, полноте и объективности ведущую роль в организации уголовно-процессуальной деятельности. Автор считает, что этот принцип является основным познавательным принципом, выражающим суть публичного начала уголовного процесса⁴⁰³. Подобные выводы и суждения можно найти и у иных авторов⁴⁰⁴.

Особенное положение всесторонности, полноты и объективности подталкивает некоторых ученых к приданию этим понятиям особого статуса, отличного от статуса принципа уголовного процесса. Так, В.С. Бурданова рассматривает эту триаду и как **цель доказывания**, и как **метод исследования**. При этом при расшифровке всесторонности как цели доказывания автор указывает, что это означает установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, а суть всесторонности как метода сводит к обязательному выполнению максимально общего требования к познавательной деятельности субъекта доказывания⁴⁰⁵.

Мы уже писали выше о недопустимости обозначать объективность, всесторонность и полноту как цель уголовного процесса, тем более, когда она понимается и как метод. Метод с целью или, иными словами, способ достижения результата и представление о результате никак совпадать не могут. Тем не менее впервые, пожалуй, обращается внимание на

⁴⁰¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе /отв. ред. Н.В. Жогин. С. 327–328.

⁴⁰² Там же. С. 29.

⁴⁰³ Барабаш А.С. Указ. соч. С. 104.

⁴⁰⁴ См., например: Ахмадуллин А.С. Указ. соч. С. 38; Печников Г.А. Указ. соч. С. 17; Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. С. 26; Гармаев Ю.П. Проблема обеспечения всесторонности и полноты расследования по новому Уголовно-процессуальному кодексу // Консультант-Плюс; Питерцев С.К. Новый взгляд на роль категорий всесторонности, полноты и объективности в управлении расследованием преступлений // Правоведение. 2002. № 3. С.172–178 и др.

⁴⁰⁵ Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. С. 26.

объективность, всесторонность и полноту исследования с позиции метода, хотя, конечно, без достаточного пока основания.

О том, что всесторонность, полнота и объективность могут иметь иной статус, нежели принцип уголовного процесса, было замечено еще в конце 60-х годов. Тогда говорилось о том, что это метод достижения объективной истины по делу⁴⁰⁶. Это в целом (то есть если не обращать пристальное внимание на слово «метод») попадало в ту традицию, которая была задана ранее Строговичем и Чельцовым. Понимание же объективности, всесторонности и полноты как ведущего или основного принципа, всех устраивало и сомнений не вызывало, в силу того, что это положение было нормативно закреплено. Однако В.Т. Томин, соглашаясь с тем, что объективность, всесторонность и полнота есть средство достижения объективной истины, отмечал: «Я также считаю, что такого принципа в отечественном процессе нет... По моим расчетам, анализируемое общее положение есть средство... средство реализации принципа объективной истины»⁴⁰⁷.

Наиболее четкое представление о всестороннем, полном и объективном исследовании как методе мы находим у Н.Г. Стойко. Он говорит о следственном или «научном» методе, суть которого как раз и заключается в рассматриваемых положениях. «Научный» метод – это способ всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела в целях обнаружения истины. Он требует от каждого органа государства, участвующего в уголовном процессе, не придерживаться какой-то одной, заранее предустановленной позиции, а выдвигать и проверять все возможные версии как обвинительного, так и оправдывающего характера, выявляя каждое обстоятельство, необходимое для защиты законных интересов как обвиняемых, так и потерпевших. В итоге должны быть исключены все версии, кроме одной (когда сформирована система доказательств, в которой

⁴⁰⁶ Николайчик Н.И., Матвиенко Е.А. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования. Минск, 1969. С. 144–146.

⁴⁰⁷ Томин В.Т. Указ. соч. С. 287.

каждое доказательство необходимо, а все вместе достаточны для формулирования достоверных ответов на все вопросы, поставленные на разрешение перед судом)»⁴⁰⁸. И далее, по поводу отсутствия указания на всесторонность в современном УПК РФ, автор пишет, что официально на необходимость использования следственного метода он не указывает. Однако сам метод реально вытекает из целого ряда статей УПК РФ. Автор, проводя сравнительное исследование, пишет о закреплении такого же метода в уголовно-процессуальных законах Франции и Германии⁴⁰⁹.

Новое дыхание рассуждение об объективности, всесторонности и полноте появилось после разработки Следственным комитетом законопроекта, который содержит положения об объективной истине как цели доказывания и нормативном закреплении объективности, всесторонности и полноты. Целый ряд авторов вновь указали на то, что достичь объективной истины можно только путем объективного всестороннего исследования, прямо называя его способом, средством, путем достижения истины. Свое отношение к истине как цели доказывания мы уже высказывали. Гораздо важнее отметить, что получение знания о преступлении с позиции большинства ученых возможно только путем объективного всестороннего и полного исследования⁴¹⁰.

Можно сделать однозначный вывод об особом статусе объективности, всесторонности и полноты в существующей уголовно-процессуальной деятельности. Это вытекает и из ситуации с «остатками» нормативного закрепления этого положения в законе и подзаконных нормативных актах, описанной в начале параграфа, и из анализа судебной практики. Таков

⁴⁰⁸ Стойко Н. Г. Указ. соч. С. 102.

⁴⁰⁹ Там же. С. 115.

⁴¹⁰ См., напр., Азаров В.А. Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С.7-10; Волеводз А.Г. Истина в уголовном судопроизводстве: точки зрения, сомнения и аргументы науки // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С.5-6; Орлов Ю.К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С.192-198; Печников Г.А. Диалектика и уголовный процесс // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С.199-208; Шейфер С.А. О законопроекте «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С.280-287.

результат и проведенного нами опроса и обобщения практики прокурорского надзора.

В ходе анкетирования, в частности, 78 % респондентов указали на то, что отмена процессуальных, судебных решений по мотивам необъективного, невсестороннего и неполного исследования имеет место быть, а более половины указали на достаточную частоту таких отмен.

Этот вывод подтверждается исследованием 213 постановлений прокуроров о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия или дознания за 2008–2011 годы, вынесенных на территории Красноярского края. Так, 117 (55 % от числа изученных) из них были вынесены по мотивам недоказанности, недостаточности доказательств, неустановления необходимых обстоятельств по делу и т.п., что мы связываем с нереализацией в ходе расследования требования объективности, всесторонности и полноты. Часть постановлений (30, что составляет 14 % от числа изученных) прямо указывают на неполное или необъективное расследование в ситуации недоказанности вины обвиняемого или иных обстоятельств, подлежащих доказыванию. Оставшаяся часть (66 постановлений, 31 % от числа изученных) отменена по техническим причинам (технические ошибки, опечатки, нарушение процедуры ознакомления с материалами дела, отсутствие подписи и т.п.).

Многие исследователи интуитивно чувствовали, что объективности, всесторонности и полноте «тесно» в роли принципа. Особенно это стало заметно, когда формальное отсутствие этого положения не помешало его существованию в правоприменительной практике.

На данный момент мы можем сделать утверждение, что в качестве метода публичного уголовного процесса выступает именно единое требование объективности, всесторонности и полноты исследования. Там, где необходимо реализовать общественный интерес, – нет иного пути предварительного и судебного расследования. Метод этот сформировался за многие века, когда в результате многократных повторений актов

деятельности достигалась ее цель. И если изначально, в период формирования деятельности, нет возможности объяснить зависимость между результатом деятельности и ее методом, происходит переоценка случайных, несущественных деталей процедуры, то постепенно эта зависимость выясняется и метод применяется уже осознанно, как очищенный от всего того, что ранее переоценивалось⁴¹¹. Именно это и происходило с процессом, основанном на публичном начале.

Как показал проведенный нами опрос сотрудников правоохранительных органов и адвокатов, более половины респондентов считают, что без реализации данного требования невозможно установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию. Мы подтвердили правильность этой мысли философскими аргументами. Приняв такую цель, заданную законодателем как установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, получение о них достоверного знания, субъект не имеет иной возможности ее достигнуть, кроме как объективным и всесторонним исследованием. Нам не удалось найти более ни одного положения, которое было бы настолько прочно связано с достижением указанной цели, как объективность, всесторонность и полнота исследования, и это очевидно, поскольку это единственное общее требование к движению познания в уголовном процессе.

Но как произошла трансформация того, что в философии называют принципом диалектического познания, в метод уголовно-процессуальной деятельности? Считаем, что особой трансформации здесь не было. Речь скорее идет о применении всеобщего диалектического метода в рамках конкретной области человеческой практики.

Мы выяснили, что всесторонность, полнота и объективность – философские категории, выражающие сущность и являющиеся основой диалектического метода познания, который, в свою очередь, основа современного научного познания. Если так, то диалектический метод есть

⁴¹¹ Подробнее об этом см.: Нажимов В.П. Типы, формы и виды уголовного процесса. Калининград, 1977. С. 8.

основа и уголовно-процессуального познания. В уголовном процессе наличие этой основы и выражается через категории объективности, всесторонности и полноты, которые именно для уголовного процесса и являются методом. Более того, закрепив в законе указание на диалектический метод непосредственно, законодатель породил бы ситуацию неопределенности, так как даже в рамках философии нет единства по поводу многих его аспектов. Объективность, всесторонность и полнота – категории более конкретные, и они способны быть включенными в деятельность непосредственно.

Когда мы говорим, что объективное, всестороннее и полное исследование есть метод уголовного процесса, мы также основываемся на том, что принципы диалектики должны быть представлены в виде регулятивов, норм, обладающих свойствами объективности, всеобщности и необходимости для конкретной деятельности⁴¹². И в этом плане нет ничего противоречивого в том, что основной принцип диалектического метода, выражающий его и разворачивающийся в системе иных диалектических принципов в такой сфере, как уголовный процесс, играет роль метода.

Ранее нами был сделан вывод о том, что метод проявляется как непосредственно, так и через систему принципов, им порожденную. И он же – основа системы принципов определенной деятельности, «разворачивается» в них, а каждый принцип при этом – частное проявление метода. Сказанное означает, что основой системы принципов уголовного процесса является объективность, всесторонность и полнота, и не может существовать в процессе такого принципа, который вступает с методом в противоречие. Но может ли быть такая основа вне нормативного закрепления? Очевидно, нет.

Мы никогда не сможем отразить в законе (да это и не нужно) всех положений теории познания. Но мы должны задать основу для познавательной деятельности. Отсутствие нормативного закрепления основы системы принципов влечет не менее неприятные последствия, чем

⁴¹² Кохановский В.П. Указ. соч. С. 215.

отсутствие нормативного закрепления самого принципа, о чем мы писали выше. В связи с этим мы твердо убеждены в необходимости возвращения в закон нормы об объективности, всесторонности и полноте исследования. Практика и теоретические изыскания показывают, что без этого требования правоприменитель в области уголовного процесса обойтись не может, а его невыполнение – одна из основных ошибок следствия и судебных разбирательств сегодня⁴¹³, как и в прошлое время. Но он должен ориентироваться на закон и не гадать: а все же есть объективность, всесторонность и полнота или нет? И как быть? Не приведут ли подобные гадания к извращенным вариантам понимания своих прав и обязанностей?

Место такому нормативному закреплению – перед главой о принципах уголовного процесса. Не в ней, так как объективность, всесторонность и полнота основа системы принципов, то есть как бы за рамками самой системы. И эта основа должна быть задана там же, где речь идет о целях и задачах уголовно-процессуальной деятельности. Действующий закон не содержит части именно с таким наполнением, хотя описание деятельности без указания на ее цели, задачи и метод выглядит странно. Очевидно, что именно с главы о целях, задачах и методе должен начинаться уголовно-процессуальный закон. Пока же о его принятии в законодательных органах речи не идет, зафиксируем то, каким мы видим норму, закрепляющую метод.

Формулировка указанной нормы выглядит, по нашему мнению, так:

Статья X. Метод уголовно-процессуальной деятельности

В рамках уголовного судопроизводства дознаватель, следователь, прокурор, суд должны руководствоваться объективностью, всесторонностью и полнотой исследования, а именно установить все необходимые связи между доказательствами, которые позволяют сделать обоснованный вывод об отдельном обстоятельстве, подлежащем

⁴¹³ Так, невыполнение этих требований следователем А.Д. Назаров относит к пробелам предварительного расследования и к одной из основных следственных ошибок. См.: Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. СПб., 2002. С. 63–64.

доказыванию, или обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в системе.

При этом мы намеренно ушли от указаний на частные случаи объективности, всесторонности и полноты или, наоборот, необъективности, невсесторонности и неполноты, так как есть серьезные опасения, что именно этими частными случаями для практических работников понимание объективности, всесторонности и полноты ограничится.

Из нормативного описания убрана также та часть, которая касается непосредственно объективности, а именно формулировка «на основании объективных законов познания». Сделано это по тем соображениям, что в силу единства объективности, всесторонности и полноты указание лишь на последние два указывает и на объективность, а указание в нормативно-правовом акте на положения теории познания может привести к спекуляциям при толковании закона или его применении.

Свой вариант нормативного закрепления объективности, всесторонности и полноты исследования был предложен в 2012 году Следственным комитетом⁴¹⁴. Объективность, всесторонность и полнота в нем рассматриваются как одно из основных условий достижения объективной истины, понимаемой как «соответствие действительности установленных по уголовному делу обстоятельств, имеющих значение для его разрешения».

В соотношении с предложенным пониманием объективной истины остается непонятным, как объективность, всесторонность и полнота могут помочь установить именно соответствие установленных обстоятельств действительности, которой уже нет (если вести речь о самом преступлении). На данный момент законопроект еще даже не внесен в Государственную думу. Тем не менее, нельзя не отметить и огромного положительного эффекта от опубликованного текста законопроекта и общей его положительной оценки со стороны ученого сообщества. Вполне вероятно это

⁴¹⁴ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // <http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551>

первый шаг на пути к закреплению объективности, всесторонности и полноты в законе и изменению всего уголовного процесса в соответствии с этим методом.

Определение всесторонности, полноты и объективности как метода отечественного уголовного процесса открывает серьезные перспективы в его исследовании и понимании. Чтобы понять какие, мы будем опираться на выведенные ранее характеристики метода.

Для нормальной реализации метода в силу его императивности из деятельности должны уйти все элементы, которые мешают методу. В этом плане все, что не позволяет в полной мере реализоваться всесторонности, полноте и объективности исследования, должно быть исключено из уголовно-процессуального закона. И, наоборот, все, чего методу не хватает в форме деятельности, должно быть туда добавлено.

При определении метода удастся четко ответить – состязателен ли наш процесс или нет, так как состязательность как начало уголовного процесса и всесторонность, полнота и объективность исследования несовместимы. Впрочем, с точки зрения большинства ученых последнее утверждение более чем спорно. Попробуем с ним разобраться.

Еще в советское время состязательность как принцип и объективность, всесторонность и полнота достаточно спокойно рассматривались в единой системе принципов без указания на какие-то противоречия⁴¹⁵. И эта традиция достаточно легко перешла и укрепилась в сегодняшнем дне. Более того, оба этих положения многими рассматриваются как органические элементы, одно без которого просто невозможно. Видимо, это вызвано тем, что от объективности, всесторонности и полноты отказаться тяжело, а слово «состязательность» есть в законе.

Так, например, А.Д. Бойков указывает на состязательность как на «инструмент судебного познания», направление которого – объективное и

⁴¹⁵ См., например: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 149–158.

всестороннее исследование обстоятельств дела в границах обвинения и предмета доказывания»⁴¹⁶.

Ю.К. Якимович пишет о вполне возможной совместимости этих положений⁴¹⁷. С.А. Шейфер считает, что с невозможностью совместить состязательность и всесторонность (а именно так, по его мнению, считают авторы УПК РФ, потому и убрали указание на всесторонность) нельзя согласиться уже только по «соображениям логики»⁴¹⁸, и далее специально рассматривает этот вопрос. В частности, он пишет, что само по себе сосуществование в УПК РФ принципа состязательности (ст. 15) с принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выраженном в различных статьях УПК РФ, снимает вопрос об их несовместимости. С последним согласиться крайне трудно в силу того, что текст закона не является критерием эффективности деятельности на основе этого закона, и то, что порой можно соединить в тексте, нельзя совместить и применить к общественным отношениям в действительности. Мнение же о симбиозе состязательности и объективности, всесторонности, полноты стало достаточно популярным для современной науки⁴¹⁹.

А.Л. Оболкина со ссылкой на интервью К.Ф. Гуценко указывает на то, что всесторонность, объективность и полнота исследования обстоятельств дела являются теперь следствием действия принципа состязательности сторон. Ведь в споре рождается истина, а в уголовном процессе истина может родиться лишь в том поединке, который протекает в условиях состязания, когда стороны наделены равными правами, имеют равные возможности по отстаиванию своих позиций. Поэтому уже само утверждение принципа состязательности сторон служит признанием того, что обстоятельства дела должны исследоваться всесторонне, полно и

⁴¹⁶ Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990-1996 гг. М., 1997. С. 65–66.

⁴¹⁷ Якимович Ю.К., Пан Т.Д. Указ. соч. С. 129.

⁴¹⁸ Шейфер С.А. Указ. соч.

⁴¹⁹ Кузнецов Н.П. Указ. соч. С. 27; Попова Л.В. Указ. соч. С.15; Галоганов Е.А. Проблемы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 9.

объективно, то есть качественно, но «без того чрезмерного, вредящего делу рвения, в результате которого осужденным может оказаться и невиновный»⁴²⁰.

Именно возможность такого «чрезмерного стремления», по мнению К.Ф. Гуценко, и является причиной отказа законодателя от прямого декларирования принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. И его мысли частично подтверждаются словами Е.Б. Мизулиной о «полицейской направленности» проекта УПК РФ, принятом в первом чтении, которые мы приводили ранее.

Можно найти еще множество примеров в уголовно-процессуальной литературе, где авторы, следуя за законодателем, который и от объективности, всесторонности и полноты избавиться не смог и состязательность закрепил, пытаются соединить их и указать на единство рассматриваемых положений. Хотя в этом плане авторы принятого УПК, если опираться на мнение того же С.А. Шейфера, а также в свете сожалений С.А. Пашина, на которые мы также ссылались, как раз исходили из несовместимости состязательности и объективного, всестороннего и полного исследования. Те, кто готовил проект уголовно-процессуального закона, наверняка прекрасно понимали, что при правильном понимании объективность, всесторонность и полнота убивает идею построения процесса на основе состязательности.

Тем не менее, и в судебной практике можно найти примеры удачного сосуществования объективности всесторонности и полноты с состязательностью. Чаще всего, указание на то, что соблюдено и то и другое является высшей оценкой проведенной судом первой инстанции работы. К сожалению, из текстов судебных решений не усматривается ничего более

⁴²⁰ Оболкина А.Л. Указ. соч. С. 131–132; Гуценко К.Ф. О новом Уголовно-процессуальном кодексе РФ // Законодательство. 2002. № 6. С. 2-9.

самого упоминания о том, что и всесторонность и состязательность соблюдены⁴²¹.

Состязательный процесс – это не тот процесс, в котором у органов государство есть обязанность исследовать все обстоятельства, важные для квалификации, а тот, где органы государства создают возможность для доказывания сторонами своих позиций. И в этом плане понимание статуса состязательности у авторов закона скорее было близко к тому, что это есть начало уголовного судопроизводства, нежели принцип или что-то еще.

Как же понимают состязательность те, кто пишут о ее совмещении с объективностью, всесторонностью и полнотой? Об этом мы писали в первой главе, когда пришли к выводу, что состязательность сегодня понимается как всего лишь разделение обвинения и защиты, равноправие сторон в суде и активность суда в исследовании доказательств. Но это ли состязательность? В частности, мы уже писали, что если речь идет о равенстве прав участников судебного разбирательства, то это необходимость для достижения целей публичного процесса и обеспечение этого равенства есть принцип именно такого процесса. Писали мы и о невозможности в рамках состязательности быть активным субъектом (с точки зрения объективного познания) со стороны органа, принимающего решения по делу.

В рассматриваемом аспекте состязательность поглощается положениями, которые считаются производными от нее. В первую очередь – требованием об обеспечении равенства прав участников судебного разбирательства. Именно последнее следует рассматривать как принцип российского уголовного процесса. То же самое можно сказать об активности суда, которая вытекает как раз из требования всесторонности, полноты и объективности. Обратим внимание, что сферой действия состязательности считается судебное разбирательство. Несмотря на то, что некоторые авторы

⁴²¹ См., например, Определение Красноярского краевого суда от 19.07.2012 по делу 22-6149/2012; Определение Красноярского краевого суда от 31.07.2012 по делу 22-6506/2012; Определение Красноярского краевого суда от 17.07.2012 по делу 22-5749/2012; Определение Красноярского краевого суда от 21.06.2012 по делу 22-5341/2012; Определение Томского областного суда от 29.11.2012 по делу 22- 5425/2012 и др.

находят его и на предварительном следствии, и в рамках подготовки к судебному разбирательству⁴²², и даже в рамках возбуждения уголовного дела⁴²³, большинство ученых все же склоняются к распространению состязательности в том виде, в котором было описано выше, только на судебное разбирательство.

Такое российское понимание состязательности очень специфично и ведет свою историю еще с дореволюционного периода. Присуще оно, пожалуй, только отечественной науке. Трудно представить себе разговор об активности суда, например, в англо-американском уголовном процессе XIX века и ранее, являющегося более или менее образцом выражения «чистой» состязательности. И если под состязательностью понимать независимость суда, активность суда, равенство прав участников судебного разбирательства, то мы согласны – да, такая состязательность совместима и даже производна от всесторонности, полноты и объективности исследования. Вот только навряд ли стоит называть это состязательностью?

Если уж говорить о реализации истинной состязательности, которая действительно несовместима с объективностью, всесторонностью и полнотой, то можно привести в пример цитату одной из работ И.Л. Петрухина. Говоря о реализации состязательности, он предлагает распространять ее не только на судебное разбирательство. По его мнению, необходимо преобразовать всю систему правоохранительных органов. В итоге автор делает вполне логичное в данном ключе заключение: «Не будет подлинно состязательного судебного процесса, если не предоставить адвокату права самостоятельно собирать и представлять суду

⁴²² См., например: Егоров А. Ю. Состязательность в стадии назначения судебного заседания : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003; Осипков Е.Н. Действие принципа состязательности сторон на этапе подготовки к судебному заседанию в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук Оренбург, 2007 и др.

⁴²³ Дадонов С.В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Бусыгин А.Ю. Действие принципа состязательности на досудебном производстве в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2009; Сардарян Н.Т. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010 и др.

доказательства»⁴²⁴. Или, например, сюда можно отнести призывы лишить суд активности в исследовании доказательств, так как это несовместимо с состязательностью, сводя его роль в судебном заседании к выслушиванию мнений, аргументов сторон и вынесению на основе их оценки окончательного решения⁴²⁵.

Отсутствие четкого, единого, имеющего свою твердую основу понимания состязательности и приводит к такому разбросу мнений. Практические работники также путаются в понимании и состязательности, и возможности существования объективности, всесторонности и полноты совместно с ней. Так, 74 % работников правоохранительных органов и адвокатов вполне уверенно отмечают, что да, и состязательность и объективность, всесторонность и полнота совместимы, большинство руководствуются этими положениями в своей деятельности, но процесс российский все же 47 % респондентов не считают состязательным.

С точки зрения выработанного нами понимания состязательности как начала и состязательной формы ответ о совместимости состязательности и объективности, всесторонности и полноты очевиден. Они несовместимы. Вообще. Объективность, всесторонность и полнота – это основа познавательной схемы публичного процесса. Того процесса, который основан на преобладании общественного интереса над частным. В содержании классической состязательной уголовно-процессуальной деятельности исключена активность органа, принимающего итоговое решение, и все исследование, а также представление результатов исследования возлагается на стороны. Каков здесь метод познавательной деятельности суда? Разве может им выступать единство диалектической и формальной логики, в основе которого лежит всесторонность, полнота и

⁴²⁴ Петрухин И.Л. Указ. соч. С. 137.

⁴²⁵ См., например: Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. 1998. № 3. С. 60; Шестакова С.Д. Указ. соч. С. 47; Джатиев В.С. Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владикавказ, 1995. С. 40; Пашин С.А. Проблемы статуса судей и возрождения суда присяжных в контексте российской судебной реформы // Нормативные материалы о судьях и суде присяжных. М., 1994. С. 15 и др.

объективность исследования? Нет. Суть состязательности, как мы выяснили, в споре. Итоговое решение в пользу того, кто лучше к спору готов. Если допустить, что суд в состязательном процессе начнет работать объективно, всесторонне и полно применительно к доводам сторон, то состязательность заканчивается сразу же, так как нельзя быть чуть-чуть всесторонним. Суд будет вынужден проявлять активность, если прибегнет к рассматриваемой триаде. Объективное, всестороннее и полное исследование метод не состязательного, а публичного процесса. А потому в рамках одной системы понятий не могут существовать состязательность как начало уголовного процесса и объективность, всесторонность и полнота как метод, являющийся сутью публичного начала⁴²⁶.

⁴²⁶ Подобную мысль высказывал и В.С. Балакшин. Он писал: «Может ли суд обеспечить требования уголовно - процессуального закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, реализуя в буквальном смысле принципы состязательности и равноправия сторон и занимая пассивную позицию? По моему глубокому убеждению, нет». Свое убеждение автор подкрепил примерами из судебной практики. См. Балакшин В.С. Состязательность или оптико-акустический обман? // Законность. 2001. № 12. С.13-14.

Заключение

Проведенное исследование позволило обосновать наличие и содержание понятия метода уголовного процесса в качестве той основы, вокруг которой и должно происходить построение деятельности, а также ее нормативное описание.

Для этого нам потребовалось пройти путь от понятия «начало уголовного процесса» до собственно конкретного наполнения самого метода уголовного процесса. Путь этот был обусловлен тем, что ранее понятие метода уголовного процесса не исследовалось, и необходимо было максимально подробно показать, какое именно место он занимает в структуре уголовно-процессуальной деятельности и в системе основных понятий уголовно-процессуальной науки.

Было дано обоснованное определение началу уголовного процесса – понятию забытому и возрожденному не в полной мере лишь недавно. Начало уголовного процесса - такое соотношение частных интересов и общественных, при котором одни преобладают над другими и которое сложилось в обществе (конкретном социуме) под влиянием объективных факторов на протяжении всего его развития. Это позволило понять, чем обусловлена в основных своих элементах уголовно-процессуальная деятельность. Выделив два возможных начала (исходя из двух видов интереса) – состязательное и публичное, мы осуществили переход к форме как к тому, в чем начало реализуется индивидуально, исходя из исторических особенностей каждого народа. Именно в форме, а не в модели, которая не может существовать объективно, а является лишь инструментом исследования.

Однако каковы бы ни были эти исторические возможности, есть три основных элемента формы, которые устойчивы и зависят от начала уголовного процесса – речь о целях, субъектах деятельности и

познавательной схеме, точнее – ее основе. И в этом смысле форма должна соответствовать началу уголовного процесса. При ином варианте деятельность не может быть эффективной, так как ее форма будет противоречить исторически сложившемуся представлению об уголовном процессе и, как следствие, «социальному заказу» на него. Еще хуже – смешение форм через смешение основных ее элементов.

Таким образом, чтобы понять, соответствует ли отечественный процесс публичному его началу (а именно из него мы исходили в исследовании, считая его обоснованным ранее другими учеными), нужно понять, каковы его цели, субъект и основа познавательной схемы. Решив сосредоточиться на работе с последним аспектом, мы справедливо полагали, что это позволит рассмотреть и цели, и вопрос о субъекте, так как именно процесс познания является связующим звеном между ними.

Выделив ранее суть публичности термином «познание», автор пришел к выводу, что уголовно-процессуальное доказывание (стержневая часть уголовного процесса) строится на достижениях гносеологии, в частности, на разработанном диалектическом методе познания и формальной логики. На нынешний день имеется множество взглядов на диалектику, в том числе и крайне критических. Существует и множество теорий познания. Но проанализировав их, мы пришли к выводу, что адекватной замены тому, что разработано и сохранило устойчивость под термином «диалектика», и это подтверждается практической деятельностью и т.п., не существует.

Указанные выводы позволили в полной мере обратиться к философскому материалу и сосредоточиться на понимании того, что является основой познавательной деятельности, – на методе. Вот что было выяснено о методе познавательной деятельности:

1. Метод определяется целью деятельности, выполняет наряду с целью организующую деятельность функцию;

2. Без осознания субъектом метода, эффективная деятельность и достижение цели проблематично; осознание же наоборот, позволяет достичь цели по оптимальному пути;

3. Метод есть знание по своей сути и выступает содержанием деятельности, что позволяет экстраполировать на его отношения с формой деятельности положения диалектики о взаимоотношении содержания и формы;

4. Метод проявляется как непосредственно, так и через систему принципов им порожденную. Метод есть основа системы принципов определенной деятельности, «разворачивается» в них. Каждый принцип при этом – частное проявление метода.

5. Метод в деятельности не появляется раньше формы, но одновременно с ней;

6. Метод императивен постольку, поскольку он реально обусловлен целью и согласуется с формой деятельности.

Положение о том, что у каждой деятельности (а значит, и у уголовного процесса) есть свой метод, позволило нам определить метод уголовного процесса как – основу системы принципов уголовного процесса, выполняющая также роль самостоятельного требования к субъектам уголовно-процессуальной деятельности (в тех случаях, когда не сформулирован тот или иной принцип) на всех стадиях уголовного процесса, где осуществляется доказывание, без выполнения которого невозможно достижение познавательной цели уголовного процесса.

При этом данное понятие является для науки уголовного процесса новым, ранее встречавшимся лишь в виде интуитивного обозначения. Через выделенные характеристики метода, а именно – его обусловленности целью, необходимо было понять, какое конкретное наполнение имеет метод уголовного процесса.

Сосредоточившись на определении познавательной цели, мы определили, что истина на эту роль не подходит. Гораздо более конкретной и

способной организовать деятельность выглядит такая формулировка цели, как «установление обстоятельств, подлежащих доказыванию».

При такой формулировке цели методом может называться только одно положение – объективное, всестороннее и полное исследование. Последовательность, в которой названы элементы, не случайна – это следствие философского анализа, в результате которого был восстановлен изначальный смысл объективности не как объективности исследователя (беспристрастности), а как объективности исследования.

Философский анализ этого требования позволил ближе подобраться к его сущности. Было выяснено, что объективность, всесторонность и полнота являются основным, единым требованием диалектического метода познания. Требование это означает, что для проникновения в сущность объекта на основании объективных законов познания должны быть рассмотрены все возможные его явления (связи с иными объектами) в границах, заданных целью исследования. Вывод относительно сущности объекта должен быть основан на достаточном для него количестве данных. При этом не забываем о том, что данное требование распространяется не только на итоговый вывод исследования, но и на промежуточные необходимые выводы.

В этом плане единство объективности, всесторонности и полноты можно рассматривать так, что объективность реализуется через всесторонность, а полнота есть часть всестороннего рассмотрения, количественная его характеристика.

Реализовать все объективные законы познания можно, только если работать со всеми необходимыми в границах исследования явлениями исследуемого объекта, то есть всесторонне. И наоборот, выделение и исследование всех сторон возможно только на основе законов формальной и диалектической логики.

Наработанное позволило критически отнестись к тому содержанию, которое вкладывается в объективность, всесторонность и полноту в теории уголовного процесса.

В работе показано, что всесторонность – это не выдвижение и рассмотрение всех возможных версий, так как формирование версий происходит за рамками процесса доказывания, а их рассмотрение как раз и должно происходить всесторонне. Всесторонность – это не установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, так как последнее цель процесса. Всесторонность – требование к процессу достижения цели.

Полнота в уголовном процессе, как и в философии, это не синоним всесторонности, а ее аспект, через который реализуется закон достаточного основания. Полнота – достаточность для промежуточного или итогового вывода, основанная на всестороннем изучении всех выделенных сторон-явлений. Объективность – очевидно, не беспристрастность субъекта. В уголовно-процессуальной науке встречалось и указание на объективность как на требование к субъекту основываться в своей познавательной деятельности на объективных законах познания. С учетом философского анализа этого понятия мы присоединяемся к такому выводу. Беспристрастный субъект, не основывающийся на законах формальной и диалектической логики, – такое возможно. Не быть беспристрастным в обратном случае – нельзя.

Таким образом, объективность, всесторонность и полноту исследования можно определить как требование на основании объективных законов познания (объективность) установить все необходимые связи между доказательствами, фактическими данными (всесторонность) которые позволяют сделать обоснованный вывод (полнота) об отдельном обстоятельстве, подлежащем доказыванию, или обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в системе.

Особый статус объективности, всесторонности и полноте придается как теоретиками, так и судебными инстанциями и практическими работниками. На данный момент мы можем сделать утверждение, что в качестве метода публичного уголовного процесса выступает именно единое требование объективности, всесторонности и полноты исследования. Там, где

необходимо реализовать общественный интерес, - нет иного пути предварительного и судебного расследования. Метод этот сформировался за многие века, когда в результате многократных повторений актов деятельности достигалась ее цель.

Мы никогда не сможем отразить в законе (да это и не нужно) всех положений теории познания, но должны задать основу для познавательной деятельности. Отсутствие нормативного закрепления основы системы принципов влечет не менее неприятные последствия, чем отсутствие нормативного закрепления самого принципа. В связи с этим мы твердо убеждены в необходимости возвращения в закон нормы об объективности, всесторонности и полноте исследования. Практика и теоретические изыскания показывают, что без этого требования правоприменитель в области уголовного процесса обойтись не может, а его невыполнение одна из основных ошибок следствия и судебных разбирательств сегодня, как и в прошлое время. Следовательно, суд должны ориентироваться на закон и не гадать: а все же, есть объективность, всесторонность и полнота или нет? И как быть? Не приведут ли подобные гадания к извращенным вариантам понимания своих прав и обязанностей?

Место такому нормативному закреплению - перед главой о принципах уголовного процесса. Не в ней, так как объективность, всесторонность и полнота основа системы принципов, то есть как бы за рамками самой системы. И эта основа должна быть задана там же, где речь должна идти о целях, задачах. Действующий закон не содержит части именно с таким наполнением, хотя описание деятельности без указания на ее цели, задачи и метод выглядит странно. Очевидно, что именно с главы о целях, задачах и методе должен начинаться новый уголовно-процессуальный закон. Пока же о его принятии в законодательных органах речи не идет, зафиксируем то, каким мы видим норму, закрепляющую метод.

Формулировка указанной нормы выглядит, по нашему мнению, так:

Статья X. Метод уголовно-процессуальной деятельности

В рамках уголовного судопроизводства дознаватель, следователь, прокурор, суд должны руководствоваться объективностью, всесторонностью и полнотой исследования, а именно установить все необходимые связи между доказательствами, которые позволяют сделать обоснованный вывод об отдельном обстоятельстве, подлежащем доказыванию, или обо всех обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в системе.

Данное исследование может иметь своим продолжением более подробную расшифровку того, как объективность, всесторонность и полнота должны перестроить процесс, чтобы он был эффективным, так как изменения должны коснуться и части общих положений (указание на цели, задачи), и части субъектов, чтобы они в полной мере могли действовать объективно, всесторонне и полно и в части доказывания, чтобы познавательная схема была основана на методе. По крайней мере, если основываться на публичном начале уголовного процесса, все, что мешает реализоваться объективности, всесторонности и полноте, должно из закона уйти. И наоборот, все, чего не хватает для реализации метода, – должно появиться. Принятие публичности и присущего ей метода может стать той основой, на которой возможно построение отечественного уголовного процесса, соответствующего его назначению сегодня и сохраняющего связь с прошлым страны.

Список использованных источников и литературы

Нормативно-правовые документы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 №174-ФЗ (ред. от 21.07.2011) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч.1). – Ст. 4921; 2011. – № 30 (ч.1). – Ст. 4601.
2. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // КонсультантПлюс.
3. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // КонсультантПлюс.
4. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 // РГ. – 2010. – №147.
5. О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. № 2 (ред. от 18.04.1986) // КонсультантПлюс.
6. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.12.2009 г.) // РГ. – 1999. – № 24; 2009. – № 239.
7. О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 2.
8. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 (ред. от 06.02.2007 г.) // БВС РФ. – 1996. – № 7; 2007. – № 5. – С. 13–25.

9. О судебном приговоре : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 №4 (ред. от 26.04.1984 г.) // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986). – М., 1987.

10. Об обеспечении всесторонности, полноты и объективности рассмотрения судами уголовных дел : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 1987 г. №1 (ред. от 21.12.1993 г.) // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда РФ, 1961–1993. – М., 1994.

11. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : приказ Генпрокуратуры РФ от 6 сентября 2007 г. №137 (ред. от 28.12.2007 г.) // Законность. – 2007. – № 11. – С. 53–58.

12. Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве : приказ Генпрокуратуры РФ от 27 ноября 2007 г. № 189 // Законность. – 2008. – № 2.

13. Об утверждении Инструкции о процессуальной деятельности органов дознания Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в которых законом предусмотрена военная служба : приказ Генпрокуратуры РФ от 18 января 2008 г. №20 // КонсультантПлюс.

14. Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации : приказ Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. №1 // КонсультантПлюс. Определение Верховного Суда РФ от 10.05.2006 № 72-о06-15сп // КонсультантПлюс.

15. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // [http:// www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551](http://www.sledcom.ru/discussions/?SID=3551)

16. Инструкция об организации обвинения и защиты на суде : постановление Наркомюста РСФСР от 23 ноября 1920 г. // КонсультантПлюс.

Специальная литература

17. Ashworth, A. *The Criminal Process* / Ashworth A. – Oxford : University Press, 2010.

18. Агутин, А. В. Мировоззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Агутин. – Н. Новгород, 2005. – 448 с.

19. Азаров, В. А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: оценка концептуальных основ / В.А. Азаров // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики: межвуз. сб. Вып. 6. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2003. – С. 77- 89.

20. Азаров, В. А. Функциональное содержание и типология современного уголовного процесса России / В.А. Азаров // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27-28 янв. 2005 г.: в 2 ч. - Екатеринбург, 2005. – Ч. 1. - С. 15- 18.

21. Азаров, В. А. Является ли сегодня истина целью российского уголовного судопроизводства? / В.А. Азаров // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (7-8 Февраля 2003 г.). Ч 2. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2003. – С. 75-78.

22. Азаров, В. А. Действительно ли объективная истина – цель доказывания в уголовном судопроизводстве? / В.А. Азаров // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 7–10.

23. Александров, А. И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / А. И. Александров. – СПб. : СПбГУ, 2003. – 561 с.
24. Александров, А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. – Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2003. – 420 с.
25. Александров, А. С. Забыть Фойницкого // http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=257
26. Александров, А. С. Отзыв на автореферат диссертации Барабаша А. С. «Публичное начало российского уголовного процесса» // http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=news&file=article&sid=84
27. Александров, А. С. Что такое "судебная лингвистика" и каково ее отношение к научной догме уголовного процесса / А. С. Александров // Школы и направления уголовно-процессуальной науки: доклады и сообщения на учредит. конф. Междунар. ассоциации содействия правосудию / под ред. А. В. Смирнова. – СПб., 2005. – С. 72–80.
28. Алиев, Т. Т. Основные начала уголовного судопроизводства / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов. – М. : ПРИОР, 2002. – 210 с.
29. Андреева, О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса : автореф. ... д-ра юрид. наук / О. И. Андреева. – Томск, 2007. – 49 с.
30. Анциферов, К. Д. Обвинительное начало и английский процесс / К. Д. Анциферов // Юридический вестник. – 1879. – Т. 3. – С. 431–437.
31. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 2 / Аристотель. – М. : Мысль, 1978. – 687 с.
32. Ахмадуллин, А. С. Проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности предварительного расследования в свете УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Ахмадуллин. – М., 2005. – 448 с.

33. Аширбекова, М. Т. Принцип публичности уголовного судопроизводства: понятие, содержание и пределы действия : дис. ... д-ра юрид. наук / М.Т. Аширбекова. – Волгоград, 2009. – 483 с.
34. Бабаев, В. К. Принципы права / В.К. Бабаев // Общая теория государства и права. – Н. Новгород, 1998. – 203 с.
35. Балакшин В. С. Принципы всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела и некоторые гарантии его обеспечения / В. С. Балакшин // Российский юридический журнал. – 2001. – № 1. – С. 75–81.
36. Балакшин, В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания : Важнейшие проблемы в свете УПК Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. С. Балакшин. – Екатеринбург, 2005. – 62 с.
37. Балакшин, В. С. Состязательность или оптико-акустический обман? / В. С. Балакшин // Законность. – 2001. – № 12. – С. 13–15.
38. Барабаш, Ал. С. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : дис. ... канд. юрид. наук / Ал. С. Барабаш. – Екатеринбург, 2012. – 203 с.
39. Барабаш, А. С. Вклад Ивана Яковлевича Фойницкого в определение места состязательности в российском уголовном процессе // http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=223
40. Барабаш, А. С. Публичное начало российского уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук / А. С. Барабаш. – Красноярск, 2006. – 410 с.
41. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – СПб., 1841. – 297 с.
42. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный. 2010 / Б. Т. Безлепкин // КонсультантПлюс.

43. Белов, М. В. Истина как цель уголовно-процессуального познания / М. В. Белов // Российское право в Интернете. – 2009. – № 2 // <http://www.rpi.msal.ru/prints/200902belov.html>
44. Бердяев, Н. А. Смысл творчества // philosophy.ru
45. Бердяев, Н. А. Философия свободы // philosophy.ru
46. Блинников, Л. В. Краткий словарь философских персоналий // philosophy.ru
47. Бойков, А. Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. / А. Д. Бойков. – М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1997. – 264 с.
48. Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 10 / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – 592 с.
49. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1535 с.
50. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 703 с.
51. Брестер, А. А., Пономарева, В. В. Соотношение метода уголовного процесса и метода правового регулирования уголовно-процессуального права / А. А. Брестер, В. В. Пономарева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 2. – С. 71-77
52. Брестер, А. А., Пономарева, В. В. Становление следственного процесса в России / А. А. Брестер, В. В. Пономарева // Вестник Омского государственного университета, Серия: Право. – 2012. – № 3. – С. 250-257
53. Будянский, С. Г. Прокуратура и судебная власть: статус и соотношение компетенции / С. Г. Будянский // КонсультантПлюс.
54. Бурданова, В. С. Криминалистические проблемы обеспечения всесторонности, полноты и объективности расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. С. Бурданова. – М., 1992. – 55 с.
55. Бурданова, В. С. Поиски истины в уголовном процессе / В. С. Бурданова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 260 с.

56. Бусыгин, А. Ю. Действие принципа состязательности на досудебном производстве в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Бусыгин. – Иркутск, 2009. – 25 с.
57. Бэкон, Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1971. – 590 с.
58. Бэкон, Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1971. – 590 с.
59. Викторский, С. И. Русский уголовный процесс : учеб. пособие / С. И. Викторский. – М. : Городец, 1997. – 448 с.
60. Власьев, Н. С. О вменении по началам теории и древнего русского права: Рассуждение Н. Власьева. – Москва : Унив. тип., 1860. 239с.
61. Волгушев, А. В. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам экономических преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Волгушев. – Н. Новгород, 2007. – 28 с.
62. Волеводз, А. Г. Истина в уголовном судопроизводстве: точки зрения, сомнения и аргументы науки / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 5–6.
63. Володина, Л. М. Проблемы организации и функционирования судебной власти / Л. М. Володина // Мировой судья. – 2006. – № 12. – С.18–24.
64. Всемирная энциклопедия: Философия / сост. А. Грицанов. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001 1312 с.
65. Вышинский, А. Я. Судебные речи / А. Я. Вышинский. – М. : Госюриздат, 1953. – 563 с.
66. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – М. : НКЮ СССР, 1941. – 219 с.
67. Галоганов, Е. А. Проблемы реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Галоганов. – М., 2008. – 30 с.

68. Гармаев, Ю. П. Проблема обеспечения всесторонности и полноты расследования по новому Уголовно-процессуальному кодексу / Ю. П. Гармаев // КонсультантПлюс.
69. Гастаев, Ю. А. Модель // Словарные статьи по системному анализу // <http://victor-safronov.narod.ru/systems-analysis/glossary/model.html>
70. Гегель, Г. Работы разных лет : в 2 т. Т. 2 / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1972. – 630 с.
71. Гегель, Г. Сочинения : в 14 т. Т. 1. Энциклопедия философских наук / Г. Гегель. – М. : Госиздат, 1929. – 437 с.
72. Гегель, Г. Сочинения : в 14 т. Т. 11. Лекции по истории философии. Книга третья / Г. Гегель. – М. : Соцэкгиз, 1935. – 527 с.
73. Гегель, Г. Сочинения : в 14 т. Т. 4. Ч. 1. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа / Г. Гегель. – М. : Соцэкгиз, 1959. – 440 с.
74. Гегель, Г. Сочинения : в 14 т. Т. 5. Наука логики. Т. 2 / Г. Гегель. – М. : Соцэкгиз, 1937. – 714 с.
75. Гегель, Г. Сочинения: в 14 т. Т. 6. Наука логики. Т. 2 / Г. Гегель. – М. : Соцэкгиз, 1939. – 388 с.
76. Гельвеций, К. О человеке, его умственных способностях и его воспитании / К. Гельвеций. – М. : Соцэкгиз, 1938. – 450 с.
77. Гельвеций, К. Об уме / Гельвеций. – М. : Соцэкгиз, 1938. – 395 с.
78. Герцен, А. И. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / А. И. Герцен. – М. : Мысль, 1985. – 592 с.
79. Глинский, Б. А. Г.В.Ф. Гегель о роли диалектики в научном познании // Актуальные вопросы диалектики : сб. / Б. А. Глинский. – М. : РАН, 2000. – С. 215–217.
80. Гончарова А. Н. Проблема согласования общественных и личных интересов в процессе построения гражданского общества / А. Н. Гончарова. – Красноярск : КГУ, 2001. – 151 с.
81. Григорьев, В. Н. Уголовный процесс : учебник / В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин. – М. : Эксмо, 2005. – 832 с.

82. Гришин, С. П. Активность суда и состязательность уголовного процесса / С. П. Гришин // Российский судья. – 2006. – №1. – С. 9–13.
83. Гродзинский, М. М. Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский. – М. : Госюриздат, 1949. – 229 с.
84. Громов, В. Уголовно-судебные доказательства / В. Громов, Н. Лаговьер. – М., 1929. – 143 с.
85. Громов, Н. А. Состязательность и равноправие сторон как принцип уголовного процесса / Н. А. Громов, В. В. Лисоволенко, А. И. Гришин // Следователь. – 1999. – № 5. – С. 34–39.
86. Грэхэм, Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхэм. – М. : Политиздат, 1991. – 480 с.
87. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия // Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – С.11–113.
88. Гуценко, К. Ф. О новом Уголовно-процессуальном кодексе РФ / К. Ф. Гуценко // Законодательство. – 2002. – № 6. – С. 2–9.
89. Давлетов, А. А., Барабаш, Ал. С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве / А. А. Давлетов, Ал. С. Барабаш // Российский юридический журнал. – 2011. – № 4. – С.125-136.
90. Давлетов, А. А. Всесторонность и полнота исследования доказательств и обстоятельств дела как процессуально-методологические правила познания в уголовном судопроизводстве / А. А. Давлетов // Уголовно-процессуальные формы борьбы с правонарушениями : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1983. – С. 19–26.
91. Давлетов, А. А. Односторонность или неполнота уголовно-процессуального исследования как основание пересмотра приговора : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Давлетов. – Свердловск, 1980. – 191 с.

92. Давлетов, А. А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности / А. А. Давлетов // Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 99–102.
93. Давлетов, А. А. Проблема состязательности решена в УПК РФ неудачно / А. А. Давлетов // Российская юстиция. – 2003. – № 8. – С. 25–27.
94. Давлетов, А.А. Основы уголовно-процессуального познания / А.А. Давлетов. – Свердловск: Гуманитарный ун-т, 1997. - 190 с.
95. Дадонов, С. В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Дадонов. – М., 2003. – 176 с.
96. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т.1. – СПб.-М. : Т-во М.О. Вольф, 1912. – 1752 с.
97. Даневский, В. П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа / В. П. Даневский. – Киев, 2003. – 145 с.
98. Данилюк, А. И. Принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Данилюк. – Томск, 1974. – 23 с.
99. Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1 / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – 656 с.
100. Джатиев, В. С. Общая методология и современные проблемы обвинения и защиты по уголовным делам : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В. С. Джатиев. – Владикавказ, 1995. – 40 с.
101. Дидро, Д. Избранные произведения / Д. Дидро. – М.-Л. : Худлит, 1951. – 256 с.
102. Доля, Е. А. Проблема начала в теории уголовного процесса (постановка вопроса) / Е. А. Доля // Государство и право. – 1996. – № 10. – С. 54–59.
103. Егоров, А. Ю. Состязательность в стадии назначения судебного заседания : дис. ... канд. юрид. наук / А. Ю. Егоров. – Екатеринбург, 2003. – 186 с.

104. Еникеев, З. Д. Проблемы уголовного преследования в современной России / З. Д. Еникеев // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 1. – Екатеринбург, 2005. – С. 282.
105. Жданова, Я. В. Проблемы вероятного и достоверного в уголовно-процессуальном доказывании и их влияние на принятие отдельных процессуальных решений следователем : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Я. В. Жданова. – Ижевск, 2004. – 34 с.
106. Здравомыслов, А. Г. Проблема интереса в социологической теории / А. Г. Здравомыслов. – Л. : ЛГУ, 1964. – 127 с.
107. Здриковский, В. А. Объективность, всесторонность и полнота предварительного расследования в советском уголовном процессе / В. А. Здравомыслов. – Свердловск, 1969. – 22 с.
108. Зинатуллин, З. З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы / З. З. Зинатуллин, Т. З. Егорова, Т. З. Зинатуллин. – Ижевск : ДетективИнформ, 2002. – 228 с.
109. Ильенков, Э. В. Идеальное / Э. В. Ильенков // Философская энциклопедия. Т. 2 / Э. В. Ильенков. – М. : Сов. энциклопедия, 1962. – С. 104–106.
110. Ильенков, Э. В. Мышление и язык у Гегеля / Э. В. Ильенков // Доклады X Междунар. Гегелевского конгресса. Вып. IV. – М., 1974. – С. 69–81.
111. История философии : энциклопедия / сост. А. Грицанов. – Минск : Книжный Дом, 2002. – 1375 с.
112. Канке, В. А. История философии. Мыслители, концепции, открытия : учеб. пособие / В. А. Канке. – М. : Логос, 2003. – 431 с.
113. Келина, С. Г. Принципы советского уголовного права / С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 1988. – 175 с.

114. Кириллова, Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел : моногр. – СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. – 408 с.
115. Киссель, В. Л. Наукоучение. Общие принципы логики и методологии научного познания. Семиотика науки / В. Л. Киссель // Философские исследования. – 2002. – № 2. – С.115–117.
116. Киссель, В. Л. О сущности научных понятий / В. Л. Киссель // Вестник Российского философского общества. – 2003. – Вып. 4. – С. 105–106.
117. Клейман, Л. В. Установление относимости доказательств при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. В. Клейман. – Омск, 2001. – 22 с.
118. Ключевский, В.О. Курс русской истории / [Соч.] Проф. В. Ключевского. - 4-е изд. Ч. 2. - Москва : Тип. т-ва А. Левенсон, 1916. - [2], 516, IV с.
119. Колоколов, Н. А. Не ограничится ли реформа предварительного следствия очередной сменой руководства? / Н. А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 4. – С. 22–24.
120. Комаров, И. М. Криминалистические операции криминалистический метод познания в уголовном судопроизводстве / И. М. Комаров // Известия Алтайского государственного университета. – 2002. – № 2. – С. 42.
121. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / отв. ред. И. Л. Петрухин. 2008 // Консультант-Плюс.
122. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. – М. : Юрист, 2004. – 823 с.
123. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. Я. Сухарева. – М. : Норма, 2004. – 456 с.

124. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Вводный / под ред. В. Т. Томина. – М. : Юрайт-М, 2002. – 378 с.
125. Корнакова, С. В. Логические основы уголовно-процессуального доказывания : автореф. дис... канд. юрид. наук / С. В. Корнакова. – Иркутск, 2008. – 22 с.
126. Кохановский, В. П. Философия и методология науки : учебник /В. П. Кохановский. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 574 с.
127. Кошельков, Ю. В. Становление розыскного процесса в России в конце XV-начале XVI в. / Ю. В. Кошельков // Проблемы истории России. – Екатеринбург : Волот, 2003. — Вып. 5: На перекрестках эпох и традиций. – С. 149-157.
128. Крапивенский, С. Э. Общий курс философии : учебник для студентов нефилологических специальностей / С. Э. Крапивенский. – М. : Либрис, 2001. – 684 с.
129. Кронов, Е. В. О реализации принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе России / Е. В. Кронов // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 141–149.
130. Кузнецов, Н. П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России : автореф. дис. ...д-ра юрид. наук / Н. П. Кузнецов. – Воронеж, 1998. – 34 с.
131. Кумпф, Ф. Диалектическая логика: основные принципы и проблемы / Ф. Кумпф, З. М. Оруджев. – М. : Политиздат, 1979. – 286 с.
132. Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. А. Кухта. – Н. Новгород, 2010. – 58 с.
133. Куцова, Э. Ф. Истина и состязательность / Э. Ф. Куцова // Законодательство. – 2002. – № 9. – С. 71–79.
134. Лазарева, В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России : учеб. пособие / В. А. Лазарева. – Самара : Самарский ун-т, 2007. – 303 с.

135. Лазарева, В. А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе / В. А. Лазарева // Уголовный процесс. – 2007. – № 3. – С. 98–102.

136. Лазарева, В. А. Стереотипы мышления как тормоз становления состязательности в уголовном процессе Российской Федерации / В. А. Лазарева // Доклады и сообщения на конференции "Уголовная юстиция: связь времен"// <http://www.iaaj.net/node/430>

137. Ланге, Н. И. Древнее русское уголовное судопроизводство 14-17 вв. / Н. И. Ланге. – СПб. : Типография А. Трапшеля, 1884. – 248 с.

138. Леванский, В. А. Моделирование в социально-правовых исследования / В. А. Леванский. – М. : Наука, 1986. – 126 с.

139. Левченко, О. В. Уголовно-процессуальное доказывание (сущность, средства доказывания, предмет и пределы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. В. Левченко. – Ижевск, 2001. – 51 с.

140. Лейбниц, Г. В. Сочинения в четырех томах. Т. 3 / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982. – 734 с.

141. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 29. Философские тетради / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1980. – 782 с.

142. Леонтьев А. К. Устюжская губная грамота 1540 г. / А. К. Леонтьев // Исторический архив. – 1960. – № 4. – С. 218-222.

143. Линовский, В. А. Опыт исторических разысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. – Одесса : Типография Л. Нитче, 1849. – 262 с.

144. Лонь, С. Л. «Правоизучение» в системе правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса / С. Л. Лонь // Юридическое образование и наука. - М.: Юрист, 2009, № 2. - С. 18-20.

145. Лонь, С. Л. О необходимости глубокого изучения процесса правового регулирования общественных отношений в сфере уголовного процесса / С. Л. Лонь // Уголовно-процессуальный кодекс Российской

Федерации: год правоприменения и преподавания. Материалы международной научно-практической конференции, 27 - 28 октября 2003 г. – М.: Изд-во МГЮА. –2004. - С. 17-20.

146. Лонь, С. Л. Назначение правового регулирования отношений, возникающих в сфере уголовного процесса / С. Л. Лонь // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 51.– Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. –С. 24-27.

147. Лукашевич, В. З . Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ / В. З. Лукашевич, А. Б. Чичканов // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 105–107.

148. Лукичев, Н. А. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. А. Лукичев. – Саратов, 2003. – 28 с.

149. Люблинский, П. И. Суд и права личности / П. И. Люблинский // Судебная реформа. Т. 2 / под ред. Н. В. Давыдова, Н. Н. Полянского. – М. : Объединение, 1915. – С. 1–40.

150. Макаркин, А. И. Состязательность на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук /А. И. Макаркин. – СПб., 2001. – 205 с.

151. Маркс, К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23. – М. : Политиздат, 1960. – 907 с.

152. Мартынчик, Е. Г. Адвокатское расследование: понятие, природа, особенности и сущность (к разработке модели) / Е. Г. Мартынчик // Адвокатская практика. – 2005. – № 1. – С.16–19.

153. Масленникова, Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л. Н. Масленникова. – М., 2000. – 46 с.

154. Масленникова, Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук / Л. Н. Масленникова. – М., 2000. – 555 с.

155. Меликян, М. Н. О специфике доказывания в ходе предварительной проверки информации о преступлениях / М. Н. Меликян // Государство и право. – 1998. – № 10. – С. 76–82.
156. Мень, А. Мировая духовная культура. Н. А. Бердяев // http://www.alexandrmen.ru/books/mdc/mdc4_07.html
157. Мизулина, Е. Б. О модели уголовного процесса / Е. Б. Мизулина // Правоведение. – 1989. – № 5. – С. 46–51.
158. Мизулина, Е. Б. Послесловие / Е. Б. Мизулина // Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П. А. Лупинской. 2005 // КонсультантПлюс.
159. Минасян, А. М. Диалектика как логика : учебник / А. М. Минасян. – Ростов н/Д : РИСИ, 1991. – 536 с.
160. Миттермайер, К. Ю. А. Уголовное судопроизводство в Англии, Шотландии и Северной Америке / К. Ю. А. Миттермайер. – М. : Издание А. Унковского, 1864. – 446 с.
161. Михайловский, И. В. Основные принципы организации уголовного суда / И. В. Михайловский. – Томск : Типогр. П.И. Макушина, 1905. – 336 с.
162. Михайловский, И. В. Судебное право как самостоятельная юридическая наука / И. В. Михайловский // Право. – 1908. – № 32. – С. 142.
163. Муравьев, Н. В. Инструкция чинам прокурорского надзора округа Санкт-Петербургской судебной палаты / Н. В. Муравьев. – СПб. : А. Суворин, 1884. – 49 с.
164. Нажимов, В. П. Типы, формы и виды уголовного процесса / В. П. Нажимов. – Калининград, 1977. – 92 с.
165. Назаров, А. Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда / А. Д. Назаров. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 323 с.
166. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. 2007 // КонсультантПлюс.

167. Николайчик, Н. И. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования / Н. И. Николайчик, Е. А. Матвиенко. – Минск : БГУ, 1969. – 192 с.
168. Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3 / под ред. В. С. Степина. – М. : Мысль, 2010. – 692 с.
169. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Изд. В. М. Скакун, 1998. – 896 с.
170. Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 г. // Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. Вып. 7, М., 1963. – 633 с.
171. Оболкина, А. Л. Модели предварительного (досудебного) производства по уголовным делам: Сравнительно-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук / А. Л. Оболкина. – Омск, 2005. – 193 с.
172. Обуховский, В. А. Уголовные доказательства в истории и советском праве / В. А. Обуховский. – Харьков : НКЮ, 1926. – 188 с.
173. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Мир и Образование, 2011. – 736 с.
174. Орлов, Ю. К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : науч.-практ. пособие / Ю. К. Орлов. – М. : Проспект, 2000. – 144 с.
175. Орлов, Ю. К. Структура судебного доказывания и понятие судебного доказательства / Ю. К. Орлов // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 28. – М. : Юрилит, 1978. – С. 97–101.
176. Орлов, Ю. К. Установление истины как цель доказывания в уголовном процессе / Ю. К. Орлов // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 192–198.
177. Осипков, Е. Н. Действие принципа состязательности сторон на этапе подготовки к судебному заседанию в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Осипков. – Оренбург, 2007. – 18 с.

178. Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова. Вып. 4, М., 1956. – 632с.
179. Пашин, С. А. Проблемы доказательственного права / С. А. Пашин // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. – М., 1995. – С. 312.
180. Пашин, С. А. Проблемы статуса судей и возрождения суда присяжных в контексте российской судебной реформы / С. А. Пашин // Нормативные материалы о судьях и суде присяжных. – М. : Юрид. лит., 1994. – С. 3–20.
181. Пашин, С. А. Состязательность отложена в сторону // Проект Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: научно-практический анализ // <http://www.coast.ru/referats/librery1/editions/upk/2.htm>
182. Петров, Ю. А. Наука и методология. 2005 // <http://www.philosophy.ru/library/petrov/petrov.html>
183. Петрова, О. В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / О. В. Петрова. – Воронеж, 2000. – 220 с.
184. Петрухин, И. Л. Состязательность и правосудие / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 1994. – № 10. – С. 128–137.
185. Печников, Г. А. Диалектические проблемы истины в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук / Г. А. Печников. – Волгоград, 2005. – 462 с.
186. Печников, Г. А. Диалектика и уголовный процесс / А. Г. Печников // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С. 199–208.
187. Пискун, О. А. Истина в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Пискун. – Иркутск, 2006.–192 с.
188. Питерцев, С. К. Новый взгляд на роль категорий всесторонности, полноты и объективности в управлении расследованием преступлений / С. К. Питерцев // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 172–178.

189. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 / Платон. – М. : Мысль, 1993. – 528 с.
190. Поляков, М. П. О принципиальном подходе к понятию общих условий стадий досудебного и судебного производства / М. П. Поляков, Р. Р. Шайхулов // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 1. – С.7–17.
191. Полянский, Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – М. : МГУ, 1956. – 271 с.
192. Полянский, Н.Н. Цель уголовного процесса / Н. Н. Полянский. – Ярославль : Демидовский лицей, 1919.
193. Попова, Л. В. Актуальные вопросы обеспечения всесторонности при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Л. В. Попова. – Калининград, 2005. – 19 с.
194. Похмелкин, В. А. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела на предварительном следствии / В. А. Похмелкин // Ученые записки Пермского университета. № 150. – Пермь, 1966. – С. 77–93.
195. Проблемы общей теории социалистического государственного управления / отв. ред. М. И. Пискотин. – М. : Наука, 1981. – 312 с.
196. Проблемы судебного права / под ред. В. М. Савицкого. – М. : Наука, 1983. – 223 с.
197. Ревенко, Н. И. Обеспечение следователем всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела при осуществлении уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук / Н. И. Ревенко. – Омск, 2006. – 213 с.
198. Рогов, В. А. Проблемы истории русского уголовного права, XV - середина XVII вв. : дис. ... д-ра юрид. наук / Рогов В. А. – М., 2003. – 373 с.
199. Российский гуманитарный энциклопедический словарь : в 3 т. 2002 // <http://slovari.yandex.ru/dict/rges/index2.htm>
200. Руденко, А. В. Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы: уголовно-процессуальное

и криминалистическое исследование : автореф. ... д-ра юрид. наук / А. В. Руденко. – Краснодар, 2011. – 63 с.

201. Рыбинская, Е. Т. Состязательность российского уголовного судопроизводства при рассмотрении дел в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Т. Рыбинская. – Иркутск, 2008. – 23 с.

202. Рыжаков, А. П. Уголовный процесс : учебник / А. П. Рыжаков. – М. : НОРМА, 2004. – 704 с.

203. Рябцева, Е. В. Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Рябцева. – Воронеж, 2005. – 24 с.

204. Сардарян, Н. Т. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. Т. Сардарян. – М., 2010. – 19 с.

205. Свиридов, М. К. О методе уголовно-процессуального регулирования и сфере его действия / М. К. Свиридов // Право на судебную защиту в уголовном процессе. -Томск : Изд-во Томского университета, 2007. -С. 33-37

206. Свиридов, М. К. Тенденции развития российского уголовно-процессуального законодательства / М. К. Свиридов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 358. С. 52–56

207. Свиридов, М. К. Установление истины на предварительном расследовании и в судебном разбирательстве / М. К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. Ч. 51. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 3–6;

208. Свиридов, М. К. Установление судом истины в судебном разбирательстве / М. К. Свиридов // Вестник Томского государственного Университета. – 2011. – № 353. – С.142 – 147

209. Седаш, Е. А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. А. Седаш. – Саратов, 2000. – 24 с.

210. Сергеева, О. Б. Достижение истины в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О. Б. Сергеева. – Владивосток, 2009. – 20 с.
211. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. 2009 // КонсультантПлюс.
212. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – СПб. : Наука, 2002. – 223 с.
213. Смирнов, А. В. Об исторической форме советского уголовного процесса / А. В. Смирнов // Правоведение. – 1989. – № 5. – С. 56–62.
214. Смирнов, А. В. Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность / А. В. Смирнов // Журнал российского права. – 2001. – № 12. – С. 145–156.
215. Смирнов, А. В. Состязательный процесс/ А. В. Смирнов. – СПб. : Альфа, 2001. – 320 с.
216. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – М. : Кнорус, 2007. – 704 с.
217. Смирнов, В. П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства / В. П. Смирнов // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 58–64.
218. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энциклопедия, 1980. – 1600 с.
219. Соколова, В. В. Философия духа и материи Рене Декарта / В. В. Соколова // Декарт Р. Сочинение в 2 т. Т. 1. – М. : Мысль, 1989.
220. Соколовская, Н. С. Полнота, всесторонность и объективность исследования обстоятельств уголовного дела и принцип состязательности / Н. С. Соколовская // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Ч. 51. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. – С. 49–53.

221. Солнцева, Н. Принцип-невидимка в уголовном судопроизводстве / Н. Солнцева // Законность. – 2003. – № 5. – С. 37–39.
222. Соркин, В. С. Особенности процессуального доказывания в уголовном судопроизводстве / В. С. Соркин. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 95 с.
223. Спасович, В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В. Д. Спасович. – М. : Лекс Эст, 2001. – 94 с.
224. Ставинский, И. Формальная и Диалектическая Логика как Единство Противоположностей или Развитие Классической Философии // <http://sites.google.com/site/socialcapital1/Home/russkiestati/formalnaa-i-dialekticeskaa-logika>
225. Стакун, Г. А. Место и роль моделирования в системе научного и художественного познания : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Г. А. Стакун. – Чебоксары, 2010. – 23 с.
226. Стародубова, Г. В. Методы и управление процессом установления истины в уголовном судопроизводстве: автореф. дис....канд. юрид. наук / Г. В. Стародубова. – Воронеж, 2008. – 24 с.
227. Стецовский, Ю. И. К вопросу о процессуальной форме советского уголовного судопроизводства / Ю. И. Стецовский // Вопросы борьбы с преступностью. – М., 1975. – Вып. 23. – С. 107–120.
228. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем / Н. Г. Стойко. – СПб. : СПбГУ, 2006. – 262 с.
229. Столяров, В. И. Диалектика как логика познания и методология науки / В. И. Столяров. – М. : Политиздат, 1975. – 447 с.
230. Стояновский, Н. И. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству / Н. И. Стояновский. – М. : Универ. типогр, 1858. – 148 с.

231. Строгович, М. С. Курс советского уголовного права. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1970. – 516 с.
232. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – М. : Наука, 1968. – 469 с.
233. Субботин, Л. Л. Фрэнсис Бэкон и принципы его философии / Л. Л. Субботин // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т. 1. – М. : Мысль, 1970. – С. 5–57.
234. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Юрист, 2000. – 771 с.
235. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – М. : Юрлит, 1973. – 736 с.
236. Тертышник, В. Концептуальная модель системы принципов уголовного процесса России и Украины в свете сравнительного правоведения / В. Тертышник, С. Щерба // Уголовное право. – 2001. – № 4. – С. 73–76.
237. Тертышник, В. М. Теория доказательств : учеб. издание / В. М. Тертышник, С. В. Слинько. – Харьков : Арсис, 1998. – 256 с.
238. Ткачёва, Н. В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, в уголовном процессе России / Н. В. Ткачева. – Челябинск : ЮУрГУ, 2004. – 191 с.
239. Томин, В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В. Т. Томин. – М. : Юрайт, 2009. – 376 с.
240. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / под ред. П. А. Лупинской. – М. : Юристъ, 2005. – 815 с.
241. Уголовный процесс : учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. 2005 // Гарант.
242. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко, А. Д. Прошлякова. – М. : Волтерс-Клувер, 2011. – 1056 с.

243. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.И. Радченко. – М. : Юстицинформ, 2006. – 432 с.
244. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. П. А. Лупинской. – М. : Юрист, 1995. – 544 с.
245. Фалькенберг, Р. История новой философии / Р. Фалькенберг. – СПб. : И.П. Перевозников, 1898. – 632 с.
246. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. – М. : Прогресс, 1987. – 654 с.
247. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. 2004 // <http://ariom.ru/wiki/Ob'ektivnost'>
248. Философия для аспирантов : учеб. пособие / отв. ред. В. П. Кохановский. – Ростов н/Д : Феникс, 2003. – 448 с.
249. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова – М. : Республика, 2001. – 719 с.
250. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Альфа, 1996. – 607 с.
251. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1 / И. Я. Фойницкий. – СПб. : Сенатская типография, 1902. – 515 с.
252. Хашимов, Р. А. Категория «цель» в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Р. А. Хашимов. – Челябинск, 2006. – 26 с.
253. Хилл, Т. Современные теории познания / Т. Хилл. – М. : Прогресс, 1965. – 800 с.
254. Хитрова, О. В. О некоторых понятиях уголовно-процессуального закона / О. В. Хитрова // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. – Екатеринбург : УрГУ, 2005. – С. 353–357.
255. Чайковский, А. В. К исследованию основных этапов деятельности // <http://www.philosoph.onu.edu.ua/elb/articles/chaikovski/ethap.pdf>
256. Чайковский, А. В. Метод как средство познания бытия // <http://www.philosoph.onu.edu.ua/elb/articles/chaikovski/method.pdf>

257. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов. – М. : Госюриздат, 1951. – 511 с.
258. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. Т.1. – М. : Русский язык, 1993. – 623 с.
259. Шагиева, З. Х. Функция обвинения в современной модели российского уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З. Х. Шагиева. – Ижевск, 2007. – 29 с.
260. Шейфер, С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. 2009 // Консультант-Плюс.
261. Шейфер, С. А. О законопроекте «О внесении изменений в УПК РФ в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» / С. А. Шейфер // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4. – С.280–287.
262. Шептулин, А. П. Диалектический метод познания / А. П. Шептулин. – М. : Политиздат, 1983. – 320 с.
263. Шестакова, С. Д. Состязательность уголовного процесса / С. Д. Шестакова. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 219 с.
264. Шестов, Л. И. *Memento mori* (По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля) / Л. И. Шестов // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск : Сагуна, 1994.
265. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М. : Эдиториал УРСС, 2003. – 243 с.
266. Шумаков, С. А. Губные и земския грамоты Московскаго государства Москва: В Унив. тип., 1895. – 248 с.
267. Щеглова, Е. С. Концепция состязательности в российской правовой мысли конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. С. Щеглова. – Владимир, 2007. – 26 с.

268. Элькинд, П. С. К вопросу о юридической природе советского уголовного процесса / П. С. Элькинд // Правоведение. – 1958. – № 2. – С. 91–103.

269. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд. – Л. : ЛГУ, 1976. – 143 с.

270. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. – М. : Политиздат, 1961. – 828 с.

271. Явич, Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. – Л. : ЛГУ, 1976. – 285 с.

272. Якимович, Ю. К. Избранные труды / Ю. К. Якимович. – СПб : Юрид. центр Пресс, 2011. – 772 с.

273. Якимович, Ю. К. Досудебное производство по УПК Российской Федерации (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие) / Ю. К. Якимович, Т. Д. Пан. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 295 с.

274. Якубович, Н. А. Познание и его методы на предварительном следствии / Н. А. Якубович // Вопросы борьбы с преступностью: Труды Иркутского университета. Серия юрид., вып. 11, ч. 4. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1971. – Т. 81. – С. 70–88.

АНКЕТА

В рамках проведения научного исследования с целью выяснения статуса всесторонности, полноты и объективности в современном уголовном процессе обращаемся к Вам как к экспертам с просьбой дать ответы на сформулированные ниже вопросы. Результаты Ваших ответов будут использованы только в научных целях. Анкета анонимная.

Просим Вас перед заполнением внимательно прочитать пункты анкеты. В большинстве случаев Вы должны дать один ответ на вопрос, где возможно несколько – это специально указывается. Выделять ответы можно по-разному, главное, чтобы было понятно, какому ответу Вы отдаете предпочтение.

1) Вы:

- а) Следователь/дознаватель;
- б) прокурор (зам. прокурора, пом. прокурора);
- в) адвокат;
- г) судья.

2) Срок работы в этом качестве:

- а) менее 3 лет;
- б) от 3 до 6;
- в) от 6 до 10;
- г) свыше 10.

3) В каком субъекте Российской Федерации Вы работаете в настоящий момент?

4) Что Вы понимаете под всесторонностью исследования обстоятельств дела? (Возможны несколько вариантов ответов)

- а) Собираение максимально возможного числа доказательств по делу;
- б) Обязательная проверка версии подсудимого/обвиняемого и версии потерпевшего;
- в) Проверка всех возможных версий произошедшего;
- г) Поиск как оправдательных, так и обвинительных доказательств по делу;
- д) Обязательное приобщение к делу всех материалов, представленных стороной защиты.
- е) Иное _____

- 5) **Что Вы понимаете под полнотой исследования обстоятельств дела? (Возможны несколько вариантов ответов)**
- а) Это синоним всесторонности;
 - б) Достаточность доказательств по делу;
 - в) Собираение по делу доказательств разных видов;
 - г) Проверку всех собранных доказательств на достоверность;
 - д) Иное _____
- 6) **Что Вы понимаете под объективностью исследования обстоятельств дела? (Возможны несколько вариантов ответов)**
- а) Это синоним всесторонности или полноты;
 - б) Беспристрастность и независимость;
 - в) Учет объективных закономерностей в исследовании при построении и проверке версий;
 - г) Обоснованность выводов по итогам расследования или судебного разбирательства;
 - д) Реализация при исследовании законов диалектической и формальной логик.
 - е) Иное _____
- 7) **Руководствуетесь ли Вы в своей деятельности в рамках уголовного судопроизводства всесторонностью, полнотой и объективностью исследования обстоятельств дела**
- а) да, всегда
 - б) иногда
 - в) нет
- 8) **Если Вы руководствуетесь в своей деятельности всесторонностью, полнотой и объективностью исследования обстоятельств дела, то почему? (Возможны несколько вариантов ответов)**
- а) Это требование закона;
 - б) Это требование руководства;
 - в) Это требование практики;
 - г) Без реализации данного требования невозможно установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию;
 - д) Иное _____
 - е) Затрудняюсь ответить;
- 9) **Можно ли считать всесторонность, полноту и объективность единым требованием или это три разных требования?**
- а) Всесторонность, полнота и объективность – это единое требование;

- б) Это три разных требования, которые могут существовать самостоятельно;
- в) Объективность может существовать как самостоятельное требование, всесторонность и полнота крепко взаимосвязаны.
- г) Иное _____

10) Кому, по-вашему, адресовано требование всесторонности, полноты и объективности? (Возможно несколько вариантов ответов)

- а) Следователю/дознавателю;
- б) Прокурору;
- в) Судье;
- г) Защитнику;
- д) Иным участникам уголовного судопроизводства.

11) Можно ли сказать, что в действующем УПК РФ закреплено требование всесторонности, полноты и объективности?

- а) Да;
- б) Нет;
- в) Частично.

12) Что Вы понимаете под принципом уголовного процесса?

- а) Основное общее начало уголовного процесса;
- б) Основное положение уголовного процесса, которому должны соответствовать все остальные нормы;
- в) Правовая идея, связанная с построением уголовного процесса;
- г) Императивное требование к субъектам уголовного процесса;
- д) Нормы УПК РФ, изложенные в главе «Принципы уголовного процесса»;
- е) Иное _____;
- ж) Затрудняюсь ответить.

13) Что Вы понимаете под методом уголовного процесса?

- а) Метод правового регулирования уголовно-процессуального права;
- б) Основное положение уголовного процесса, которому должны соответствовать все остальные нормы;
- в) Императивное требование к субъектам уголовного процесса;
- г) Основной способ организации и осуществления уголовно-процессуальной деятельности;
- д) Тоже самое, что и принцип уголовного процесса;
- е) Иное _____;
- ж) Затрудняюсь ответить;

- 14) Каков, по-вашему, статус всесторонности, полноты и объективности в уголовно-процессуальной деятельности?**
- а) Это основное положение уголовно-процессуального права;
 - б) Это одно из основных положений уголовно-процессуального права;
 - в) Это метод уголовного процесса;
 - г) Это не самое важное положение;
 - д) Этот принцип уголовного процесса;
 - е) Это неважное положение, можно обойтись и без него.
- 15) Если требование всесторонности, полноты и объективности окончательно исчезнет из УПК РФ, будете ли Вы им руководствоваться в своей деятельности в сфере уголовного судопроизводства?**
- а) Да, буду;
 - б) Нет, не буду;
 - в) Затрудняюсь ответить.
- 16) Если не будете, то почему? (В случае если ответ на предыдущий ответ а или в, вопрос можно пропустить)**
- а) Если чего-то прямо не закреплено в законе, то этим не надо руководствоваться;
 - б) Никогда им не руководствовался;
 - в) Это положения не для меня, а для других субъектов и участников;
 - г) Иное _____
- 17) Исходя из Вашего опыта, много ли отменяется постановлений, приговоров по мотивам нарушения всесторонности, полноты или объективности проверки, расследования, судебного разбирательства?**
- а) Отменяют и достаточно много;
 - б) Отменяют, но не так, чтобы много;
 - в) Мало, но такой мотив отмены встречается;
 - г) Не помню отмен на таком основании.
- 18) Как Вам кажется, возможно ли существование требования всесторонности, полноты и объективности в условиях состязательного процесса?**
- а) Да, возможно;
 - б) Нет, невозможно;
 - в) Затрудняюсь ответить.
- 19) Считаете ли Вы российский уголовный процесс состязательным?**
- а) Да;
 - б) Нет.

20) Должен ли прокурор, выступая в качестве государственного обвинителя руководствоваться требованием всесторонности, полноты и объективности?

- а) Да, должен;
- б) Нет, не должен.

21) Если не должен, то почему? (В случае если ответ на предыдущий ответ а, вопрос можно пропустить)

- а) Это положение не для него;
- б) В силу состязательности процесса;
- в) Его задача именно обвинять;
- г) Иное _____

22) Что лично Вам препятствует всесторонне, полно и объективно исследовать фактические обстоятельства дела? (Возможно несколько вариантов ответов)

- а) Этим положением не нужно руководствоваться, так как процесс состязательный;
- б) большая загруженность;
- в) ограниченность процессуальных сроков;
- г) процессуальный статус не позволяет руководствоваться этим положением;
- д) все вышеперечисленные факторы;
- е) ничто не препятствует;
- ж) необходимость в наращивании статистических показателей;
- з) иное _____

БОЛЬШОЕ СПАСИБО!

Таблица обработки результатов анкетирования

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №4 Что Вы понимаете под всесторонностью исследования обстоятельств дела? ¹						
	респонденты		отве тили	а	б	в	г	д	е
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	52,6%	39,7%	57,7%	41%	4%	0%
2.	Прокуроры	27	27	55,6%	40,1%	51,9	26%	11,1%	0%
3.	Адвокаты	28	28	28,6%	67,9%	60,7	50%	28,6%	0%
4.	Судьи	30	30	50%	43,3%	56,7%	26,7%	3,3%	3,3%
	Итого	163	163	46,6%	43,6%	56,4%	36,2%	10,4%	0,01%
	Красноярский край	93	93	49,5%	47,3%	55,9%	40,9%	8,6%	1,1%
	Иные субъекты РФ	70	70	42,9%	38,6%	57,1%	30%	12,9%	0%

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №5 Что Вы понимаете под полнотой исследования обстоятельств дела? ²					
	респонденты		ответ или	а	б	в	г	д
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	29,5%	59%	25,6%	29,5%	2,6%
2.	Прокуроры	27	27	37%	40,7%	26%	40,7%	0%
3.	Адвокаты	28	28	42,9%	50%	14,3%	53,6%	0%
4.	Судьи	30	30	30%	80%	3,3%	10%	0%
	Итого	163	163	33,7%	58,9%	19,6%	32,5%	1,8%
	Красноярский край	93	93	28%	54,8%	28%	37,6%	1,1%
	Иные субъекты РФ	70	70	41,4%	64,3%	8,6%	25,7%	2,8%

¹ В ответе на вопрос было допустимо указать несколько вариантов, поэтому сумма процентов ответивших может превышать 100%.

² В ответе на вопрос было допустимо указать несколько вариантов, поэтому сумма процентов ответивших может превышать 100%.

№ п/п	Вопрос	опротоено	Вопрос №6 Что Вы понимаете под объективностью исследования обстоятельств дела? ¹						
	респонденты		отве тили	а	б	в	г	д	е
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	7,8%	79,5%	11,5%	25,6%	3,8%	1,3%
2.	Прокуроры	27	27	11,1%	70,4%	33,3%	33,3%	3,7%	0%
3.	Адвокаты	28	28	7,1%	75%	25%	46,4%	7,1%	0%
4.	Судьи	30	30	0%	76,7%	16,7%	23,3%	10%	0%
	Итого	163	163	6,7	77,9%	18,4%	30,1%	5,5%	0,6%
	Красноярский край	93	93	10,8%	68,8%	19,4%	34,4%	5,4%	1,1%
	Иные субъекты РФ	70	70	1,4%	90%	17,1%	24,3%	5,7%	0%

№ п/п	Вопрос	опротоено	Вопрос №7 Руководствуетесь ли Вы в своей деятельности в рамках уголовного судопроизводства всесторонностью, полнотой и объективностью исследования обстоятельств дела?			
	респонденты		отве тили	а	б	в
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	89,7%	0%	10,3%
2.	Прокуроры	27	27	96,3%	3,7%	0%
3.	Адвокаты	28	28	57,1%	17,9%	25%
4.	Судьи	30	30	93,3%	6,7%	0%
	Итого	163	163	86%	10,4%	3,6%
	Красноярский край	93	93	92,5%	4,3%	3,2%
	Иные субъекты РФ	70	70	77,1%	18,6%	4,3%

¹ В ответе на вопрос было допустимо указать несколько вариантов, поэтому сумма процентов ответивших может превышать 100%.

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №8 Если Вы руководствуетесь в своей деятельности всесторонностью, полнотой и объективностью исследования обстоятельств дела, то почему? ¹						
	респонденты		отве тили	а	б	в	г	д	е
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	67,9%	0%	1,3%	53,8%	3,8%	1,3
2.	Прокуроры	27	27	55,6%	7,1%	7,1%	55,6%	0%	3,7%
3.	Адвокаты	28	28	28,6%	0%	17,9%	64,3%	7,1%	10,7%
4.	Судьи	30	30	73,3%	0%	0%	43,3%	0%	0%
	Итого	163	163	60,1%	1,2%	5,5%	49,1%	3%	4,7%
	Красноярский край	93	93	62,4%	2,6%	4,3%	61,3%	0%	4,3%
	Иные субъекты РФ	70	70	57,4%	0%	7,1%	32,9%	7,1%	1,4%

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №9 Можно ли считать всесторонность, полноту и объективность единым требованием или это три разных требования?				
	респонденты		отве тили	а	б	в	г
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	69,3%	11,5%	17,9%	1,3%
2.	Прокуроры	27	27	55,6%	18,5%	25,9%	0%
3.	Адвокаты	28	28	53,6%	25%	21,4%	0%
4.	Судьи	30	30	56,7%	20%	23,3%	0%
	Итого	163	163	61,9%	16,6%	20,9%	0,6%
	Красноярский край	93	93	67,7%	17,2%	14%	1,1%
	Иные субъекты РФ	70	70	54,3%	15,7%	30%	0%

¹ В ответе на вопрос было допустимо указать несколько вариантов, поэтому сумма процентов ответивших может превышать 100%.

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №10 Кому, по-вашему, адресовано требование всесторонности, полноты и объективности? (Возможно несколько вариантов ответов)? ¹					
	респонденты		ответ или	а	б	в	г	д
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	96,2%	57,7%	70,5%	6,4%	1,3%
2.	Прокуроры	27	27	81,5%	92,6%	96,3%	3,8%	0%
3.	Адвокаты	28	28	85,7%	71,4%	96,4%	28,6%	0%
4.	Судьи	30	30	76,7%	66,7%	96,7%	3,3%	0%
	Итого	163	163	88,3%	67,5%	84,1%	9,2%	0,6%
	Красноярский край	93	93	86%	59,1%	80,1%	6,5%	1,1%
	Иные субъекты РФ	70	70	91,4%	78,6%	88,6%	12,9%	0%

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №11 Можно ли сказать, что в действующем УПК РФ закреплено требование всесторонности, полноты и объективности?			
	респонденты		отве тили	а	б	в
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	59%	7,7%	33,3%
2.	Прокуроры	27	27	88,9%	3,8%	7,3%
3.	Адвокаты	28	28	50%	17,9%	32,1%
4.	Судьи	30	30	73,3%	3,3%	23,3%
	Итого	163	163	65%	8%	27%
	Красноярский край	93	93	70%	3,2%	26,8%
	Иные субъекты РФ	70	70	58,6%	14,3%	27,1%

¹ В ответе на вопрос было допустимо указать несколько вариантов, поэтому сумма процентов ответивших может превышать 100%.

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №12 Что Вы понимаете под принципом уголовного процесса?							
	респонденты		отве тили	а	б	в	г	д	е	ж
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	29,5%	23,1%	12,8%	1,3%	12,8%	0%	20,5%
2.	Прокуроры	27	27	37%	40,8%	0%	11,1%	11,1%	0%	0%
3.	Адвокаты	28	28	25%	32,2%	21,5%	7,1%	7,1%	0%	7,1%
4.	Судьи	30	30	23,3%	26,7%	10%	10%	10%	0%	20%
	Итого	163	163	28,9%	28,2%	11,7%	5,5%	11%	0%	14,7%
	Красноярский край	93	93	35,5%	24,7%	10,8%	4,3%	11,8%	0%	12,9%
	Иные субъекты РФ	70	70	20%	32,9%	12,9	7,1%	10%	0%	17,1%

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №13 Что Вы понимаете под методом уголовного процесса?							
	респонденты		отве тили	а	б	в	г	д	е	ж
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	20,5%	6,4%	0%	35,9%	2,6%	1,3%	33,3%
2.	Прокуроры	27	27	51,9%	7,4%	3,7%	29,6%	7,4%	0%	0%
3.	Адвокаты	28	28	25%	0%	10,7%	46,4%	0%	0%	17,9%
4.	Судьи	30	30	33,3%	0%	3,3%	26,7%	13,3%	0%	23,4%
	Итого	163	163	28,7%	4,3%	3,1%	35%	5%	0,6%	23,3%
	Красноярский край	93	93	31,2%	5,4%	3,2%	36,6%	5,4%	0%	18,2%
	Иные субъекты РФ	70	70	25,7%	2,9%	2,9%	32,8%	4,3%	1,4%	30%

№ п/п	Вопрос	опротоено	Вопрос №14 Каков, по-вашему, статус всесторонности, полноты и объективности в уголовно-процессуальной деятельности?						
	респонденты		отве тили	а	б	в	г	д	е
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	29,5%	50%	1,3%	1,3%	16,6%	1,3%
2.	Прокуроры	27	27	40,7%	22,2%	11,1%	0%	26%	0%
3.	Адвокаты	28	28	14,3%	28,6%	3,6%	7,1%	42,8%	3,6%
4.	Судьи	30	30	43,4%	20%	3,3%	0%	30%	3,3%
	Итого	163	163	27%	40,5%	3,7%	1,8%	25,2%	1,8%
	Красноярский край	93	93	33,3%	36,6%	4,3%	1,1%	22,6%	2,1%
	Иные субъекты РФ	70	70	18,6%	45,6%	2,9%	2,9%	28,6%	1,4%

№ п/п	Вопрос	опротоено	Вопрос №15 Если требование всесторонности, полноты и объективности окончательно исчезнет из УПК РФ, будете ли Вы им руководствоваться в своей деятельности в сфере уголовного судопроизводства?			
	респонденты		отве тили	а	б	в
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	77%	7,7%	15,3%
2.	Прокуроры	27	27	100%	0%	0%
3.	Адвокаты	28	28	57,2%	21,4%	21,4%
4.	Судьи	30	30	83,4%	3,3%	13,3
	Итого	163	163	78,5%	8%	13,5%
	Красноярский край	93	93	82,8%	4,3%	12,9%
	Иные субъекты РФ	70	70	72,9%	12,9%	14,2%

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №16 Если не будете, то почему? (В случае если ответ на предыдущий ответ а или в, вопрос можно пропустить) ¹				
	респонденты		отве тили	а	б	в	г
1.	Следователи/ дознаватели	78	5	80%	20%	0%	0%
2.	Прокуроры	27	0	0%	0%	0%	0%
3.	Адвокаты	28	10	30%	0%	70%	0%
4.	Судьи	30	2	100%	0%	0%	0%
	Итого	163	17	47%	6%	47%	0%
	Красноярский край	93	4	75%	0%	25%	0%
	Иные субъекты РФ	70	13	46%	8%	46%	0%

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №17 Исходя из Вашего опыта, много ли отменяется постановлений, приговоров по мотивам нарушения всесторонности, полноты или объективности проверки, расследования, судебного разбирательства?				
	респонденты		отве тили	а	б	в	г
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	15,4%	42,3%	23,1%	19,2%
2.	Прокуроры	27	27	18,5%	51,9%	18,5%	11,1%
3.	Адвокаты	28	28	3,6%	25%	50%	21,4%
4.	Судьи	30	30	30%	33,3%	13,3%	23,4%
	Итого	163	163	16,6%	39,3%	22,1%	22%
	Красноярский край	93	93	17,2%	40,1%	22,6%	19,4%
	Иные субъекты РФ	70	70	15,7%	37,1%	28,6%	18,6%

¹ В ответе на вопрос было допустимо указать несколько вариантов, поэтому сумма процентов ответивших может превышать 100%.

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №18 Как Вам кажется, возможно ли существование требования всесторонности, полноты и объективности в условиях состязательного процесса?			
	респонденты		отве тили	а	б	в
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	65,4%	17,9%	16,7%
2.	Прокуроры	27	27	85,2%	14,8%	0%
3.	Адвокаты	28	28	82,2%	7,1%	10,7%
4.	Судьи	30	30	80%	20%	0%
	Итого	163	163	74%	16%	10%
	Красноярский край	93	93	68,8%	20,4%	10,8%
	Иные субъекты РФ	70	70	81,4%	10%	8,6%

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №19 Считаете ли Вы российский уголовный процесс состязательным?		
	респонденты		отве тили	а	б
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	52,6%	47,4%
2.	Прокуроры	27	27	70,4%	29,6%
3.	Адвокаты	28	28	21,4%	78,6%
4.	Судьи	30	30	30%	70%
	Итого	163	163	53%	47%
	Красноярский край	93	93	60,2%	39,8%
	Иные субъекты РФ	70	70	44,3%	55,7%

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №20 Должен ли прокурор, выступая в качестве государственного обвинителя руководствоваться требованием всесторонности, полноты и объективности?		
	респонденты		отве тили	а	б
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	96,2%	3,8%
2.	Прокуроры	27	27	100%	0%
3.	Адвокаты	28	28	96,4%	3,6%
4.	Судьи	30	30	90%	10%
	Итого	163	163	96%	4%
	Красноярский край	93	93	93,5%	6,5%
	Иные субъекты РФ	70	70	98,6%	1,4%

№ п/п	Вопрос	опрощено	Вопрос №21 Если не должен, то почему? (В случае если ответ на предыдущий ответ а, вопрос можно пропустить)				
	респонденты		отве тили	а	б	в	г
1.	Следователи/ дознаватели	78	6	0%	16,6%	66,8%	16,6%
2.	Прокуроры	27	0	0%	0%	0%	0%
3.	Адвокаты	28	5	80%	0%	20%	0%
4.	Судьи	30	4	50%	50%	0%	0%
	Итого	163	15	46,7%	13,3%	33,3%	6,7%
	Красноярский край	93	5	20%	20%	60%	0%
	Иные субъекты РФ	70	10	10%	60%	20%	10%

№ п/п	Вопрос	опрошено	Вопрос №22 Что лично Вам препятствует всесторонне, полно и объективно исследовать фактические обстоятельства дела? (Возможно несколько вариантов ответов) ¹						
	респонденты		отве тили	а	б	в	г	е ²	ж
1.	Следователи/ дознаватели	78	78	3,8%	53,8%	55,1%	5%	15,4%	24,4%
2.	Прокуроры	27	27	0%	14,8%	11,1%	0%	81,5%	0%
3.	Адвокаты	28	28	14,3%	3,8%	3,8%	46,4%	35,7%	3,8%
4.	Судьи	30	30	0%	16,7%	13,3%	10%	73,3%	3,3%
	Итого	163	163	4,3%	32,5%	32%	13%	40,5%	13%
	Красноярский край	93	93	2,6%	36,6%	35,5%	7,5%	39,8%	15,1%
	Иные субъекты РФ	70	70	7,1%	27,1%	27,1%	20%	41,4%	10%

¹ В ответе на вопрос было допустимо указать несколько вариантов, поэтому сумма процентов ответивших может превышать 100%.

² Варианты д) и з) не были задействованы ни в одной анкете, в связи с этим в таблице отсутствуют.

Сводная таблица результатов изучения кассационных определений за период с 1.01.2012 по 31.12.2012¹

№	Месяц	Количество ² определений с упоминанием ³ объективности, всесторонности и полноты		Количество отмен приговоров или апелляционных постановлений/приговоров из числа указанных в предыдущем столбце		Номера дел ⁴	
		Красноярский краевой суд	Томский областной суд	Красноярск	Томск	Красноярск	Томск
1.	Январь	19	14	0	2	22-50/2012 22-53/2012 22-73/2012 22-75/2012 22-542/2012 22-586/2012 22-412/2012 22-280/2012 22-408/2011 22-541/2012 22-148/2012	22-87/2012 22-86/2012 22-62/2012 22-187/2012 22-214/2012 22-218/2012 22-130/2012 22-320/2012 22-104/2012 22-183/2012 22-351/2012

¹ Изучались кассационные определения по жалобам на приговор или на апелляционное постановление, апелляционный приговор.

² Количество, приведенное в таблице, не может быть точным по нескольким причинам. 1. Не все кассационные определения доступны для изучения в силу ч.5 ст.15 ФЗ от 22.12.2008 N 262-ФЗ (ред. от 18.07.2011) "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации"; 2. Вполне допускается, что не все из решений, которые должны быть доступны и опубликованы таковыми являются в силу недавнего начала функционирования ГАС «Правосудие».

³ Учитывались упоминания только в контексте оценки судом первой инстанции проведенного судебного следствия. Упоминания в контексте приведения доводов жалоб не учитывались. Упоминание также учитывалось при указании только на всесторонность или с указанием на всесторонность с полнотой и/или объективностью.

⁴ Номера дел в данном столбце – номера, присвоенные судом кассационной инстанции и указанные в определениях. По данному номеру можно увидеть определение суда в ГАС «Правосудие» на сайте соответствующего суда, а также увидеть номер дела в районном суде, под которым чаще всего они хранятся в его архиве.

						22-406/2012 22-484/2012 22-234/2012 22-296/2012 22-109/2012 22-156/2012 22-157/2012 22-169/2012	22-146/2012 22-553/2012 22-331/2012
2.	Февраль	24	21	1	1	22-12/2012 22-905/2012 22-911/2012 22-996/2012 22-997/2012 22-874/2012 22-117/2012 22-990/2012 22-724/2012 22-927/2012 22-914/2012 22-903/2012 22-1158/2012 22-1698/2012 22-1391/2012 22-1178/2012 22-1618/2012 22-1380/2012 22-1364/2012 22-1165/2012 22-1170/2012 22-1003/2012	22-80/2012 22-705/2012 22-707/2012 22-652/2012 22-195/2012 22-716/2012 22-568/2012 22-510/2012 22-1205/2012 22-925/2012 22-886/2012 22-159/2012 22-618/2012 22-856/2012 22-995/2012 22-1101/2012 22-855/2012 22-443/2012 22-868/2012 22-1061/2012 22-157/2012

						22-1031/2012 22-1032/2012	
3.	Март	30	11	1	1	22-2103/2012 22-1870/2012 22-1801/2012 22-2338/2012 22-2221/2012 22-2220/2012 22-2478/2012 22-2431/2012 22-2474/2012 22-2626/2012 22-2019/2012 22-2466/2012 22-1575/2012 22-2639/2012 22-1735-2012 22-1194/2012 22-1857-2012 22-1890/2012 22-2176/2012 22-1778/2012 22-1750/2012 22-2179/2012 22-2247/2012 22-2192/2012 22-2417/2012 22-2024/2012	22-885/2012 22-157-2012 22-956/2012 22-854/2012 22-947/2012 22-1480/2012 22-930/2012 22-1446/2012 22-1062/2012 22-1478/2012 22-1520/2012

						22-1868/2012 22-1583/2012 22-1843/2012 22-1645/2012 22-1749/2012	
4.	Апрель	14	13	1	0	22-2600/2012 22-3150/2012 22-2983/2012 22-2651/2012 22-3130/2012 22-3409/2012 22-3289/2012 22-2524/2012 22-3340/2012 22-2918/2012 22-2221/2012 22-2492/2012 22-2595/2012 22-2221/2012	22-1485/2012 22-1617/2012 22-959/2012 22-1205/2012 22-1730/2012 22-1378/2012 22-1397/2012 22-1881/2012 22-2013/2012 22-278/2012 22-1630/2012 22-1675/2012 22-1791/2012
5.	Май	18	8	0	0	22-3767/2012 22-4327/2012 22-3592/2012 22-4939/2012 22-3891/2012 22-4468/2012 22-4258/2012 22-4599/2012 22-4400/2012 22-3827/2012	22-2168/2012 22-2233/2012 22-1879/2012 22-2424/2012 22-2367/2012 22-1987/2012 22-2444/2012 22-2565/2012

						22-4462/2012 22-4610/2012 22-3401/2012 22-3080/2012 22-3994/2012 22-4055/2012 22-3098/2012 22-3793/2012	
6.	Июнь	21	13	0	2	22-5144/2012 22-5341/2012 22-5095/2012 22-4712/2012 22-5129/2012 22-5303/2012 22-5376/2012 22-5456/2012 22-5425/2012 22-4941/2012 22-5288/2012 22-5148/2012 22-4886/2012 22-5153/2012 22-4767/2012 22-4268/2012 22-4732/2012 22-4883/2012 22-3848/2012 22-4581/2012 22-4579/2012	22-2461/2012 22-2702/2012 22-2628/2012 22-2579/2012 22-2315/2012 22-2734/2012 22-2276/2012 22-2701/2012 22-2871/2012 22-2847/2012 22-3001/2012 22-2748/2012 22-3151/2012
7.	Июль	23	25	0	1	22-6149/2012	22-3141/2012

						22-6506/2012 22-5679/2012 22-6301/2012 22-5749/2012 22-6114/2012 22-5913/2012 22-6402/2012 22-6509/2012 22-6266/2012 22-5768/2012 22-6034/2012 22-6120/2012 22-6355/2012 22-6323/2012 22-5719/2012 22-5867-2012 22-6223/2012 22-6122/2012 22-5627/2012 22-6032/2012 22-5882/2012 22-5940/2012	22-2984/2012 22-3131/2012 22-3210/2012 22-2819/2012 22-3149/2012 22-3233/2012 22-3268/2012 22-2942/2012 22-2959/2012 22-1833/2012 22-3225/2012 22-2123/2012 22-2724/2012 22-3287/2012 22-3002/2012 22-3452/2012 22-3522/2012 22-3519/2012 22-3285/2012 22-3601/2012 22-3160/2012 22-3184/2012 22-3230/2012 22-3295/2012
8.	Август	14	17	1	0	22-6782/2012 22-6530/2012 22-6953/2012 22-7364/2012 22-7395/2012 22-7168/2012	22-3456/2012 22-3412/2012 22-3379/2012 22-3402/2012 22-3581/2012 22-3413/2012

						22-7404/2012 22-7122/2012 22-6633/2012 22-4952/2012 22-6687/2012 22-6537/2012 22-7080/2012 22-7248/2012	22-3544/2012 22-3835/2012 22-3946/2012 22-3591/2012 22-3644/2012 22-4207/2012 22-4169/2012 22-3801/2012 22-4224/2012 22-4222/2012 22-4347/2012
9.	Сентябрь	23	12	2	0	22-6830/2012 22-7471/2012 22-7476/2012 22-7488/2012 22-7692/2012 22-7721/2012 22-7722/2012 22-7768/2012 22-7798/2012 22-7800/2012 22-7937/2012 22-7938/2012 22-7963/2012 22-8006/2012 22-8020/2012 22-8083/2012 22-8107/2012 22-8108/2012	22-4374/2012 22-4164/2012 22-4168/2012 22-4112/2012 22-4662/2012 22-4578/2012 22-4475/2012 22-4473/2012 22-4187/2012 22-3904/2012 22-4277/2012 22-4354/2012

						22-8109/2012 22-8127/2012 22-8128/2012 22-8153/2012 22-8241/2012	
10.	Октябрь	25	6	2	0	22-9080/2012 22-8428/2012 22-8526/2012 22-8687-2012 22-8661-2012 22-8537-2012 22-9159/2012 22-9127/2012 22-9022/2012 22-8937/2012 22-8919/2012 22-8879/2012 22-8808/2012 22-8802/2012 22-8781/2012 22-8686/2012 22-8684/2012 22-8642/2012 22-8608/2012 22-8601/2012 22-8555/2012 22-8486/2012 22-8461/2012 22-8455/2012 22-8122/2012	22-4463/2012 22-4967/2012 22-5028/2012 22-4845/2012 22-5129/2012 22-5185/2012

11.	Ноябрь	19	20	1	0	22-9434/2012 22-10068/2012 22-10058/2012 22-9990/2012 22-9947/2012 22-9885/2012 22-9883/2012 22-9864/2012 22-9799/2012 22-9791/2012 22-9750/2012 22-9748/2012 22-9714/2012 22-9614/2012 22-9499/2012 22-9485/2012 22-9360/2012 22-9248/2012 22-9611/2012	22-5331/2012 22-5077/2012 22-5024/2012 22-5441/2012 22-4898/2012 22-5190/2012 22-5408/2012 22-5424/2012 22-5423/2012 22-5213/2012 22-5586/2012 22-4837/2012 22-5018/2012 22-5326/2012 22-5445/2012 22-4893/2012 22-5425/2012 22-5686/2012 22-5445/2012 22-5326/2012
12.	Декабрь	6	7	1	0	22-10911/2012 22-10816/2012 22-10635/2012 22-10598/2012 22-10454/2012 22-10360/2012	22-5637/2012 22-5688/2012 22-5639/2012 22-5908/2012 22-5394/2012 22-5392/2012 22-5918/2012
	Всего	236	167	10	7		

Процент упоминаний объективности, всесторонности и полноты от общего числа решений

	Общее количество рассмотренных жалоб на приговоры, апелляционные определения/приговоры за 2012 год	Количество определений с упоминанием объективности, всесторонности и полноты	Процент (не менее какого процента) ¹	Количество отмен с направлением на новое рассмотрение всего	Количество отмен с указанием на всесторонность	Процент отмен с указанием на всесторонность от общего числа отмен
Красноярский краевой суд	7482 ²	236	3%	673	10	1,5%
Томский областной суд	1195 ³	167	14%	44	7	16%

¹ Следует читать как «не менее 14 %» в силу неполного доступа к кассационным определениям.

² Ответ Красноярского краевого суда от 27.05.2013 № 1038.

³ Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном (апелляционном) порядке за 2012 год (Районный суд) / <http://oblsud.tms.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=158>; Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел в кассационном (апелляционном) порядке за 2012 год (Мировой судья) / <http://oblsud.tms.sudrf.ru/modules.php?name=information&id=160>